

БОРИС СТОМАХИН

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА

Берлин 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

Вот уже второй срок живу одной ненавистью...

Борис Стомахин

Борис Стомахин (р. 1974) – российский публицист либерального толка, „профессиональный революционер“ (как он сам себя однажды назвал), прославившийся своими радикальными идеями. Политзаключенный, отбывающий уже второй срок.

В своих многочисленных интернетных публикациях он страстно разоблачал ложь, лицемерие и совковость, царящие в российской политической жизни – как в правящих, так и в оппозиционных кругах. Позже, окончательно разуверившись в своей Родине и своем народе, Борис начал призывать уничтожить Россию и убивать русских. В стихах и прозе. На его виртуальные призывы российские власти ответили реальными жестокими сроками. Карцером. Потоком великодержавной драконьей злобы.

Хочу подчеркнуть, что Стомахин начал призывать убивать русских после того, как из первых рук узнал, какие невероятные зверства устроила Россия в Чечне. Око за око.

Борис не только встал на сторону чеченских жертв, он самоидентифицировался с ними. Его пафос, его призывы – это именно пафос и призывы непобежденных, несмирившихся чеченцев. Людей, у которых будановы убили отцов и матерей, замучили братьев, изнасиловали сестер, сожгли дома, загадили землю.

И грузин, которых Россия унизила и обокрала в 2008 году.

А теперь и украинцев...

Стомахин не зовет Русь к топору, он пытается убедить нерусские народы России (когда-то покоренные и придавленные русскими), а также другие народы Земли – уничтожить Россию, потому что, по его мнению, то, что сделала Россия с Чечней – она хотела бы сделать со всем миром. Это можно было бы считать абсурдным преувеличением, но фактический захват Россией Южной Осетии

и Абхазии, аннексия Крыма и создание путинцами кровавых бандитских лугандонов в Донбассе доказывают хотя бы частичную правоту Стомахина. Российские „Грады“ уже почти полгода убивают украинцев, российские солдаты, подло и трусливо переодетые в форму донецких и луганских сепаратистов, штурмуют украинские позиции на украинской земле. Если бы не упорное сопротивление добровольцев, лежать бы Украине под путинским сапогом...

Критикуя позицию Стомахина, нельзя забывать и то, что позорно развалившийся пращур путинской России – СССР, о котором так горько ностальгирует нынешний ее правитель, из всех сил пытающийся вернуть его из небытия, – после победы над фашистской Германией не ушел с освобожденных территорий, а оставил там свою армию на столетия и устроил сталинские анклав. Например, в бывшем концентрационном лагере Бухенвальд под Веймаром советские устроили так называемый „Спецлагерь номер два“, в котором погибли 7000 человек. СССР всю свою историю терроризировал собственное население и население подмятых им под себя стран, дестабилизировал весь мир, пытаясь любыми средствами расширить сферу своего влияния, посылал куда только мог войска, шантажировал, убивал своих бывших граждан зарубежом, подкупал западных политиков и врал, врал, врал. Врал везде, где можно. Так же ведет себя и современная Россия, ее экспансия ограничена не доброй волей ее правителей и ее народа, а исключительно низкими ценами на нефть. И Стомахин не закрывает на это глаза, как подавляющее большинство граждан России, а вопиет, грозит и насылает на Россию и русских казни египетские... из камеры-одиночки в пермской колонии.

Целью настоящей публикации не было пропагандировать „жесткие“ идеи Стомахина – я категорически против каких-либо насильственных действий против государств и народов – мне хотелось показать, что под маской иступленного русофоба есть у Бориса и еще что-то, кроме ненависти. Ясный аналитический ум, очевидный пророческий дар, стремление к добру, ранимое сердце. И еще, возможно самое важное, – любовь к свободе

и мужество проповедовать то, что думаешь. Невзирая на последствия.

...

Поначалу я хотел опубликовать только письма Бориса, потом понял, что этого мало, и добавил несколько других его текстов, чтобы дать читателю представление о его публицистике, тюремной прозе и поэзии.

Публикация не претендует ни на академичность, ни на полноту. Некоторые письма я сократил. Другие тексты Стомахина (не письма) не сокращал.

Пассажи в квадратных скобках – примечания. Мои или адресатов писем.

На задней стороне обложки, а также на титульной странице текста – рисунки Виктора Корба.

В конце книги я опубликовал несколько рисунков московской художницы Светланы Гофман, сделанных, так же как и работы Корба, с натуры во время второго процесса Стомахина.

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ СТОМАХИНА

20 ноября 2006 г. Борис Стомахин был приговорен Бутырским судом Москвы по ч. 2 ст. 280 (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), ч. 1 ст. 282 (возбуждение ненависти либо вражды) УК РФ путем частичного сложения наказаний к пяти годам лишения свободы – с лишением права заниматься журналистской деятельностью сроком на 3 года, с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима; срок наказания исчисляется с 22 марта 2006 г. 23 мая 2007-го Московский городской суд оставил приговор без изменения. Борис Стомахин освобожден 21 марта 2011 г., полностью отбыв свой срок. 20 ноября 2012-го был задержан вновь, пробыв на свободе чуть больше полутора лет.

22 апреля 2014 г. Стомахин был приговорен к 6,5 года лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима. 15 июля 2014 г. приговор, несмотря на истечение срока давности по ряду эпизодов, был утвержден Московским городским судом.

Суд признал его виновным по ч. 1 ст. 205.2 УК РФ (оправдание терроризма), ст. 280 УК РФ (призывы к экстремизму), ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды) и по ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 205.2 УК РФ (приготовление к публичному оправданию терроризма с использованием СМИ). Отбывал наказание в ФКУ ИК-10 Пермского края. В декабре 2014 г. переведен в Москву для разбирательства по третьему делу, возбужденному против него.

[Составил Глеб Эделев.]

ПИСЬМА БОРИСА СТОМАХИНА

МИХАИЛУ СААКАШВИЛИ [3.12.2013]

ОТКРЫТОЕ ОБРАЩЕНИЕ К ЭКС-ПРЕЗИДЕНТУ ГРУЗИИ

Уважаемый Михаил Николаевич [правильно – Николозович]!

Ваша миссия на посту Президента Грузии окончена. Пора подводить итоги. Сейчас я хочу кратко озвучить главные из них:

- 1) Вы приобрели право считаться великим человеком. Ваше имя вписано отныне золотыми буквами в историю человечества;
- 2) Грузия под вашим руководством полностью порвала с советским имперским наследием, с вековым наследием русского колониализма и стала частью Европы, современным цивилизованным демократическим государством.

Есть еще один, дополнительный итог, вообще никак не озвучиваемый лживыми российскими СМИ, но очевидный каждому непредвзятому наблюдателю. Все последние годы – еще даже до русской агрессии, где-то с 2006 года – вы и никто другой были главным врагом Империи Зла, Северного Мордора. Персональным врагом. Врагом № 1 этой чудовищной Системы, убивающей и на десятки и сотни лет закабаляющей целые народы.

Это большая честь, согласитесь, – быть для них, для чекистского кремлевского режима, врагом №1. Да, именно с 2006 г., вы стали им как раз после смерти Шамиля Басаева, бывшего их главным врагом предыдущие 10 лет. А когда-то это почетное звание носили такие люди, как Лев Троцкий и Александр Солженицын, например. Так что вы в хорошей компании. Но это едва ли не первый прецедент, когда врагом №1 для Системы стал не один из внутренних диссидентов, не бывший носитель верховной власти и даже не полководец национально-освободительного движения, а глава иностранного государства.

Отчаянное, героическое сопротивление этого государства новому русскому захвату – вот причина столь лютой ненависти к вам московских реваншистов.

Но почивать на лаврах не время. В опасности не только ваша страна, власть в которой ныне опять захвачена московскими агентами и коллаборантами. Все бывшие русские колонии стоят перед угрозой нового захвата, перед лицом хищного и кровавого московского имперского реваншизма. Народы нынешних колоний, все еще находящихся под властью Москвы, подвергаются ежедневному, тотальному, безжалостному культурному, языковому и духовному геноциду, выжиганию и вытравливанию их национальной самобытности, языка и культуры. Фактически идет их насильственная ассимиляция. Не говоря уже о Кавказе, где последние 20 лет происходит самый настоящий (физический) геноцид его коренных народов, прямое продолжение геноцида 1864 и 1943–44 гг.

Россия – это концентрированные варварство и дикость; возведенное в принцип и в доблесть средневековое кровавое варварство, облеченное в костюмы, галстуки и часы самых дорогих европейских марок. Но внешний европейский лоск никак не повлиял на гастрономические пристрастия кремлевских людоедов. Вся история России – это история ее пыточных приказов и тайных канцелярий, охранки и КГБ, захватившего ныне всю власть в стране. Никакому реформированию и европеизированию эта жуткая людоедская империя не поддается, – наоборот, она безжалостно пожирает всех своих реформаторов, обезглавливает, расстреливает или отправляет гнить в ГУЛАГ. Никакого цивилизованного, мирного, вежливого обращения эти варвары – как властители, так и простонародье – не понимают, вежливость оппонента считают слабостью – и немедленно наглеют. Степень одичания и озверения этой империи, претендующей учить весь мир, как надо жить, Вы, г-н экс-президент, могли в августе-сентябре 2008 г. оценить не только по варварским русским бомбежкам Вашей страны, не только по оголтелому мародерству русских оккупантов в грузинских

городах, но и по совершенно запредельному хамству Путина и Медведева в их публичных выступлениях лично в Ваш адрес.

Никто, ни одна страна на так называемом постсоветском пространстве не может чувствовать себя в безопасности, свободно жить и развиваться, пока не уничтожена Россия, пока она существует и строит свои хищные планы имперского реванша, восстановления СССР под разными масками и разных версий. Будь они членами ЕС, НАТО (как страны Балтии) или чего угодно еще – гарантий их независимости нет, пока рядом с ними существует этот Мордор, пока стоит Темная башня с курантами и красной звездой наверху. В 1939-м ЕС и НАТО еще не было, но Финляндия была полноправной частью мирового сообщества, это счастье, что у нее – единственной в тогдашней Европе – хватило сил отбиться. Польша давно уже член НАТО, но это не спасло в 2010 г. польского президента Качиньского, самолет которого был взорван русскими спецслужбами под Смоленском, а он сам и 95 его спутников хладнокровно и безжалостно убиты. Все давно уже знают, что это было спланированное убийство, но кто и как сможет наказать Путина за это чудовищное преступление? По одной из версий, Качиньский был особенно ненавистен Москве за то, что в августе 2008 г. приезжал в Тбилиси, под русские бомбы, поддержать независимость и свободу Грузии.

Рано почивать на лаврах. Рано радоваться независимости и строить планы торговых взаимоотношений с Россией. Русские танки наготове, в любой момент их могут бросить на любую страну, имеющую такое несчастье, как общая граница с Мордором. Грузия испытала это на себе сполна, 20% ее территории оккупировано, в любой момент агрессия может повториться. Москва яростно, остервенело, поспешно перевооружает свою армию, тратит на военные расходы все большую и большую часть бюджета, ставит на вооружение в Восточной Пруссии и других местах вдоль западной границы новейшие ракеты. На кого они могут быть направлены, кроме непокорных, не желающих возвращаться в рабство соседей? Побег из ГУЛАГа всегда считался в этой стране поводом для самой безжалостной расправы, если только беглеца удавалось

поймать живым. Яростное же сопротивление Москвы установке в Европе системы ПРО ясно свидетельствует, что именно Москва вынашивает планы ракетного нападения. На кого? На США – они вряд ли решатся.

По счастью, у Грузии есть вы. Другим придется тяжелее. Но проблема общая, потому и решение должно быть общее, коллективное. Иначе Бидзины, Януковичи, Нилы Ушаковы и прочие будут расти и множиться, как плесень, и тащить свои страны обратно, в московское имперское стойло.

Не Сирия, не Иран главная мировая проблема современности, а Россия (поддерживающая и Сирию, и Иран, и любые диктаторские режимы в мире). Увы, у человечества нет сегодня ни Рейгана, ни одного из Бушей, чтобы оценить эту угрозу и принять адекватные меры. Эту угрозу понимает сенатор Маккейн, но его личных усилий, увы, недостаточно. Придется бороться в окружении, без шансов на победу, дав клятву – победить или умереть.

История возлагает сегодня именно на вас, Михаил Николаевич [Николозович], новую миссию: возглавить эту борьбу, быть нашим вождем, лицом, именем, символом борьбы всех угнетенных народов империи за свое освобождение. От Черного моря до Балтийского, от стран – членов НАТО до самых угнетенных народов оккупированной русскими Сибири, доведенных до вымирания, – это наша общая борьба. Пока существует Россия, пока она не уничтожена, не развалилась на части и не прекратила свое существование навеки – не может быть ни для кого из нас ни жизни, ни свободы, ни независимости, ни процветания. Ни для Югры, ни для Литвы, ни для Идель-Урала, ни для Грузии, ни для Украины, ни для русских диссидентов в тюрьмах и лагерях Московии.

Сейчас, из тюрьмы, я не берусь полно и точно описывать, как эта наша борьба против империи должна выглядеть в деталях. Но общее направление однозначно: ликвидация РФ как единой империи, как субъекта международного права в ее нынешних границах, в первую очередь – через поддержку национально-освободительных движений в колониях и на оккупированных

территориях. Иначе не будет жизни никому из соседей, да и всей Европе, беспечно целующейся с Путиным и живущей на деньги от русского туризма и торговли, предавшей собственные фундаментальные принципы свободы и прав человека.

Увы, русские подкупают Европу. Всегда.

Видимо, нужно создавать что-то вроде прежнего Антибольшевистского блока народов, распущенного в 1996 г., когда казалось, что его задачи выполнены. Большевистский опыт геноцида и колониализма Москва успешно соединила с опытом царской России – и этот симбиоз варварства, насилия, угнетения и колониальных захватов разных веков сделан официальной политикой нынешней РФ, прямо наследующей как царским, так и советским палачам народов. Против них надо объединить все имеющиеся ресурсы: политические, экономические, военные, интеллектуальные; задействовать все международные организации и все возможности международного права.

Я не знаю, чем вы планируете заниматься в отставке. Знаю только, что ничего важнее борьбы против русского имперского реваншизма для Грузии, для всей Европы, как и для маленького цивилизованного меньшинства внутри самой России, нет и быть не может. И знаю, что более подходящей кандидатуры, чем вы, для того, чтобы объединить угнетенные народы и возглавить их борьбу за свободу, не существует.

Оставайтесь же по-прежнему для них врагом №1!

За вашу и нашу свободу!

Борис Стомахин, политзаключенный

3.12.2013, СИЗО [следственный изолятор] „Медведково“, Москва

[Как в воду глядел Стомахин. Через четыре месяца после того, как он написал это письмо, Россия незаконно аннексировала Крым, а немного позже начала отгрызать у слабой соседки Донбасс. Напоролась на санкции. И была остановлена мужественным сопротивлением украинцев.]

АЛЕКСАНДРУ МАЙСУРЯНУ [6.11.2009]

Здравствуйте, Александр!

Письмо Ваше до меня таки дошло, чему я чрезвычайно рад! Передавайте огромный горячий привет всем, кто подписал его вместе с Вами! И спасибо за поздравление – хотя, по-моему, 30 октября – это не совсем праздник и не совсем повод для поздравлений...

Интересно, что вы с Романовым переписываетесь. Я его хорошо знаю еще по 90-м и знаю, что он был в ДС [Демократическом союзе] когда-то, в 80-е. Мне другое интересно: строчка-то моя, на которую он отвечает, как к нему попала? Вы не книжку обо мне случайно ему высылали?

Напишите мне, как вообще у него дела, где он сидит и сколько ему осталось. Если хотите, можете ему передать мое мнение (оно у меня еще с самого начала, как его посадили), что, выйдя на полгода всего лишь после 5 лет Бутырки – и сесть на 10 лет за совершенно ненужный, нелепый, никчемный и даже жертв никаких не повлекший демонстративный взрыв урны у здания СБУ, – это чистейший идиотизм! Уж мог бы что-нибудь покруче, посущественнее придумать, чтобы эти 10 лет получить. Если честно, во времена личного общения я был о его умственных способностях более высокого мнения.

Не знаю уж, кем он считает себя сейчас, но и для левого вообще (настоящего, а не а la КПРФ), и тем паче для анархиста, коим он всегда был, – оправдывать российскую армию и воспевать ее „заслуги“ хоть за 2 века, хоть за сколько, – это полный позор! Вы ему можете так и передать (вместе с благодарностью за теплые слова и пожелание держаться, конечно; ему желаю того же), и Вы правы, что мою позицию его доводы, конечно же, не изменят.

Извольте, разберем по пунктам, если угодно.

1. Об „освобождении“ Освенцима и т. п. Это позор – хвалить Совок и его армию за „освобождение“ Освенцима, когда ДО Освенцима были Беломорканал и канал Москва–Волга, а ПОСЛЕ – Степлаг, Колыма, Камышлаг, Озерлаг и т. д. и т. п. И если там не в печах сжигали, а просто з/к умирал от голода,

холода, болезней и непосильной, каторжной работы – это еще не значит, что Россия не создала у себя лагерей уничтожения, может быть, и покруче Освенцима. По крайней мере, жертв больше. О судьбе евреев, которых эта самая армия после 20 лет похвальбы „малой кровью на территории противника“ просто-напросто сдала в 1941-м гитлеровцам, драпанув до самой Москвы, говорить лучше не будем, как и о развязанной в 1948 г. бешеной антисемитской кампании, во многом списанной с гитлеровских образцов. (Это если Романов или кто еще будет говорить об Освенциме как о лагере уничтожения евреев). Да к тому же и газовые камеры, как свидетельствует, по-моему, генерал Григоренко (не помню точно, где это читал) возникли де-факто в СССР раньше, чем в Германии: еще году в 1933-м, что ли, рассказывал кто-то из тогдашних ээков, он в окно тюрьмы видел, как в тюремном дворе в автозак набивают людей („кулаков“ типа и пр.). Автозак отъезжает; через несколько минут он подъезжает снова, дверь открывается – оттуда валят клубы дыма и штабелями валятся трупы. Вот так-то.

2. О спасении армян в 1916 г. Тут я ничего не буду говорить, ибо историю эту практически не знаю и не изучал, документов никаких не видел, увы. Турция, как известно, отрицает геноцид до сих пор. В то же время, не помню уж, где и когда, но мелькала, помню, в публикациях на эту тему такая версия, что армянское население Турции в 1-ю мировую войну поддерживало Россию, против которой Турция воевала вместе с Германией и Австрией, и насилие турок по отношению к армянам этим простым фактом и вызвано. Вообще – это похоже на правду, но судить основательно не берусь из-за незнакомства с деталями. В любом случае, когда один империалистический хищник отбирает добычу у другого, чтобы сожрать самому, – это вовсе не повод благодарить его за доброту и благородство и объявлять спасителем. А хищная имперская политика России на Кавказе, „оправдываемая“ ее соперничеством там с Англией, всем известна уже не один век. Российская-то империя, как видим, оказалась покруче и Британской, что уж там об Османской говорить, – обе

они давно стали историей, а эта все стоит, гниет, но никак еще не рухнет...

3. Собственно, то же самое можно отнести и к „освобождению“ балканских народов от турок, о чем тоже пишет Романов. Отобрать у турок, чтобы закабалить, править и грабить самим, – это не освобождение. Просто болгары и сербы, дураки (впрочем, в то время все по таким шаблонам и мыслили), купились на то, что турки – мусульмане, и это, дескать, ужасное порабощение – быть под властью мусульман; а вот под властью единоверцев православных быть – это прямо счастье несказанное. Еще – для полноты картины – можно поинтересоваться мнением об „освобождении Балкан Россией“ хорватов, боснийских мусульман и пр.

4. О „крушении мировой колониальной системы“ и марионеточных диктаторских режимов как заслуге России, извините, смешно даже говорить. Я как-то не ожидал, что Романов докатится до такой примитивной совковой пропаганды. Да, Британская, Французская, Испанская, Португальская, Голландская, Османская, даже Австро-Венгерская колониальные империи – пали, и о них в бывших метрополиях вряд ли много людей сожалеет. Но вот Российская колониальная империя – последняя и крупнейшая в мире, разросшаяся от маленького Московского княжества до 1/7 части земной суши, одержимая идеями имперского реванша, захвата Украины, Грузии, стран Балтии, восстановления СССР, „возвращения“ даже Польши и Финляндии (известная карта в кабинете Жирика, зампреда Госдумы!); словом, этакий троглодит, монстр, пережиток XVII века, каким-то недоразумением занесенный в XXI, – она стоит! Гниет изнутри, смердит и отравляет весь мир своим зловонием, – но сдаваться и рушиться она отнюдь не собирается! (Придется ей помочь.) Так что она и есть на сегодняшний день мировая колониальная система, и никуда эта система не рухнула, не стинула, пока существует российская колониальная империя; даже смешно, что этого кто-то может не понимать.

Насчет же диктатур в банановых республиках, – пытаться ликвидировать диктатуру, условно говоря, проамериканскую

и навязать свою, просоветскую, – это еще отнюдь не значит быть поборником свободы. Диктатура, конечно, не сахар, но и мир – не райский сад, не всегда на деревьях птицы поют; иногда необходимы и стрельба, и кровь, и жесткие меры – для сдерживания коммунизма и советской экспансии, например. Лучший пример, ясное дело – Пиночет, хотя Паша Л., помнится, как-то и написал против него резкую статью (тут я с ним не согласен). Понимаете, защищать Свободу – это не значит всегда и со всеми быть добреньким и мягким, всем дать полные права и свободы, в том числе и коммунистам, и советским агентам, которые тут же, пользуясь этими свободами, победят на выборах, или просто переворот устроят, захватят власть, проведут „национализацию“ – и прощай всякая свобода и права вообще, на долгие годы и для всех, кроме членов политбюро... Иной раз именно для защиты свободы и человеческих прав приходится жестко останавливать тех, кто пытается захватить руль и навязать всем диктатуру, сегрегацию и террор. Будь то у Пиночета, будь то у нас в 1993 г. (невзирая на все последующее, о котором тогда никто из участников событий не догадывался и не предвидел). Знаю, хорошо знаю Вашу и пр. позицию на сей счет, но с ней тоже не согласен.

И смешно говорить, что будто бы Россия способствовала падению каких-то марионеточных режимов, – не марионеточными ли были все эти режимы Хоннекера, Гомулки, Кадара и пр.? Когда Дубчек и Свобода попробовали было оборвать ту ниточку, на которой 20 лет до этого висели их предшественники, – Вы помните, что произошло? Возникший затем еще на 20 лет Густав Гусак – не марионетка?..

Вообще-то уже сегодня, на наших глазах, Россия создала и активно поддерживает абсолютно и откровенно марионеточные режимы т. н. „Абхазии“ и „Южной Осетии“. Ткните, пожалуйста, ими Романову в нос и поинтересуйтесь его мнением о событиях прошлого года в Грузии. Если он тогда поддерживал Москву – это его политическая смерть, ни больше, ни меньше.

В связи с написанием Вами и Ольгой Кашкаровой (большой привет ей!) о Подрабинеке – я его, конечно, поддерживаю, хотя

очень бы хотелось прочесть этот его текст и узнать поближе, о чем, собственно, там шла речь и чем он ИХ всех так задел. Но в общих чертах я уже наслышан. Я знаю его давно как одного из самых мужественных, твердых и непримиримых врагов этой Системы в ее „модернизированном“ после 1991-го и де-факто реставрированном с 2000 г. виде. Как одного из самых лучших, достойных и решительных людей, кого способна была породить старая диссидентская генерация 60–80-х гг., изначально зараженная порочной идеей ненасилия. И уж совершенно не понимаю я логику Деревянкина, который считает, что Подрабинец стал „частью Системы“. В чем же это конкретно выражается, хотелось бы знать. Деревянкин, кстати, уже давным-давно бросил мне писать, а жаль; хотелось бы услышать его на сей счет аргументы; ну или хоть Вы своими словами объясните. О Зимбовском (тоже привет ему!) не спрашиваю, его позиция и так ясна, но мог бы тоже написать мне сам – обсудили бы и подискутировали (если цензура пропустит), а то у меня тут мозги скоро совсем засохнут без работы.

И абсолютно неправ Андрей Д. в том, что, мол, Подрабинец отстал от жизни – писать что-то антисоветское сейчас, надо было 20 лет назад писать. Увы, как раз сейчас-то, в связи с активной и массивной реставрацией Совка, вся старая „антисоветчина“ становится все актуальнее и актуальнее с каждым днем. У вас там не сохранилась случайно подшивка „Свободного слова“ за 1988–1991 гг.? И та истерика, та травля, которую Подрабинец за написанную им статью устроили, лучше всего опровергает Деревянкина и подтверждает правоту Подрабинеца, – раз такая свистопляска началась, значит, видимо, хо-р-р-рошо задел он их всех за живое, наступил на большую мозоль!.. Так и надо! Хорошо еще, не закатали на 5 лет, как меня. Будем надеяться, что до этого не дойдет. А если его самого увидите или будет хоть какой-то контакт, пусть даже заочный, в инете и т. п., – скажите Александру Пинхосовичу о моей горячей поддержке и солидарности с ним; это письмо можете прямо цитировать.

А в самом Андрее Д. – можете тоже ему передать – я не приемлю то же, что и в республиканцах США, на которых он

намекает или ссылается. Это – махровая религиозность и (вытекающее из нее) признание „традиционных ценностей“, венцом которых является гомофобия. (Это все я помню еще из личного общения с ним в 2000 г.). В ЭТОМ, именно В ЭТОМ – я, скорее всего, левый, – атеист, противник сегрегации и сторонник равноправия меньшинств. Я вот только не уверен, до конца ли разделяют эту левую позицию записные „левые“ Зимбовский и Романов. Спросите у них. (О сегрегации речь – не только по национальному, расовому и пр. признакам, но и по „соц-происхождению“, как в СССР при Сталине, и по признаку секс-ориентации, как в России сейчас, – и в практике ЗАГСов, и в мозгах большинства населения).

Кстати, из приведенной Вами цитаты Романова – не путает ли он грызню и войны империалистических держав между собой с „освободительной борьбой человечества“, приводя примеры армян, балканских народов и пр.? А то пафос об „освободительной“ миссии России в Закавказье, на Балканах и пр. настолько буквально совпадает с официальной пропагандой самой русской монархии, особенно времен I Мировой войны, что за „левого“ Романова становится просто неудобно. Он бы в марте 1917-го до хрипоты требовал бы на митингах „войны до победного конца“ и завоевания проливов, да?

„Реакция пожирает своих детей“? Sorry, а разве Подрабинек – сын этой нынешней реакции? Он ведь вроде и не из КГБ „родом“, и постов при Путине-Медведеве никаких не занимал, и даже не поддерживал их... Так что Вашу мысль я, увы, не понял. Или Вы Август 1991 г. считаете реакцией?..

На этом пока заканчиваю. Жду писем!

Желаю всем всего наилучшего!

С революционным приветом,

Ваш Борис Стомахин, политзаключенный

6.11.2009, Буреполом

АЛЕКСАНДРУ МАЙСУРЯНУ [10.2.2010]

Добрый день!

Получил вчера Ваше письмо при уже известных Вам трагикомических обстоятельствах.

На сей раз дискуссия с Вами мне показалась интереснее, чем с Романовым. Так что начнем (продолжим с наших старых споров).

Сотовый телефон, конечно, не заменяет политику голову, но голова, в которую не поступает информация, право же, немногого стоит. А в 1993 году без мобильных распространение информации о происходящем было куда уже, чем сейчас. И что с того, что по поводу конфликта Ельцина с БД [Белым домом] в вашей части ДС написали о том, что одна голова двуглавого орла хочет загрызть другую? Ну, допустим. Знаете, это дешевое остроумие, направленное на чисто внешний эффект, и цена ему, если им подменять конкретный анализ, тоже невысока. И любой реальный революционный политик – тот же Ленин, к примеру, – Вам бы на это ответил, что да, бывают такие ситуации, когда есть смысл поддерживать одну голову против другой, – таков реальный расклад сил, не зависящий от наших желаний. Те же Керенский и Корнилов в 1917-м чем были – не двумя головами того же самого орла, нет?

Самое интересное в Вашем письме – это рассуждение о Традиции, в которую мы сейчас съезжаем. Вот эта самая церковно-феодально-монархическая Традиция, православно-державная (или католическая – на Западе, особенно в романских странах). Царская Россия с гос. церковью, титулованием, церковным браком и пр., и пр.

Наверно, для Вас не секрет, что я эту религиозно-феодальную Традицию – и в западном, и в русском варианте – терпеть не могу, моему мировосприятию такие вещи глубоко и абсолютно враждебны. Это убеждение, выработанное не вчера.

Но... Я не раз думал об этом: то, что начиналось под знаменем Революции и отказа от Традиции – привело вскоре к таким ужасам, такому свирепому массовому террору и государственному

безумию, какое Традиции и не снилось. Да, была тихая, забитая, дремучая, бесправная Русь – с царем-батюшкой, попами, розгами и расстрелами для бунтовщиков и т. д. и т. п. Но – в противовес Традиции с большой буквы – то, во что превратилась революция 1917 г. уже к концу 20-х годов – можно назвать Мутацией, тоже с большой буквы. Появился тоталитаризм – феномен, которого не знало ни одно традиционное религиозно-феодалное общество еще в начале XX века. „Режим стал тоталитарным прежде, чем из Германии пришло это слово“ (Троцкий).

И – поскольку мы живем все же в реальном мире – опять неизбежно приходится выбирать из двух зол (просто потому, что у нас у самих не хватает сил, чтобы стать третьим). И – знаете, помня весь опыт XX века, сравнивая его со всеми видами и проявлениями старой старой феодально-церковной Традиции, – знаете, Традиция оказывается все же предпочтительнее! Она тоже мерзка – но все же крови, ужасов и жестокостей поменьше. Вспомните, Солженицын в „Архипелаге ГУЛАГ“ цитирует „Остров Сахалин“ Чехова, мемуары Якубовича и пр. – и сравнивает условия полит. каторги при царе и при Сталине. Нужны еще комментарии на эту тему? Традиция до таких зверств, до такого массового и ТОТАЛЬНОГО, тоталитарного зверства все же не доходила.

Поэтому, говоря фигурально – с одной стороны, я сторонник революционно-гуманистических тенденций, секуляризации, равенства полов, отмены титулований, сословий и пр. Это – лозунги начала Революции, требующие безусловной поддержки. Это – Керенский против Корнилова, и мы поддерживаем Керенского, да, безусловно.

Но – с другой стороны – зная, что последовало потом за Керенским... Голодомор, колхозы, ГУЛАГ и пр., и пр. – Корнилов и Традиция не устроили бы ТАКОГО, можете со мной спорить. Но я не вижу в традиционных обществах, даже самых жестоких, подобных чудовищных, массовых зверств, подобной бездушной сегрегации (по „соцпроисхождению“) и т. д. и т. п.

Итак, имеем расклад. С одной стороны – в чистом виде патриархальная, феодально-церковно-монархическая Традиция (ни-

чего приятного). С другой – Мутация, вчера еще осененная знаменем Революции и сохраняющая некоторый „революционный“ отсвет.

С одной стороны – зверства Мутации намного страшнее (читайте Солженицына, и не его одного).

С другой – при минимальном анализе выясняется, что Мутация – это не что иное, как взятие государством, основанным как революционное, на вооружение принципов как раз все той же самой древней, феодально-церковно-монархической Традиции. Даже и чисто внешние признаки: введение званий, орденов и погон в армии, восстановление паспортов, запрет разводов, вся пропаганда насчет „Родины-матери“, погромно-антисемитская кампания с 1948 года...

Короче, от чего ушли, к тому и пришли (только жертв это стоило куда больших). Собственно, вся концепция национал-большевизма на этом и была еще в 20-х годах основана – что большевики мутируют постепенно в „национальном“ направлении. И Сталин, и Троцкий в своей полемике ссылаются на Устрялова, который это писал. Совершенно блестяще Мутацию большевиков в сторону все той же старофеодальной „патриотической“ Традиции доказывает и Бердяев в „Истоках и смысле русского коммунизма“ – перечитайте! Правда, книга вышла в 1934-м, еще много крови было впереди – но, тем не менее, и в 1934 г. направление Мутации уже было ясно...

Итак, Ваша главная ценность – 10-летний разрыв между Традицией и Мутацией, т. е. ранний большевизм. Можно долго спорить, чего и сколько было в этом периоде заложено. Например, с одной стороны – массовое движение „Долой стыд!“, толпы голых, что в 30-е гг. уже представить себе невозможно. С другой – процесс левых эсеров уже в 1922 г., это тоже ведь не торжество свободы и прав человека... Кому что важнее, кому что больше нравится... Очень многие – типичные вроде бы и либеральные интеллигенты, но в то же время и в боженьку верующие, в церковь ходящие, – инстинктивно ненавидят большевизм и лично Ленина ЛЮБЫХ периодов, с самых 80-х годов XIX века – именно за то, что потом, уже после Ленина,

было его именем и как бы с его благословения устроено. Это примитивный взгляд – как будто Ленин году в 1905-м, в 1913-м мог заранее точно знать, когда именно он возьмет власть и что из этого выйдет. Поэтому, конечно, подобных наивных воззрений и наивной слепой ненависти я не разделяю – но, увы, после колхозов и ГУЛАГа понять тех, кто так думает и все „красное“ огульно ненавидит – можно.

Такая ли уж ценность – 10 революционных лет, 10 лет разрыва с Традицией? Немалая, да. Хотя – революционность была тоже не химически чистая; жестокость, вероломство, коварство большевиков и изуверство ЧК, составившие 10 лет спустя сердцевину и смысл Мутации, – откуда они еще в самом 1917 г. взялись, как не от Традиции, чьим, как не ее отголоском были? Отголоском вековой ордынской жестокости и византийского коварства – 2 основных источника, создавших традиционную Россию царей.

То есть, и мало выдалось Революции, и качества не очень-то высокого. 10 лет, неполных, да и то со всякими пакостями вроде зверств ЧК и взятия семей белых офицеров в заложники. Это – весь Ваш капитал в нашем споре, больше нет ничего. И – Вы все время забываете известную поговорку: „Конец венчает дело“. Да, в первые годы большевизма много было разных прогрессивных идей и начинаний (допустим). Было принято много законов в пользу свободы и равенства, отмены феодальных пережитков. Но – вскоре все это кончилось и оказалось похоронено под спудом. Ветер сменился, тенденции свободы сменились на прямо противоположные, кучу феодальных пережитков с помпой восстановили. И до сих пор ветер дует в ту же сторону – против Свободы. Стоит ли так уж цепляться за этот призрак, бесплотную тень, мелькнувшую когда-то, за этот краткий миг несбывшихся ожиданий?..

А если да – то почему же меня Вы осуждаете за точно такое же „цепляние“ за краткий период надежд – эпоху раннего Ельцина?! Поскольку Вы ведь и сами заметили эту аналогию. Кто ближе к Традиции – большевики с их кровавой баней на всю страну, или Ельцин, ограничившийся одной Чечней?

Кроме чистой реакционно-феодално-религиозной Традиции и традиционно-бывшереволюционной Мутации – между ними по времени или вообще отдельно от них в исторической ретроспективе – я вижу еще и (условную) третью силу. Это сила, которая отменяет титулования и секуляризует государство – но не загоняет крестьян в колхозы, не изобретает лживые обвинения для „врагов народа“, не строит новый религиозный культ, все больше обрастающий чертами старого. Условно эту силу я назвал бы Либерализм. Это – идеология, отрицающая старую, традиционную феодальную дикость и в виде патриархального мракобесия Традиции, и в виде новейших тоталитарных зверств Мутации.

Это – та сила, которую я хотел бы построить сегодня, от имени и для победы которой я живу и действую.

Так вот, и в революции 17-го, и в революции 91-го эта „третья сила“ – Либерализм – нигде не господствует, проявляя себя лишь частично. Все революционные партии 17-го – это сплав Традиции и Либерализма – и у кадетов, увы, преобладает Традиция (их программа с конституционной монархией хотя бы), а у большевиков – Либерализм. Поэтому вроде бы большевики прогрессивнее, – но если вспомнить, что было дальше...

А в 1991–1993-м расклад уже иной. Условно „партия“, в которой в 1993 г. состояли Ельцин, Сергей Ковалев и Новодворская, партия стрельбы по Белому Дому, скажем так, – это сплав Традиции и Либерализма. Их там примерно поровну, или, может быть, Традиции больше – 60:40, за счет того, что сам Ельцин и его чиновники – все же гораздо больше традиционалисты, чем либералы. Они пользуются духовной поддержкой Леры [Валерии Новодворской], но сами очень далеки от ее идеи перечеркнуть все 1000 лет русской истории и начать с чистого листа.

А вот противостоящий им лагерь, от Руцкого через Макашова до Анпилова – это Традиция + Мутация. То есть это лагерь абсолютной реакции, старой и новой. Достаточно вспомнить их любимое соцветье флагов, царского и советского. На деревьях возле БД до сих пор висят.

Выступать СЕЙЧАС, зная уже всю их подноготную, на стороне этих объединенных сил Реакции-93 совершенно невозможно. Я уже в тот раз писал: они были настолько же реакционнее Ельцина, насколько (гипотетическое, к счастью) неспровоцированное нападение на Украину (для захвата Крыма, скажем) реакционнее реального нападения на Чечню в 1994 г. И не такие, как я (единицы), получали бы по 5 лет (чудовищно!) за слова – а, извините, такие, как Вы, ТЫСЯЧАМИ получали бы по 15 не только за слова, но и за мысли. Потому что основную идеологическую роль в этой БД-коалиции играла все же Мутация, то есть наследники и поклонники развитого сталинизма с его безбрежной статьей 58 пункт 10...

Так что нам выпал еще относительно мягкий вариант – даже при путинщине – по сравнению с тем, что могло бы быть, одолей эти макашеры. Именно из этого я в своих оценках 1993 г. и исхожу. А не из того, что мне очень нравятся танки или, скажем, Кантемировская дивизия, как Вы, может быть, думаете.

И с этой точки зрения – не так уж важно само по себе, с 1993-го ли началось резкое усиление „силовиков“ или с 1999-го. С точки зрения ИДЕЙ – и то (как Вы пишете), „что они при этом ГОВОРИЛИ“ – тоже имеет определенное значение. С 1999–2000-го пришел к власти конкретно КГБ, политическая полиция Совка, точнее даже, ее наиболее реакционная часть. А так, вообще, безотносительно к этому периоду нашей истории, – „силовики“ „силовикам“ рознь. Даже в КГБ/ФСБ в разное время нашлись Орехов, Гордиевский, Митрохин, Калугин, Литвиненко, Пеньковский, а уж об армии – самой „силовой“ из всех силовых структур – и говорить нечего. Чисто навскидку: Евгений Коновалец был еще австро-венгерским офицером, Маннергейм – российским, Дудаев и Масхадов – советскими. ИДЕИ (в том числе устно декларируемые людьми) имеют значение как минимум не меньшее, чем биографии этих людей. Так что усиление „силовиков“ САМО ПО СЕБЕ – это не тот жупел, которого я испугаюсь. Бывают иногда случаи, когда решить проблему могут только люди калибра Пиночета (привет Романову!). Вот когда к власти приходит КГБ, чтобы на волне народных чаяний

„порядка“ открыто заняться реставрацией Совка, – это да, это неприемлемо абсолютно.

Ваша аргументация в защиту черни, толпы, бидла, даже со ссылками на Ленина, – это, sorry, не аргументация, это в чистом виде дело вкуса. Видите ли, „свобода“ завоевана в России только толпой, а если дело свободы вручить профессорам – оно гибнет. Да ну??! Профессора, конечно, не будут организовывать для мужичья „свободу“, жечь и громить культурные хозяйства – а все прочее, кроме погрома, разграбления и „красного петуха“, для этой толпы нечисти – не свобода... Я бы категорически предпочел иметь дело с профессорами. Равные права для всех, отмену сословий, секуляризацию, свободные выборы и пр. они, думаю, организовать бы все же сумели; а свобода разгромить и сжечь помещика, разобрать по наделам его землю – чтобы через 12 лет сдать все эти наделы „добровольно“ колхозу и стать там рабами – и на фиг не нужна! Это как раз иллюстрация того, что даже самая омерзительная, патриархально-феодалная Традиция все же в 1000 раз безопаснее и предпочтительнее новейшей социалистическо-феодалной Мутации. Результат – чисто теоретически – мог бы быть куда лучше, чем он был и есть; но жертв – точно было бы на порядки меньше.

А сейчас – в том-то и дело, что сейчас восстанавливается не феодальная, дореволюционная Традиция в чистом виде, как Вы все время пишете. И ни за какой 1861 г. мы на самом деле не откатимся, это – в чистом виде – уже невозможно. А идет сейчас реставрация именно Мутации в ее наиболее ухудшенном даже по сравнению с СССР виде. Этот новый гибрид, путинско-медведевский, от царизма взял все эти „православие-самодержавие-народность“, всю эту сусальность и церковность с колокольным звоном, гонения на еретиков, инородцев, иноверцев и пр., а от Совка – уравниловку, распределительную идею социализма, тягу к гос. регулированию цен, льготы „ветеранам“, всякие „материнские капиталы“ и пр., ну, и часть идеологии, естественно, тоже – „Великая Победа 1945 г.“ как вообще главный идеологический стержень государства, его фундаментальный миф, на котором построена эта

государственность. Георгий Жуков на коне – в качестве эдакого Георгия-победоносца из старого православия. То есть органичное сплетение и сплав реакционных символов царских и советских. И не царская Традиция в чистом виде сейчас восстанавливается, сколько бы фильмов о царской семье ни показали по ТВ, – сейчас создается эдакая Сверх-Мутация, сплав всех самых реакционных черт царско-черносотенной Традиции и сталинско-советской тоталитарно-распределительной Мутации сталинских времен.

Предлагаю подумать о роли Либерализма во всем этом раскладе. Ибо – при всех разногласиях со мной или Лерой – другой ниши Вы себе не найдете. „Революционерам“ анпиловско-зюгановско-макашовского типа Вы будете так же чужды, как и в 1993 г. Кроме как „пидорами“ и „жидами“, там таких, как мы, не называют, несмотря на все внутренние наши различия.

И то, что Жуков был БОНАПАРТИСТСКИМ маршалом в отличие от Корнилова, – есть ли это повод поддерживать ТАКОЙ бонапартизм против „старого режима“? Я предпочел бы, чтобы Россия к 1954 г. не имела бы никакого ядерного оружия (да и сейчас лучше бы его не было, нечем было бы мир пугать). Но даже если б и было – „старый режим“ в 1954-м вряд ли стал бы испытывать его на Тоцком полигоне на собственных солдатах, как сделал Жуков. „Старый режим“ был глуп, слаб, безволен – вот как раз такой яростной ЗЛОЙ волей, таким высоким градусом безумия, такой ЭНЕРГИЕЙ БЕЗУМИЯ он не обладал. Эта энергия – энергия Мутации. Не сомневайтесь, все православно-самодержавное, осененное крестами и георгиевскими ленточками (хоть на темляке шашки, хоть на антенне „Мерседеса“) вызывает у меня глубочайшее отвращение, я никогда, как многие „либералы“, не стану умиляться и молиться на всю эту гнилую рухлядь традиционализма. Но – коли уж сами мы, космополиты-либералы-европейцы – не сила, не можем на равных воевать с обоими своими противниками, – то опять, увы, приходится выбирать „меньшее зло“, будь оно проклято. И там и там – мерзость, но при Традиции, разлагающейся и медленно гниющей целые века, не обладающей таким градусом и такой энергией чистого агрессивного безумия – жертв было бы меньше, да

и бороться с режимом было бы куда легче. Недаром же Солженицын (?) пишет, что царская жандармерия ВСЯ располагалась в особнячке, где в наше время и одно отделение милиции не поместилось бы. Нет, sorry, это у Буковского сказано.

Кстати, если мы рассуждаем об истории чисто академически, без отсылок к сегодняшней политике, – ну и какая уж такая особенная разница между Людовиком XVI и Наполеоном? Между Корниловым и Жуковым? С точки зрения РЕСПУБЛИКАНСКОЙ Франции – неприемлемы они оба, так как неприемлем сам принцип монархии. Да, Наполеон заложил основы этой республики гораздо больше, чем Людовик XVI – ну и что? Какое это СЕГОДНЯ, через 200 лет, имеет уж такое особенное значение? Про Россию и говорить нечего. Если всякие „скачки“ промышленного развития, всякие модернизации и пр. не ставить самоцелью, тем паче – если вместо них поставить целью неукоснительное соблюдение прав и свобод – то какое вообще положительное значение имеет весь советский период? Ни малейшего! О „правах человека“ даже заикаться было нельзя, – зато создали супервооружение, „ядерный щит“ да монстроидальную промышленность. Троцкий в „Преданной революции“ именно в модернизации хозяйства видел главнейшую заслугу большевизма. То есть, ИДЕОЛОГИЯ большевизма тоталитарна и реакционна до крайности, а если еще и эту модернизацию (на костях эзков) отказать считать ценностью, благом и вообще чем-то положительным, – то все 73 советских года оказываются сплошной черной дырой! Убытков – 60 млн жизней и полностью разрушенное к 1991 г. хозяйство, прибыли и успехов – ноль! Что и требовалось доказать. На ЭТОМ фоне, после ЭТИХ 60 млн жертв – стоит ли так уж проклинать Традицию, белогвардейщину, царизм и пр.? Мерзость, конечно; но уж хуже и страшнее, чем большевики за 70 лет, они бы точно не натворили. А что там ГОВОРИЛИ (ПИСАЛИ) большевики в первые годы, какие они свободы поначалу вводили, титулования отменяли (кстати, их еще Временное правительство, кажись, отменило) – стоит ли это все внимания после того, что было ПОТОМ? Точно тот же подход, что и у Вас – к первому периоду

Ельцина; только даже последующее, по сей день, таким разгулом и кошмаром, как зрелый большевизм 30–40-х гг. XX века, все же не отмечено.

Если Вы так уж хорошо, как Вы пишете, понимаете мотивы поведения Леры – то соблаговолите, pls, объяснить. Почему она не защищает конкретно меня – я знаю очень хорошо, причем не с момента, когда она в 2008 г. от меня отказалась, а еще года с 2002-го, с других совсем времен. Таких „радикалов“, как я, таких же взглядов и с подобными же сроками – больше, собственно, и нет. Нацистов или комми она не защищает принципиально – будь это Котов, ее же бывший адвокат, или Романов, тоже бывший член ДС. В общем-то, и все, ясность полная. А вот если у Вас была своя версия, что после ухода Путина она перестанет защищать радикалов, – ну так изложите ее, pls, а то я тут такой прямой зависимости не вижу, мне интересно узнать Вашу т. з.

Кампании против всяких „евсюков“, знаете ли, маловато, чтобы считать происходящее „оттепелью“. Вы еще их „борьбу с коррупцией“ в признаки „оттепели“ запишите!.. Если вспомнить опыт оттепелей хрущевской и ельцинской, то и там и там масштабы были куда покруче, пограндиознее и начинались обе, кстати, как раз с освобождения политзэков, особенно в 1986–1987 гг. Не смешно ли то, что есть сейчас, „оттепелью“ именовать? Перечислите еще признаки, по которым Вы это определение вынесли, pls.

И вот уж с чем я КАТЕГОРИЧЕСКИ не согласен – это с Вашими оценками II Мировой и „победы“ в ней. В частности, с тем, что побежденная сторона (нацисты) были „чистым, беспримесным, дистиллированным воплощением Традиции“. Да ничего подобного!! Почитайте хоть Лимонова, если других источников нет, – в среде русских нацистов достаточно сказано и написано о том, что Гитлер был как раз-таки РЕВОЛЮЦИОНЕРОМ. Косвенно, мимоходом, на это, кстати, намекал даже Троцкий – в контексте сравнений Гитлера со Сталиным. Да, в духе современного понятия о „консервативной революции“ – если и не революционером буквально, то уж никак не чистым примером Традиции, как Вы пишете. Достаточно упомянуть прохладные

отношения гитлеровской партии в Германии – по крайней мере до 1933 г., да и после – с католической и протестантской церквями (да и все, что писал о христианстве еще Ницше, – в то, что мы здесь называем Традицией, это никак не уместается), интерес к мистике, оккультизму, Шамбале, Тибету и пр. Традиция Традицией, вопрос тут в степени. С определениями „беспримесный“ и „дистиллированный“ я категорически не согласен. После того как даже в искусстве, в живописи Рейха и СССР 30-х годов обнаруживается тесное сходство – еще вопрос, где Традиции (в пропорции к прочим компонентам) больше: в НСДАП или в сегодняшнем немецком ХДС...

Мышление Ваше порой парадоксально настолько, что понять Вашу мысль не так-то легко. Это я к той цитате из статьи, где „положительная оценка победы над фашизмом... – это как раз КАПИТАЛ народа против фашизирующей российской элиты“. Каким образом? Бог весть... (Поясните, pls, если можете.) Помоему, так наоборот: вся чистая, неприкрашенная правда о войне, книги Суворова, армия Власова и республика в селе Локоть Брянской области – есть капитал народа против советско-кагэбэшной элиты, реставрирующей совок на единственном оставшемся от его „духовного наследия“ мифе – о „великой Победе“. Но так как народ и сам жаждет этой реставрации совка и упивается этой духовной сивухой „великой победы“ (совсем скоро, месяца через 2, нас ждет очередной бум „георгиевских ленточек“... – то, увы, кроме интеллигенции, на роль хранителей этой правды о войне и обличителей лживых „побед“, которыми оправдывается сегодняшний имперский реваншизм, кандидатов нет. Однако и интеллигенция что-то не спешит...

А отношение к этой „великой победе“ можно прекрасно сформулировать всего лишь двумя цитатами, как прямую проводят через две точки. Первая – это герой Солженицына, в 1949 г. (роман написан в 1958-м) говорящий: „Я так понимаю: трагическая война. Мы Родину отстояли, и мы ее потеряли. Она окончательно стала вотчиной Усача“. Вторая – это Игорь Тальков, конец 80-х: „...Где Победу в войне над собой отмечает народ...“. Вот и все. И этот сегодняшний культ „победы“, по моим

наблюдениям, в основном власть и агитпроп навязывают „народу“, а не „народ“ им, как многое другое. Так что скорей наоборот – это и дубинка, и приманка властей. А не дубинка народа против элиты. Что значит „сдать кремлевской элите Май 1945-го“? Как его можно ей „сдать“, когда он и так, изначально, ЕЕ и есть?.. А на судьбе чеченцев пышные празднества этой „Победы“ ни в 1995-м, ни в 2000-м, ни в 2005-м не отразились: им таки устроили настоящий Холокост потомки и (ОБЪЯВЛЯЮЩИЕ себя таковыми и ими ЯВЛЯЮЩИЕСЯ де-факто) наследники „освободителей Освенцима“. Так что Ваши пророчества в цитате из статьи (год, кстати, какой?) – это стук в открытую дверь.

А идея о „политическом мате либералам в 2 хода“ – 1993-й и 1999 г. – это, простите, уже чистая конспирология. Вы слишком льстите Ельцину и его „элите“, если думаете, что они на 6 и более лет способны были продумывать, тем паче реализовывать такие „многоходовки“. Увы, они, как и Сталин, дальше своего носа не очень-то видели, – куда уж там просчитать начало второй войны, когда и на первую-то решились далеко не сразу (куда тяжелее, чем в 93-м на штурм БД, кстати). Так что версия с „многоходовкой“, „матом либералам в 2 хода“ и пр. – это ерунда полная. А Ельцин, кстати, под конец своего срока за 1-ю войну все же худо-бедно покаялся, – но Вам-то на такие мелочи наплевать, верно?..

А Европу и мир если кто и „толкнул прочь от феодальной Традиции“ – то скорее уж не Наполеон, а Робеспьер с Дантоном. Но уж к „победе“ 1945 г. это точно не относится: она толкнула мир как раз в сторону беспросветной реакции, отдав в варварское порабощение пол-Европы и породив чудовищные режимы в Азии – Мао, Пол Пота, Ким Ир Сена... Кстати, интересно, что в немногим меньшей степени миллионы жертв Пол Пота можно считать и порождением 1917 г., как бы прогрессивно все ни смотрелось поначалу в России – отмена титулований и пр. Стоят ли отмена титулований и даже секуляризация – миллионов и миллионов бессмысленно, слепо – массовым террором отнятых жизней?.. Была куча проблем „после Освенцима“ на Западе –

а у нас что-то никто не мучался и не мучается, как жить „после ГУЛАГа“...

Кстати „Протоколы сионских мудрецов“ были впервые изданы в России, да еще и с благословения властей. Розенберг, идеолог гитлеризма и зоологический антисемит, был из рижских остзейских немцев и учился в Петербурге. Еще одна прямая через две точки: этих двух фактов вполне достаточно, чтобы возложить ответственность за Холокост на Россию, которая в царский период создала для будущих гитлеровцев идеологию махрового антисемитизма, а в советский – снабжала их оружием, обучала, предоставляла стратегическое сырье и пр., и пр., до самого 22.6.1941. Вот вам и „великая Победа“!..

Ну да ладно – письмо очень разросло, пора заканчивать. Пишите, жду с нетерпением! А Романову, видимо, ответчу отдельным письмом – тоже на Онежскую, перешлете ему.

С революционным приветом –

Ваш Борис Стомахин, политзаключенный

10.2.2010, Буреполом

АЛЕКСАНДРУ МАЙСУРЯНУ [25.7.2013]

Здравствуйте, Александр!

Как Вы, наверное, уже знаете, распечатки из Ваших писем №21–23 мне тут пришлось на этих днях добывать через объявление сухой голодовки и личный поход к начальству. Не знаю, с чего их вдруг решили перестать мне отдавать, – в итоге мне было сказано, что это кто-то из сотрудников перестарался, проявил излишнее рвение. И обещано, что впредь будут отдавать все как положено, как и было до сих пор, до июля этого года. Проголодал я, надо сказать, недолго, – 24-го июля остался из-за этого без завтрака, но к обеду вопрос уже благополучно разрешился. Правда, Ваше письмо 21-е – именно само письмо и конверт от него – похоже, они все-таки где-то потеряли, мне вручили только пачку распечаток (52 страницы). Так что в

следующее письмо вложите, pls, и то Ваше письмо №21, если там есть что-то важное, то я отвечу, хоть и с опозданием.

А пока что отвечаю на 22-е в основном, т. к. в 23-м, в основном, речь про Дебрянскую, с ней и так все понятно. Правда, не знаю уже, где на нее натыкались Вы, но вот я, следя за ЛГБТ-новостями, в частности, по постоянной рассылке с GAY.ru в 2011–2012-м, да и не только оттуда, – ее фамилию ни разу нигде не встречал.

Что же касается переименования Брянска в Дебрянск – знаете ли Вы, что там, в Брянске, есть сторонники такого переименования (у меня на „Сопротивлении“, в частности, и до сих пор стоит ссылка на сайт „Дебрянская Русь“ – тот самый (бывший) клуб „Пересвет“, взявший у меня в июне 2011-го большое интервью, упоминаемое даже в Википедии), – по их словам, изначальное название города и было „Дебрянск“, от слова „дебри“, т. к. там вокруг густые леса, и к Евгении Евгеньевне, как я тоже сначала подумал, этот проект не имеет никакого отношения (думаю, эти активности, по взглядам близкие к Широпаеву, о ней даже вряд ли слышали).

Самое интересное же в Вашем 22-м письме – это тема о „малом народе“, и о большом, соответственно, и об отдельной личности как функции от них, всего лишь. Так вот, я никогда и не отрицал таких вещей, как, условно говоря, „малый народ“, то бишь сообщество единомышленников, или просто по каким-то критериям близких, „своих“ людей, или даже средневековый „цех“, допустим. Ну, для примера лучше всего будет взять современное, 2013 г., диссидентское сообщество в России, каким я его вижу из тюрьмы. Я сознательно считаю себя его частью и действую в его интересах, да. Но! – я осознаю огромнейшую, фундаментальную разницу между сообществом „своих“, духовно близких мне людей, которых я, между прочим, всех знаю по именам, лично или виртуально, – и „обществом“ в глобальном смысле, власть которого хотите навязать мне Вы. Не говоря уже, что из сообщества, из своего кружка, я в любой момент, когда захочу, могу уйти, и что само его существование и какие-либо отношения внутри него я могу признавать существующими или

не существующими лишь до такой степени, как я хочу, – но все же сообщество лично знакомых и духовно близких мне людей – это просто образец самой железобетонной реальности по сравнению с Вашим „обществом“, то бишь (якобы) некими отношениями, якобы связывающими меня с миллионами совершенно незнакомых мне людей в далеких, неведомых мне городах и селах; да еще и такими отношениями, при которых вся эта масса чужаков стоит со своими желаниями, вкусами, волей и пр. заведомо выше меня с моими желаниями, вкусами, волей и т. д. Я готов (а то и за честь считаю) быть частью своего круга, какого-то сообщества лично мне близких людей, быть функцией от этого сообщества и т. д. Но я совершенно не признаю „общества“ в Вашей трактовке, как неких безличных коллективных интересов, априори (якобы) стоящих выше моих личных прав. А так-то – да, Вы ломитесь в открытую дверь, доказывая мне, что человек вообще в абсолютном одиночестве, без людей вокруг – не человек и жить не может. Я это знаю уже давно. Другое дело – что ему подсовывают в качестве окружения. Простейший пример такой вот общности, от которой человек лишь функция, – это семья. Помните биографию дворника Спиридона в „Круге первом“? Это как раз хороший пример. А вот пример Ненормального и Неадекватного подхода здесь – это „прежде думай о родине, а потом о себе“ в советском варианте и т. п. В нес советском – это иногда бывает необходимо (как необходимо сейчас было бы, например, народам Европы наконец осознать, что путинская Россия прямо угрожает существованию их стран, и выступить против нее, – но они, как видим, даже перед лицом опасности не могут отбросить свой традиционный здоровый индивидуализм и любовь к приватности). И говоря, что мои интересы выше интересов навязанного мне мифического „общества“, под которым обычно скрывается тоталитарное государство, я и не думал никогда отрицать добровольные сообщества, что-то типа того, что Корчинский называет „спильнотами“. Не читали, кстати, его знаменитую статью „Революция спильнот“? Прочтите, она тоже к этой теме относится.

Сюда же относятся и темы Нестеренко, Шехтмана, „большого народа“, о котором Вы пишете, и т. д. Я уже Вам много раз объяснял, что у меня есть такое качество, Вам, видимо, совсем неведомое, – способность разделять личное и политическое, оценивать людей, сообщества, события и пр. не только в личном формате, по их отношению ко мне, но и по их собственным качествам и свойствам. Не знаю, как Вы, но я бы назвал это свойство „объективностью“. Поэтому-то, в частности, я все равно не вычеркиваю полностью из своего сознания ни Нестеренко, что бы он там обо мне ни писал (он, к счастью, пишет не только обо мне), ни даже Шехтмана (хотя, конечно, его я знаю куда меньше, чем Нестеренко, да и это, конечно, не тот уровень...). По этой же причине я и тем сроком, и сейчас порой испытывал острое отвращение даже к тем уголовникам, которые лично ко мне относились неплохо. Я не меряю только по себе, в том-то и дело, и удивлен, что это Вас всякий раз так удивляет. И если Вы спрашиваете, зачем же служить „малому народу“, если он плюет на меня так же, как и большой, то я отвечу. Затем, что, несмотря на – местами – сходное отношение ко мне, в целом это абсолютно разные сущности. „Большой народ“ есть изначально, по самой природе своей, тотальное отрицание всех тех ценностей, которыми я живу, и его отношение ко мне этой чисто идейной несовместимостью и обусловлено. Короче, он безнадежен и полностью изменить его ценности, его менталитет, заложенный еще Иваном Грозным, нет смысла и пытаться (собственно, с 1987 по 2000 г. пытались, – сейчас наблюдаем результат...). А вот „малый народ“ – лучшая часть интеллигенции, „оппозиции“ и т. д., – это совсем другое дело. С этими-то людьми у меня – если брать в целом – духовная основа изначально все-таки общая. Вспоминаю я как пример свою дружбу с покойным стариком Дрюбиным – он души во мне не чаял, хотя был типичным советским русским интеллигентом, т. е. ограниченным только борьбой за свои права, не видя вокруг никаких союзников, ни о каких подробностях антиимперской борьбы чеченцев ли, украинцев, белорусов и пр. понятия не имел, моих насильственных методов не одобрял, – но, тем не менее, духовно

мы были с ним СВОИ, он меня потому в гости и звал все время, и „РП“ восхищался... Вот – хороший пример. С „малым народом“, с „Шехтманами“, говоря условно, – есть много разногласий тактического характера, в методах, в деталях – но не в фундаментальных целях, как с колхозниками, голосующими за Путина. Шехтманы все же интеллектуальны, образованы и – небезнадежны, в отличие от тех, от пьяной биомассы „большого народа“. Поэтому имеет смысл говорить с ними, писать статьи, объяснять, – и потому-то их непонимание и плевки мне гораздо обиднее, увы... Так что – я вовсе не против быть функцией от своей диссидентской тусовки и служить искренне „малому народу“, Шехтманам, либеральной интеллигенции, – но я считаю совершенно необходимым воевать до конца против биомассы и ее политических выразителей (путинцев и К^о) – самое главное, чего хочу и к чему стремлюсь все эти последние лет 15, – это своих, „малый народ“, поднять и повести за собой на борьбу с теми. Объяснить, что никакого мира и сосуществования быть не может, а только война до победного конца, – повести в бой. Вот потому-то народнические иллюзии Нади и Тани меня так раздражают – я-то это уже преодолел... А то, что я сижу здесь, уже 2-й раз, – не что иное, как трагическое следствие тактического непонимания, косности и тупости этих самых Шехтманов, хороших, в общем-то, людей, безусловно своих мне по основным ценностям, по основам мировоззрения. Это очень обидно и грустно, но ничего изменить я тут не могу. Но даже и глупую, не понимающую меня интеллигенцию я никогда не сравню, как Вы, с „большим народом“ гомофобов, антисемитов и тоталитаристов, прямых и открытых врагов Свободы. И не говорите мне, что, мол, „большой народ“ так же точно просто не понимает своих интересов, как и „малый“, – это совсем не так. Интересы – вещь тоже субъективная, они диктуются теми идеями, которые преобладают в голове! И поэтому совершенно объективный интерес „большого народа“ – это воздвигнуть себе нового Сталина и стать у него такими же абсолютными рабами, какими они были у Сталина прежнего. Именно это желание „защито“ в их подсознании – и потому-то оно для них совершенно объективно, и они, не

стесняясь, пишут этот свой мазохизм на всех знаменах, открыто требуют нового Сталина. А у „малого народа“ в подкорке все-таки „защито“ стремление к свободе, и это огромная разница, и совместить служение тем и другим никак невозможно, понимаете?..

Насчет Гарри Поттера – интересно, конечно, было бы при случае, прочесть все книги о нем, а не только одну и разобраться самому. Но – могу сказать сразу, что авторское отношение к персонажам и авторская трактовка образов и событий, собственно, не есть для меня что-то обязательное и непреодолимое. Есть 2 хороших примера на эту тему. Первый – я в нескольких статьях писал, что вполне солидарен со всем, что говорит Смердяков в соотв. романе и вовсе не склонен вестись на уловку (подлюю уловку, я бы сказал) автора, выведшего этого персонажа нарочито омерзительным, отгалкивающим и карикатурным, дабы скомпрометировать эти идеи, нарочно вложенные в уста именно ему. Не клюю я на такие дешевые приемы и точно знаю, что если „умная нация завоевала бы весьма глупую-с“, то последней это и впрямь пошло бы только на пользу. Ну и второй пример, – вслед за Новодворской я считаю, что Клим Самгин в одноименном романе Горького – это единственный положительный персонаж, хотя автор, конечно, относится к нему совершенно иначе. Так что, когда Вы мне пишете, что, мол, эти „пожиратели смерти“ – это „фашисты“ и т. п., Вы не забывайте, сколько тысяч раз называли фашистом меня самого. Ну и – что я, в отличие от Вас, не считаю победу одного фашизма над другим в 1945 г. благом ни в малейшей степени, не признаю итоги Нюрнбергского процесса и т. д. Да и вообще – считаю правильным находить и популяризировать неизвестные широкой публике стороны нацистского Рейха из принципа, хоть и не поддерживаю, конечно, нацизм как идеологию, – просто в пику нынешнему неосовку, пока тут не перестанут носиться со своим Сталиным, ставить ему памятники, проводить парады, брэнчать медальками и принимать законы, карающие годами лагерей за „оправдание“ действий давным-давно уже покойных людей. Пока они пропагандируют своего Сталина, СССР, Смерш и т. п. –

я считаю правильным и адекватным пропагандировать СС и петь про него песни, как Дебрянская. У Нестеренко, кстати, тоже есть несколько стихотворений на эту тему, в чем я с ним полностью солидарен. Слишком уж наглы эти „победители“, и через 70 лет готовые выпалывать всех, кто хоть на йоту усомнится в их „победе“, в их методах и в том, несли они Европе „освобождение“ или новую оккупацию, куда более жестокую... Всерьез – я, конечно, против нацизма, но в пику чекистам и сталинистам – и это пойдет.

А – в одиночку ли совсем я выступаю против „большого народа“, или в составе „малого народа“ – это не главное, тут главное слово – это „против“. Выступаю ли я против миллионов совсем один, или в составе 10 единомышленников, или даже 100, – это не так важно; самый кайф – это именно открыто выступать против миллионов. А главная беда – что против них эти 100 не хотят выступать так, как следовало бы.

Кстати, книги Дебрянской, что Вы упоминаете, мне тоже интересно было бы почитать. Если вдруг где попадутся – имейте меня в виду, pls.

Вот и все пока, надо заканчивать. Пишите, шлите распечатки, очень за них благодарен, надеюсь, теперь с ними проблем не будет.

Всего самого наилучшего!

Ваш Борис Стомахин, политзаключенный.

25.7.2013, СИЗО „Медведково“.

АЛЕКСАНДРУ МАЙСУРЯНУ [2.12.2014]

Здравствуйте, Александр!

Получил наконец-то сегодня Ваше письмо №79 – 1-е за ноябрь. А то все жду-жду, уже других (старых) писем целую пачку принесли, а от Вас – ничего... Так что даже Вере Лаврешиной я на днях написал, чтобы она узнала у Вас, писали ли Вы мне в ноябре

(хотя Вы с ней ведь не пересекаетесь нигде, да?) – и вот поэтому-то, м. б., сегодня и принесли наконец 79-е письмо!!

А дошло ли мое 2-е из Всесвятской, от 9.11.14, где я высказывал свою т. з. на рассказ Романова о казанском СИЗО? Глеб вроде бы говорил мне, что дошло.

По сути же написанного Вами в самом 79-м письме – никак не могу согласиться, несмотря даже на цитату из Робеспьера. Это – сугубый идеализм, да и просто глупость – отождествлять себя с „народом“ как он есть. Ваше право, конечно, – но все же я не могу молча смотреть на это, понимая, что этим Вы попросту копаете могилу самому себе и таких примеров уже много, – целое кладбище большое, а мне Вас все-таки жаль. Уже не раз я говорил Вам: Вы просто не видели этого вблизи, судите по какой-то схеме, основанной на Робеспьере ли, на Ленине или еще бог знает на ком, – а я на 100% уверен и точно знаю, что ОНИ, обожаемые Вами „ватники“, не оценят Ваших симпатий и Ваших усилий им помочь, и это еще очень мягко сказано – „не оценят“... Так что, если кто-то хочет покончить с собой, да еще жутким способом, – мне все равно, это его право; но Вас, кого я знаю много лет и кто мне не раз помогал в тяжелых ситуациях, я считаю себя вправе оттащить от этой бездны даже против Вашей воли... Вы – не ОНИ, и слава богу, и сколько бы Вы на сей счет Робеспьера ни цитировали, – разница видна мне со стороны очень четко.

Надя и Таня [Надежда Низовкина и Татьяна Степура], кстати, мне говорили, что это администрация „Граней“ сама создала там блоки, а не они. Швали же и мрази хватает и там, и на „Форуме.мск“, но на последнем ее, пожалуй больше.

Что же касается упоминания Вами народовольцев – ну вот они и довоевались в итоге, тратя все силы во имя тех, кому хотели помочь и облегчить жизнь... Всегда я писал, что поддерживаю их методы, но не их программу.

И причем тут эти сценки с собаками и щенками? Это ни о чем не говорит, на 1–2 таких примерах обобщения не построить. Вон, спросите мою мать, – ее всегда и везде, от школы до круизных теплоходов, бесили визжащие, орущие и бегающие дети, она всегда с ними воевала (не слушая моих увещаний на

теплоходах, в частности) и много раз говорила, что когда она 1 раз за всю жизнь была за границей – в Болгарии, месяц – ее там больше всего поразили НЕМЕЦКИЕ ДЕТИ. Поразили тем, что, хотя их там на курортах, на пляжах было с родителями немало, они никогда не орали, не визжали, не носились и не бесились, не слушая никого, как русские детишки, а сидели тихо, смирно и спокойно возле родителей, никому вокруг не мешая. Мать это много раз рассказывала – и, сами понимаете, я из этого тоже могу вывести обобщение, отнюдь не в пользу русских (вырастающих потом из этих детей). Только вот... мне орущие дети обычно не мешают.

Газета ваша партийная [„Свободное слово“, издание Демсоюза], да, как будто ставит себе целью создать наглядную иллюстрацию шутки о „плюрализме в одной отдельно взятой голове“. Только вот не пойму – зачем? Павла [Люзакова, главного редактора „Свободного слова“] я спрашивал об этом еще в летней переписке, но он, как обычно, отшутился. Кстати, он ведь к приписке к Вашему 78-му письму обещал отдельно мне написать – и, смотря, так и не написал...

Я в полном шоке от сообщенного Вами о Фрумкине. Что за болезнь-то у него, как называется? И с чего вдруг? То был туберкулез, где-то с год назад я узнал, теперь – это... Кто-нибудь общается с ним, у кого хоть узнать подробнее можно? Кстати, получила ли Люда Евстифеева мое письмо от 10, кажись, ноября? Узнайте, pls. Если получила, то про Женю может тоже мне написать поподробнее.

Если одну собаку русские – при Вас – на улице не пинали, это еще не значит, что они такие добренькие, увы. При мне они много раз пинали в Буреполоме мою любимую кошку, ничего плохого им не сделавшую, – или кошек, по-Вашему, пинать можно?

Так что, дорогой Александр, не пытайтесь казаться хуже, чем Вы есть, отождествляя себя черт знает с кем; и постарайтесь, проанализировав опыт последних этак лет 140, осознать наконец, что народничество в России мертво, мертво окончательно и бесповоротно, а после жуткой большевистской антиселекции,

когда методически и целенаправленно миллионами истребляли лучших, а оставались и плодились в основном подонки, стукачи, вертухаи и жополизы – так тем паче. Исключений, увы, в нынешнем их потомстве очень мало. Нет уж – дай Вам бог никогда, со всей Вашей искренней поддержкой и радикальными социальными идеями со всей этой биомассой близкого личного знакомства все же не сводить, как это пришлось сделать мне, Романову и многим другим!.. Целее будете.

Всего Вам наилучшего! Жду новых писем!

Счастливо!

Ваш Борис Стомахин, политзаключенный

2.12.14. ИК-10, Пермский край

[Цитата из письма Александра Майсурия, на которое последовал вышеприведенный ответ Стомахина: „Что касается „высказываний против России“, то Вы сами знаете мое отношение к народу России. Как говорил Робеспьер: „Вы осмеливаетесь обвинять меня в намерении угождать народу?.. Да как бы я мог это сделать? Я не льстец, не повелитель, не трибун, не защитник народа: я – сам народ“. Пусть не весь, но та его большая и, бесспорно, лучшая часть, которую Вы называете „тупое совковое быдло“. Пусть Вас не вводит в заблуждение моя мнимая интеллектуальность. Командиры воюющих между собой армий, к примеру, по интеллектуальному уровню всегда ближе друг к другу, чем офицеры и рядовые одной армии. Но воюют армии всё-таки, как правило, между собой. В классовых войнах – то же самое. Дворяне были интеллектуально ближе народовольцам, чем те и другие – неграмотным крестьянам, но это не мешало им (дворянам и террористам) воевать друг с другом. Так что и я – может быть, более интеллектуальный, чем средний представитель „быдла“, но выражаю всё-таки его интересы... Между прочим, Ленину нравилось ходить в столовую именно для рабочих и он очень радовался, что там ему подавали чашку с отбитой ручкой. Я его вполне понимаю – я, кстати, тоже очень любил простые советские столовые (не рестораны), и жалею, что их сейчас в Москве стало так мало.

Разумеется, я себя, народ, люблю, и мне досадно, когда меня критикуют, хотя я и готов признать, что не всегда и не во всем безгрешен. А кто безгрешен? В религиях – один бог, а для атеистов и того нет. Вы замечаете в поведении „быдла“ только то, что считаете плохим (тут мы с Вами, конечно, не всегда совпадаем в оценках), я же замечаю в первую очередь то, что считаю хорошим. Вот, кстати, сценка, которую я наблюдал на днях. Уже холодно, и прямо посреди улицы к теплой трубе прилегла собака. И спит себе безмятежно, а рядом, в двух шагах от нее, идут прохожие. А она и ухом не ведет и глаз не открывает. Потому что чувствует себя в полной безопасности. Никто ее не пнет сапогом, не бросит в нее камнем или палкой. Ну, с вероятностью в 99%, скажем так. И я вспомнил мемуары одного офицера вермахта, кажется, который в 1941 году вступил на территорию СССР. Он очень удивлялся сценке, которую видел в каждой забытой богом деревеньке – уличные щенки радостно вьются и играют в компании местной босоногой детворы. Почему же это его так поразило? Потому, что у него на родине любой уличный щенок, завидев мальчишку, сразу же удирал со всех ног. К чему я это написал? К тому, что и русские (точнее, „быдло“) не так плохи, как Вы их изображаете, и иностранцы вовсе не так хороши“.]

МИХАИЛУ АГАФОНОВУ [26.5.13]

Привет, Михаил!

Пишу я тебе, т. к. технически тебе проще передать, но очень прошу сразу же закинуть это письмо в рассылку, – хотя бы в отсканированном виде, если уж тебе некогда набивать. И хотя отвечаю формально я тоже тебе, на то твое старое письмо, на которое уже отвечал (ты получил, там было о книге А. Н. Яковлева), но обратиться хочу ко всем. К Майсурияну, к Дмитрию Воробьевскому, к Виктору Корбу, к Антоше Ручкину, если он уже в рассылке; к уважаемому Сергею Крюкову (он ведь тоже же

здесь, да?); к Глебу Эделеву (надеюсь, он хоть позже, но прочтет это послание), к Наде Низовкиной и Тане Стецуре (даже если они сейчас не в интернете – все равно, заслуги их велики и все, что я хочу сказать, их тоже напрямую касается). И ко всем остальным, кого не назвал, – ко всем, кому эта тема интересна...

До сих пор не могу успокоиться, как задела меня фраза из твоего письма, еще апрельского, где ты отговаривал меня от суицида – и писал: „Такая смерть не только удалит тебя из борьбы, но может охладить еще многих других людей, готовых противостоять Империи...“

Эх, блин, лучше бы ты не писал этого!..

Какая, соггу, „борьба“? Где это у нас тут и кем ведется „борьба“? И кто у нас противостоит Империи?

Я знаю, что ей противостоят чеченцы – вот уже 400 лет отстаивая свою свободу и независимость. Ей противостоит сейчас весь Кавказ, где мусоров убивают, считай, каждый день. Я знаю, что борьба против Империи давно идет и все больше разрастается в Татарстане, который в этой связи правильнее было бы называть Идель-Урал. И там, и на Кавказе люди борются за свою независимость, за право жить в своей религии и по ее законам (хотя я-то сам сторонник светского государства).

Но здесь, у нас, – какая, к черту, „борьба“? О чем ты вообще говоришь?

Здесь, в России, борьба шла последний раз, по-моему, в конце 80-х, в перестройку, когда каждый день возникали новые серьезные массовые организации, будь то правозащитно-просветительские типа „Мемориала“, политические – умеренные типа „ДемРоссии“ или радикальные, как ДС. Когда регулярно сотни тысяч людей выходили протестовать, объединенные хотя бы минимальной общей программой (хотя бы „долой КПСС!“) – и добивались заметных успехов (отмена то же 6-й статьи, допустим). Вот это была борьба, было массовое организованное движение.

А что мы видим сегодня? Пройдя полный круг, диссидентское движение в России вернулось фактически к тому состоянию, с которого начиналось в 60-е, еще до появления серьезного

самиздата и громких акций типа Красной площади в августе 68-го. То, что есть сейчас, – это отдельные инакомыслящие, кухонные диссиденты, скажем так (грубовато, но зато верно), без всякой мало-мальски заметной организации или координации, рассеянные уже не только по стране, но и по миру. Только – нашей общей кухней стал интернет, благодаря которому коммуникационные возможности наши расширились и незаметна уже географическая разбросанность, – но, увы, ни идейное наше единство, ни организационное, ни вообще какая-нибудь заметная активность в офлайне – не только не выросли, но и их, можно сказать, вообще нет.

Когда в Москве в 1999–2004-м была хоть какая-то более-менее постоянная, хотя и ничтожная по своей заметности и влиянию на что-либо, антивоенная кампания против 2-й агрессии РФ в Чечне, несмотря на всю слабость наших сил, мне и то казалось, что тогда „борьбы“ было больше, чем сейчас. Меня не оставляло ощущение огромного удовлетворения, тепла, душевного мира и этакое, скажем так, кайфа – от того, что я принадлежу к некоему целому, к современному (на тот момент) диссидентскому движению, да еще к самому радикальному его крылу, – и я со всеми своими друзьями, коллегами и боевыми товарищами готов идти по этому прямому пути, не страшась ничего, потому что „когда мы едины – мы непобедимы“...

Увы, за те годы, что я провел в розыске и в заключении (2004–2011) – от этой нашей дружной диссидентской компании, от былой общности и чувства товарищеского локтя – не осталось ничего. Костер погас, и даже пепел давно остыл. Все куда-то разбежались, разъехались, частью вообще перестали общаться и даже видиться... Появилось немало новых людей, и это хорошо, но вот того согревавшего мне душу чувства, что я – часть целого, член большой, сплоченной диссидентской семьи, что я в кругу друзей, самых близких мне людей в этом мире, – его больше не было, увы. Я тоскую по этому кругу, по этой семье до сих пор...

Собственно, с этого и началась затронутая тема нашего разговора. Да если бы была у нас здесь „борьба“, если бы хоть какое-то, хоть сколько-то сплоченное, единым целым себя

осознающее диссидентское сообщество, признающее и защищающее меня в тюрьме как свою часть, – да разве я думал бы о суициде?!. Чего тогда мне еще оставалось бы желать?.. Поддержка с воли невероятно важна здесь, в тюрьме, и не только материальная, – духовная не менее важна, если не более. Я до самой смерти обязан вам всем, друзья, всем, кто меня поддерживает, пишет мне, собирает деньги... – но все-таки, дорогие мои, почему у нас все так заглохло, завяло, зачахло? О какой борьбе говорит Миша Агафонов, кто, где у нас ее ведет? Вот мы пережили только что 100-, 200-тысячный подъем 2011-2012 гг., сейчас, по-моему, уже сошедший на нет. Там свою борьбу с властями вели все эти хитрые подонки – Немцовы, Навальные, Яшины, Давидисы, Собчаки, Быковы (примкнул к ним, увы, хотя я страшно ценю его поэтический талант), и т. д. Про них я не говорю – с ними с самими надо было бы вести борьбу не меньшую, чем с путинцами, они – лукавые вожди и профессиональные провокаторы и обманщики. Описанная в интернете попытка Кирилла Подрабинека (которого, безусловно, я тоже отношу к нашему диссидентскому кругу, а не к их „гламурному“) выступить на одном из их огромных митингов – лучше всего показывает соотношение и взаимоотношения между нами и ими, как и моя более поздняя попытка баллотироваться в их „КС“. То есть, увы, даже такую волну событий мы, наш круг, наша тусовка – пропустили, прохлопали, не использовали как следует (да и вообще никак). Я и с себя не снимаю вины за это, я ведь тогда еще был на воле и что мог – пытался делать, но, увы, неудачно, а помогать даже из близких мне людей никто не хотел...

Увы, все мы, либералы, интеллектуалы, индивидуалисты, свободолюбцы, кухонные диссиденты (и даже уличные, даже площадные), – чем более правильные вещи говорит и пишет каждый из нас, тем труднее нам не то что объединиться, а хотя бы как-то скоординировать свою деятельность, наладить хоть какое-то взаимодействие. Каждый из продвинутых, прогрессивных интеллигентов-свободолюбцев испытывает инстинктивное отвращение и страх при одной лишь мысли, что его заставят маршировать строем и в ногу, – и вот поэтому-то мы всегда всё

проигрываем коммунистам и нацистам с их стайным – не стадным! – инстинктом. Хорошо каждому философствовать у себя в блоге или ФБ, но, увы, дальше пары-тройки десятков друзей эта философия не идет. У меня была, между прочим, летом 2012-го, когда волна уже явно начала спадать, мысль – попробовать созвать некое совещание, что-то типа конференции этого вот диссидентского, радикально не приемлющего нынешнюю РФ [Российскую Федерацию] круга, из тех, кого я знаю лично или понаслышке. Состав нынешней нашей рассылки процентов на 60 пересекается с теми, кого я имел в виду. Но, кроме чисто технических затруднений – деньги, место и т. д., – основное и горькое понимание, что, если и соберемся, никто опять ни с кем ни о чем не договорится, каждый будет тянуть в свою сторону, мнений будет столько, сколько людей (или даже больше), и ни к каким даже намекам на организационное единство – ради чего и стоило бы всё это собирать и затевать – мы так и не придем...

Вот такие дела. А Михаил Агафонов говорит о „борьбе“, из которой я будто бы выпаду, если умру тут, в тюрьме, да еще и кого-то этим от „борьбы“ отпугну, мол. Только где она, борьба?.. И почему мы так фатально неспособны ни к какой организованности, почему каждый у нас всегда сам по себе?..

Из организаций, которые ее ведут до сих пор, я могу вспомнить только ДС, собирающийся в Москве на Онежской улице, – да простят меня его члены, здесь присутствующие, но это в точности то царство, которое, по библии, резкий путинизм в формате „СССР 2.0“ в одной голове, столь же махровая апологетика прежнего СССР вкупе с „пересмотром итогов приватизации“ – в другой, вполне здравое отрицание любой диктатуры – что советской, что нынешней – в третьей и четвертой, но со слишком уж большим уклоном в „демократию“, которую здесь уже давали – и навывирали нам всем как раз то, что есть сейчас... Да еще екатеринбургское Движение против насилия помню, представленное здесь Глебом, – но оно, хотя я в основном по рассказам Глеба его знаю, больше занимается все же

правозащитной деятельностью, нежели собственно политической борьбой (а это не одно и то же)...

Мы настолько вернулись назад, к кухонному диссидентству советских времен (с поправкой на интернет), что теперь, мне кажется, не надо 10 декабря никаких митингов и пикетов официально заявлять – а просто, как в позднем совке, можно собраться у памятника Пушкину в 19:00 и молча снять шапки. Кстати, и реакция наверняка будет такая же, как и тогда, этого ИМ хватит, чтобы начать разгонять, даже без всяких плакатов...

Не только поэтому, конечно, я считаю суицид для себя в сложившейся ситуации наилучшим, да и единственно возможным выходом, но и поэтому тоже. Чувство принадлежности к чему-то общему, целому, к некоему сплоченному кругу, где я свой, где я дома, у меня сильно ослабло за прошедшие 10 (примерно) лет. Хорошо, что есть эта рассылка, конечно, и новые люди в ней... но вот сколько ее участников я просил написать мне, хоть как-то отозваться, – а в ответ тишина... Да и те, кто пишут, – увы, тоже пишут слишком редко. Заниматься политикой, оппозицией, диссидентством по вечерам, после работы, и по выходным – это старая советская традиция, я знаю, и многие люди иначе просто не могут. Я их не виню, упаси бог, но всё же – нужны профессионалы, всё свое время и всю свою жизнь отдающие движению, чтобы оно как-то развивалось и двигалось вперед.

Я таким и был, хотя не собираюсь хвастаться, и всё свое время посвящал только политике – „борьбе“ с государством, как мне хотелось бы думать. За это я оказался в тюрьме уже 2-й раз, и, хотя каяться и сожалеть о сделанном я отнюдь не собираюсь, 2-й арест и новый срок почему-то не кажутся мне признанием моих заслуг на избранном поприще. Заслуг, увы, нет. Ничего не изменилось, империя эта как стояла, так и стоит, и простоит, увы, видимо, еще долго. На этом пепелище – когда и на воле не осталось фактически ничего, и сам я опять в тюрьме – увы, я ощущаю себя проигравшим. Просто я трезво смотрю на вещи, вот и всё. Я очень благодарен всем, призывающим меня держаться, не падать духом, продолжать борьбу и отсюда, – но, сами

подумайте, какая здесь борьба? Тем сроком мне удавалось еще что-то писать и передавать на волю, плюс дневник вести и тоже передавать, и это меня тогда спасло, если честно. А если сейчас канала на волю не будет? Что тогда? И что все-таки ближе к понятиям борьбы, непокорности власти, отстаивания своих убеждений и своего права быть собой, – безропотно позволить им себя загнать в это рабство, подневольное состояние, в лагерь, и там терпеть все унижения и глумления, ради того только, чтобы сохранить свое физическое тело, ради сохранения его для какой-то якобы возможной в будущем „борьбы“? Или же – не покориться их планам в отношении меня, обломать их, не дать себя скрутить и посадить на 10 лет, вырваться из их лап – да, тем единственным способом, который здесь возможен, но вырваться?! Я отнюдь не считаю в такой ситуации суицид проявлением какой-то слабости, трусости, сдачи на милость победителя, – наоборот, это акт мужества, непокорности, Сопrotивления! Хоть так, хоть жизнью своей пожертвовав, – но все же сломать их планы, вырваться из их лап, сбежать от них!..

Помните, у Высоцкого? –

„Но разве это жизнь, когда в цепях?

Но разве это выбор, если скован?!“

Увы, как показывает и прежний, и теперь уже нынешний опыт, я не могу решиться на этот шаг даже тогда, когда все внешние препятствия отсутствуют (не далее как сегодня было такое). И веревка опять есть, и соседи спят, никто не мешает, – а мужества нет! Страшно!.. Если бы вы только знали, как я ненавижу, как презираю себя за это!.. Значит, поделом мне будут все лагерные унижения все эти долгие годы, – раз я не имел мужества сбежать...

Что же делать? То ли искать в себе мужество, то ли... Вы, друзья, между прочим, могли бы мне помочь. Некоторых я уже просил, но безуспешно, – а кого же мне просить, если не вас? Чем легче и надежнее смерть – тем проще мне будет совершить этот прыжок в царство свободы. А всё, что мне нужно, – щепоть хорошего яду, цианида, скажем, переданная мне кем-либо из вас через адвоката. Настоящий друг – тот, кто именно в этом не

откажет, в своевременной смерти, если иного выхода нет. А не тот, кто будет насильно спасать жизнь и тело, оберегая душу на мучения... Я не хочу ни за что позволить опять загнать себя в тот ад, где я уже был и правила которого мне уже слишком хорошо знакомы. Перспектив я не вижу впереди никаких, ни личных, ни политических, семьи у меня нет, будущее мое после отсидки мне известно – и оно незавидно, поверьте. Если все будет как сейчас (а скорее – еще намного хуже), то я даже выехать из этой проклятой страны не смогу (судимость, надзор и т. д.), не говоря уж о том, чтобы в ней жить. Так что я теряю-то? Только вас, мои дорогие друзья, самых близких мне людей, – но с вами я уже сейчас разлучен и общаюсь лишь короткими урывками, совершенно для меня недостаточными. А вы – кто в России – приезжайте на похороны, заранее приглашаю...

Это, кстати, и к тому, что я хотел ответить уважаемому Александру Майсурияну на фразу из его 13-го письма – „Надежда – штука иррациональная“ – и пример про пророка Иону. В том-то и дело, что иррациональная, и потому-то для меня, как для сугубого рационалиста, знакомого с положением вещей, это – сугубая иллюзия, очень вредная, ибо расслабляющая и отправляющая мучиться на долгие годы – вместо того, чтобы... Увы, все подобные иррациональные надежды я похоронил еще тем сроком, году в 2008-м, не позже, – а тоже ведь по наивности надеялся, что и дадут не так много, от силы года 3, и что по УДО отпустят, не с 1-го раза, так со 2-го... Жизнь безжалостно развеяла эти иллюзии, и я уже просто не в силах создать себе новые, если б даже и захотел этого. Да и надежды на новое такое освобождение, как было в 1987 г., – это, уважаемый Александр, тоже сугубая наивность, и согласиться мучиться годами только из-за нее – смешно и глупо. М. б., и будет такое; ну а если нет? Так и покориться ИМ, так и сидеть весь срок, который они наматывают, не рыпаясь, сдавшись, безропотно?.. Да и – надо сказать честно, что едва ли даже при гипотетической новой перестройке списки на освобождение будем составлять МЫ, наш истинно диссидентский круг. Вы верите в такую возможность? Увы, скорее это будут делать опять, как недавно уже было, Немцовы, Навальные,

Удальцовы, Романовы, Быковы и пр. Придворные „оппозиционеры“, частью из „бывших“. Меня они ни при каких обстоятельствах в свои списки на освобождение не включат, Вы же понимаете. А как уж там дальше пойдет процесс – как в 1956-м, в 1987-м или как в 2012-м на наших глазах, – этого заранее никто не знает, и это уж слишком смутная надежда, чтобы ради нее одной согласиться сидеть в скотских условиях столько лет...

Единственный росток будущего, здоровый и правильный, какой я вижу в этой мрачной действительности вокруг себя, – это та группа радикальной оппозиции, которая возникла в 2012-м и в которую входят Геннадий Строганов (привет ему!), Павел Шехтман, Вера Лаврешина, Надя и Таня наши, и еще, м. б., какие-то люди, которых я не знаю. По смелости и радикализму уличных действий они напоминают лучшие образцы ранней перестройки, молодых диссидентов года 1987-го, 88-го. Хотя, м. б., идеологически, да и тактически я не во всем с ними согласен, м. б., не стоит так уж привязывать свою активность к активности властей, чтобы, помнится, идти к со всех сторон заблокированному ЦИКУ именно в день их „выборов“, сгори они!.. – но всё равно, уважение такая отчаянная смелость, такое самопожертвование вызывают немалое, и мне очень жаль, что я – в основном из-за проблем со здоровьем, с опорно-двигательным аппаратом – не мог в 2012-м участвовать в их акциях. Хотя, как выяснилось, мне для куда большего – не 15 суток, а 10 лет! – не надо даже на Красную площадь выходить с лозунгом, достаточно в интернете повесить несколько текстов...

Что ж, небольшая получилась исповедь... Я очень надеюсь, что получу хоть какой-то ответ на все это словоизлияние, для меня очень важное, по кр. мере, от тех, кого упомянул тут персонально. И – я еще раз призываю, умоляю, заклинаю всех писать мне, а тех, кто пишет регулярно, – делать это почаще. Тут вроде бы опять заболел цензор, и последние 2 эл. письма на той неделе, 23-го, мне вручил опер нашего этажа – сказал, что, мол, за отсутствием цензора письма раздали им. Это довольно подозрительно и неприятно, я не знаю, по какой схеме и с какой скоростью теперь до меня будут доходить ваши письма, и мысль,

что я могу и их лишиться, повергает меня просто в отчаяние. Пишите, друзья, и как-нибудь уж постарайтесь проверять с воли, доходит до меня почта или нет. Если что – видимо, придется опять действовать через ОНК, через Каретникову или Бабушкина; если вы знаете какие-то другие способы повлиять на это тюремное начальство – тоже напишите мне, pls.

Между прочим, Михаил, тебя я просил и прошлое к тебе мое письмо, уже упомянутое вначале, как-то закинуть в рассылку, ибо там я поднимал важные темы и хотел узнать мнение по ним других участников. Судя по полному отсутствию их реакции, ты не закинул, да? Жаль. Постарайся непременно хоть это письмо закинуть, для того я его и писал столько времени, не для одного тебя.

Ужасно тошно на душе, друзья, и жизнь кажется прожитой впустую. Мне свойственно такое самоедство, что поделаться... Если бы и правда мы на воле вели реальную борьбу, да еще побеждали бы в ней – я бы на все плевал, сидел бы и ни о чем не печалился. Но, увы, тут поражение по всем фронтам. Так что остается только яду у вас всех просить, чтобы уйти достойно, не дать еще раз опоганить мою душу, – мне хватило и того раза...

С горячим приветом и наилучшими пожеланиями – ваш Борис Стомахин, политзаключенный.

26.5.13, СИЗО „Медведково“, Москва

P. S. Резюме: увы, все мучения зоны и срока, по опыту прошлого раза, далеко перевешивают всю ту солидарность со мной как с политз/к, которую я сейчас ощущаю с воли. Примерно как 1:9 где-то. Так что суицид – единственный выход, увы. Если бы соотношение было обратным, о нем не могло бы быть и речи...

ВИКТОРУ КОРБУ [10.7.2013]

Привет, Виктор! Очень рад твоему письму! Большое спасибо за новости, за теплые слова и высокую оценку сделанного мной за

мою жизнь. Мне это очень важно, тем более от такого человека, как ты, хотя я сам и оцениваю все это гораздо скромнее. Но, черт побери, если ты и другие мои друзья так считают, – нельзя, видимо, все бросать, как мне много раз хотелось здесь (ты знаешь), придется бороться в полном окружении и дальше, да? Это страшно трудно, но придется. Конкретные заслуги, правда, ты не называешь, а только „создание ярчайшего образа“, что лично для меня маловато, и свидетельство того, что этот образ именно таков, тоже маловато, вбей в поисковик фамилию – и увидишь: большинство считает психом, городским сумасшедшим и т. п., – ну да ладно, спасибо и на этом. До уровня Ганди, Сахарова, Гавела и пр. я, конечно, недотягиваю, это очевидно, и, думаю, уже мне и не дотянуть. Но, кстати, кроме этого ряда названных тобой людей-символов, есть еще и другой: Бандера, Шухевич, Дудаев, Масхадов, Басаев, Андрей Власов и даже Менахем Бегин. Как тебе этот ряд? Думаю, в чем отличие, ты понимаешь...

Ты на „Патриофиле“ исправил всё, спасибо, а вот на „ти-фаретнике“ моем не исправили до сих пор ничего. Надо бы ответственному за него товарищу намылить голову за это; не хочет делать – пусть другому передаст, я говорил уже кому. Надеюсь, ты это письмо кинешь в рассылку, и указанный товарищ прочтет.

...

Насчет гражданской самоорганизации и реформирования России – помню, спорили мы с тобой про это еще на воле. Я не то что не согласен, но мне эта формула кажется недостаточно конкретной, я не совсем понимаю, что именно ты под ней понимаешь, а примеров ты не приводишь. Во всяком случае, минимальную „дорожную карту“, как я ее понимаю, я изложил, адресуясь к сторонникам свободы России, – и, как я понимаю, этот текст тебе не пригодился? Его можно было бы обозначить, как „программа *minimum minimorum*“, без всякой ссылки на наличие каких-то сил для ее реализации, просто формулировка задач. Кого и как можно здесь под это организовать, я, честно говоря, не вижу.

Насчет твоих судов в Омске – sorry, что разочаровал тебя, но для меня без крайней необходимости обращаться за чем-либо в учреждения Системы неприемлемо. Ты создал прецедент отмены подобного решения, это круто, конечно, но – можно у них изредка выиграть такими методами и даже сражение, но не войну. В конечном итоге мы больше теряем, легитимизируя их власть своим участием и обращениями. Ты ведь моих-то доводов о легитимизации тоже не опроверг. Увы, все свои же формальные ограничения эта Система легко обходит, при тотальном подчинении всех ее учреждений одному центру, полном отсутствии разделения властей и т. д., – это ей нетрудно, так что в самом конечном счете смысла бодаться, зная заранее результат, я не вижу.

Насчет группы „Война“ – ничего против не имею считаться ее участником, особенно если для этого не надо писать специальных деклараций. Можешь тогда ссылочку на то, как именно ты у себя последний стих подал, тоже Майсуряну или Бородину скинуть? Спасибо за идею, она мне гораздо больше нравится, чем участие в „судах“. М. б., в СМИ удастся эту тему – обо мне в контексте „Войны“ – как-то протолкнуть?

Спасибо тебе огромное за все, твои письма очень меня поддерживают. Всё, что мне пишут друзья о борьбе, об идеях, о политике, о судьбах России и пр., о возможном моем во всем этом участии, – порой, знаешь, кажется мне совершенно ничтожным, не значащим ничего по сравнению с ситуацией, когда там, на зоне, меня обступает толпа какого-то агрессивного сброда – и начинает угрожать, чего-то требовать, навязывать какие-то правила... Так у меня уже было в тот раз неоднократно, и, кажется, чтобы только не оказаться в такой ситуации снова – хоть сейчас в петлю, в омут, куда угодно!.. Об идеях хорошо думать, когда, так сказать, тельцу твоему брэнному непосредственно ничто не угрожает. Унижения от этих подонков я тоже считаю такой угрозой, да и само пребывание среди уголовников; в то же время репрессий начальства тамошнего, особенно „по закону“, без дубинок – совершенно не боюсь. И только письма – твои и других друзей, почти все они есть в

рассылке, – кое-как вселяют в меня, не сразу, порциями, духовные силы, достаточные для того, чтобы опять оказаться ТАМ, одному против этой вопящей толпы уголовников, „понятия“ которых совершенно для меня не-приемлемы – но я не могу им открыто сказать это в лицо... Если бы ты знал, как это тяжело – постоянно жить в такой обстановке, в таком окружении... Вся надежда – что ты и ребята будете мне и туда писать, а нынешние письма я тоже захвачу и буду пере-читывать...

Насчет смысла жизни – я вот тоже это меряю (свой личный, по кр. мере) вкладом в общечеловеческую культуру, в отстаивание и распространение свободы и т. д. Да только вот – я-то этого своего вклада как раз не вижу, я об этом уже писал в начале письма. Что-то писал, устраивал пикеты на площадях, давал изредка интервью и т. д. – ну и где это все? Кто об этом знает? Помнит? Очень хотелось мне книгу издать хотя бы одну, хотя у меня и на три наберется, – но, видно, не судьба... Вот книга, особенно тиражом больше 1000, с ISBN, – это все-таки уже заметный вклад в культуру. Объективно говоря – ну сколько людей вспомнит меня через 10 лет после смерти? Вот то-то... Не останется следа, даже старые фотки на последнем шмоне у меня выгребли – так что где он, этот мой вклад в культуру, какие о нем есть свидетельства, кроме моих слов? Нет ничего... Вот потому-то и кажется мне моя жизнь прошедшей зря...

Ну ладно, счастливо! Пиши почаще, я очень жду!!!

Твой Борис Стомахин, политзаключенный

10.7.13, СИЗО „Медведково“, Москва

ВИКТОРУ КОРБУ [15.11.2013]

Привет, Виктор! Одновременно пришли тут письма твоё и Ольги Исаевой.

Сплошные обломы: с грузинским гражданством (на которое я, правда, всерьез и не рассчитывал), с пресс-конференцией, о которой мне 11-го в „суде“ Бородин и Трепашкин уже было

сказали, что она на 14-е или 15-е уже согласовывается, типа, точно будет (Трепашкину для нее время выкроить – ой-ой!..), а ты пишешь, что опять облом... Но, честно говоря, больше всего меня добила новость об Антоне. И это вместо того, чтобы написать мне, как я постоянно ему передаю просьбы через всех общих знакомых... Мало кого я ценил так и считал человеком и единомышленником более близким, чем его... MFF хотя бы исключили, хоть я и был против этого, а тут – сам... Ну что ж, этого следовало ожидать: я-то свою судьбу хорошо знаю, мне везти не может никогда и ни в чем, и друзей никаких вообще не надо заводить, да и вообще с кем-то обманываться... Ладно, черт с ним... Дело твое, кого включать в Комитет, кого не включать. Я приветствую включение всех новых имен (появление Мананникова вообще было для меня полной неожиданностью, но я очень рад. Он сам обратился и предложил, да?). Если тебя все же интересуют мои рекомендации – Лена Маглеванная написала мне тут, что Ольга Исаева и Татьяна Близнюк уже включены в Комитет, но я сразу понял, что это не так и написал ей. Говорили мы с тобой еще, помнится, о твоём последнем (планировавшемся) разговоре с Майсурияном, а м. б., и с Эделевым, но – делай сам, как считаешь нужным. Мне, если честно, уже все равно. Видимо, WSD в августе был пиком, вершиной, апофеозом деятельности вашего Комитета, и повторить его 20.11 или когда-либо еще вряд ли удастся. Все кончено, никаких надежд больше нет (а у меня их и раньше не было, ты знаешь). Поведение „судьи“, просто-напросто в жесткой форме выгнавшего всю публику и сделавшего „суд“ закрытым, все окончательно проясняет и не дает рассчитывать на приговор меньше 7,5 лет. Провал всех усилий в защиту, как международных, так и внутренних, очень удачно с этим коррелирует. Ну так пусть будет как будет, чего уж там. Все равно уже все ясно заранее, чего силы и деньги зря тратить? Кому угодно можно было бы помочь, но не мне...

Да, если все же хочешь приехать 21-го в „суд“, то советую стоять не возле 508-го зала, а у лестницы, которая там рядом, лучше прямо на площадке. Меня ведут по „черной“ лестнице (для эзков) до 4-го этажа, по 4-му этажу проводят до той „парадной“

лестницы (для посетителей), и уже по ней поднимают на 5-й этаж, чтобы не вести через толпу друзей, а сразу нырнуть в кабинет. В зал опять никого не пустят, конечно, это уже ясно, а я буду просто сидеть к „судье“ спиной и не буду никак участвовать в этом фарсе. Ты это письмо получишь не ранее 18-го, уже в Париже. Кстати, что это там за конференция такая по 1993-му году? Хоть бы ты рассказал... В общем, думай сам, стоит день терять, или нет.

Что 100 тысяч собрали, преодолели рубеж – это очень хорошо, конечно. Но, насколько я понимаю, это деньги за все время их сбора, а на данный момент на счету есть гораздо меньше. Ты бы написал, сколько реально есть денег сейчас. Тебе и Мише Агафонову я, конечно, полностью доверяю, но вот так, с ходу написать то, что ты предлагаешь, вряд ли смогу, – просто не знаю, что писать, да и – мучает меня это чувство бесплодности, бессмысленности всех усилий, так что... Подумаю, короче, м. б., и придет в голову что-нибудь. Больше всего мне бы хотелось, чтобы прямо сейчас закончилось это все, а не тянулось еще 6 с половиной лет, день за днем, вся эта нелепая, дурацкая жизнь. Увы, не герой я, не герой совершенно, а хронический, тотальный неудачник, каким бы героем ты меня ни изображал...

Про список „Мемориала“ я уже слышал, да, – про присутствие там даже такого „политзэка“, как Навальный, находящегося на свободе. Все это не ново, привычно, скучно и уныло. Его Д., говоришь, составлял, этот список? Это известная нечисть и ничтожество, и то, что он с кучей оговорок подписался даже за меня, ничуть этого факта не отменяет. „Мемориал“ – контора профанаторов и провокаторов от правозащиты, и я жалею лишь об одном: что на их конференции по ПЗК в феврале 2012 г. под председательством Орлова я лишь сказал им, что плюю им в лицо за их позицию по мне тем, первым сроком, а не плюнул реально Орлову в физиономию. Ковалев и Гефтер там были – Гефтер в тот раз еще как-то помогал, подписывался в защиту, а сейчас – моя мать еще зимой с ним говорила – тоже отказался. Организация Каретниковой, кстати, тоже практикует этот странный подход – числить в списке ПЗК

даже тех, кто на воле ждет „суда“, кто осужден условно и т. д. Несмотря, кстати, на ее помощь и (условно) хорошее отношение, о котором ты мне писал, – ее организация (с ней во главе, как я понимаю) меня тоже ПЗК отказалась признавать, и она без всякого стеснения мне это тут и заявляла, в тюрьме, глядя мне в глаза! Хоть ты ей там при случае намекни как-нибудь, что критерий истины – практика, а поэтому „критерии организации“, по которым они тоже меня не признают ПЗК („призывы к насилию“ в частности) можно было бы ради такого случая и изменить. Хотя впрочем – плевал я на их признание или непризнание, все равно от этого ровно ничего не меняется, и правильно написал Дубров на КЦ: какая страна, такие и правозащитники. Будь я проклят, и поскорее бы мне сдохнуть, так что не трать ты на меня усилия и время, не стою я этого... Если уж релиз Комитета в таком составе (включая Буковского и Горбаневскую) о Жирике и Митрохине, как ты пишешь, не вызвал резонанса, то что тут вообще, в этой стране, способно его вызвать, у этих Давидисов и Митрохиных, из которых тут состоит лучшая, наиболее активная и сознательная часть „гражданского вещества“! Ах да, Шехтманы еще присутствуют. Нет, бесполезно все, поверь мне, какая там к черту гражданская самоорганизация, какое влияние на политику, о чем ты? Бездна эта страна, абсолютно, тотально, окончательно и бесповоротно безнадежна, и можно только отречься тотально и проклясть всё, что в ней есть, начиная с самого лучшего и порядочного... Чтобы понять эту простую истину, мне понадобилось просидеть год от 2-го срока, но теперь уж я ее усвоил твердо... Ничего не получается – и ничего не получится, это уже ясно, и я просто постараюсь все-таки собрать всю свою волю в кулак – и сократить себе срок заключения САМОСТОЯТЕЛЬНО. По принципу „помоги себе сам“, потому что больше никто – ни в России, ни вне ее – помочь мне все равно не может.

Ладно, короче, не знаю даже, что еще тебе написать. Все абсолютно бессмысленно, жизнь пуста... Да и разве это жизнь? Будь оно все проклято, скорее бы уж мне сдохнуть!..

Извини за эмоции, но не могу по-другому выразить свои чувства. Не знаю, бывало ли у тебя когда-нибудь ощущение бессмысленности всего и вся до такой степени...

Жду от тебя писем. М. б., и правда увидимся на днях – всего на миг...

Счастливо! Твой Борис Стомахин, политзаключенный.

15.11.13, СИЗО „Медведково“, Москва

ВИКТОРУ КОРБУ [21.3.2014]

Привет, Виктор! Я, конечно, понимаю, что после убийства сайта тебе было уже не до писем ко мне, но ты вот уже и к тому моменту не писал месяца полтора...

Знаю, ты писал, что тебе все надоели дилетантскими советами, но все равно – как видим, выяснилось, что в России ни с кем нельзя иметь дело, даже если деньги платишь и сотрудничаешь годами. Потому-то я, если доживу до воли, просто вынужден буду отсюда свалить. Чтобы соседи и провайдеры на меня не стучали раз за разом... Очень надеюсь, конечно, что сайт тебе удастся восстановить, желаю в этом деле всяческих успехов.

У меня новости тоже мрачные, ты, наверное, уже знаешь. 19 марта приходил ко мне следователь из ФСБ, сообщил, что они готовятся возбудить еще одно дело по поводу меня. По доносу депутата ГД [Государственной думы] Сидякина, еще в январе, по рассылкам эта информация, как я знаю, тогда же проходила. Имей в виду, что тебя, как и всех, с кем я переписываюсь из тюрьмы, могут допрашивать как свидетелей (Сергея Крюкова о чем-то на днях именно ФСБ пыталась допросить, но он не пошел). Дело, как я понял, по 205.2 ч. 1, это еще 5 лет, так что в сумме все равно получают те же 10, даже, м. б., и больше; и только 1 год и четыре месяца у меня пока что отсижены по этому сроку. Вот такие вот грустные дела. Накладывается это и на внешние новости, тоже очень мрачные. Потрясающая, феерическая новость была за эти 3 месяца только одна: украинская

революция; но москали, как видим, под эту сурдинку тотчас захапали Крым, осуществили свои планы еще времен Лужкова. Впрочем, еще не факт, конечно, что Крым таки достанется им; так что всякие антиимперские проекты становятся очень актуальны. Если там, где это высказывает ВО „Свобода“, можно им ответить, напиши им ты, pls, что я крайне заинтересован в этом проекте в любом качестве (особенно если там предусмотрено индивидуальное участие), а также хотел вступить и в саму „Свободу“. Если у тебя есть какой-нибудь выход на Яроша или еще кого-нибудь из „Правого сектора“, то и им очень прошу передать мое аналогичное пожелание – вступление в „Правый сектор“ в любом качестве и форме. Вообще, кого-нибудь из украинских акти-вистов, участников Революции, ты в Сети знаешь? Всем, кому знаешь, передай, pls, мою горячую солидарность с их революцией и мое требование изыскать силы и ресурсы, дабы решительнейшим образом вернуть Крым Украине, выбить оттуда москалей-оккупантов. Также, если тебя не затрудним, прошу тебя набить и закинуть в обе рассылки пару моих строф на эту же тему (2 строфы по 4 строчки, отдельно).

На референдуме решили
Все свињи возвратиться в хлев.
Ермолки на себя надев,
Они Крым „воссоединили“.

Увы, не остров Крым, а жаль.
Аннексия – их выбор свежий...
Наточен нож. Проста мораль:
Свиней ведь все равно зарежут.

Внизу поставь, pls, дату: 17.3.2014

Да, еще на антиимперскую тему: я читал проект антиимперского манифеста (или как он точно назывался?), написанный, как мне сказали, тобой. Конечно, по сути я бы его поддержал, но вот по форме... Как-то у тебя все получается

этаким казенным языком писать, даже письма мне иногда? К тому же все-таки не очень там понятно, против кого этот посыл у тебя направлен. Если на то пошло – советовал бы я взять тот текст на ту же тему, который я написал еще в 2011 г. и который, насколько я знаю, все еще висит на Antiempire.marsho.net.

А что там за дискуссия наша с Павлом у тебя опубликована? Можно ли ее сейчас где-то увидеть? Или, м. б., ты ее просто Майсуряну перешлешь, а он мне распечатает? Что же касается дискуссии с Каретниковой, то дискуссия не состоялась, т. к. на мое первое письмо к ней она не ответила, вот и все.

Кстати, я слышал, что мне оформили подписку на „The New Times“, – не знаю, кто именно, но за счет собранных в интернете денег. Просто так, для справки, сообщаю, что журнала нет, глухо, тотально нет – и все. Вышло уже 2 номера в марте – 3-го и 17-го, – ни одного так и не принесли.

В общем, такие вот дела. Всякая имперская мразь торжествует по всей линии, захватывает украинские земли, прет напролом, – а я сижу в тюрьге и не могу не только как-то повлиять на эти процессы, но даже и мнение мое вслух высказать не могу...

Даже не знаю, что еще написать. Скоро впаяют мне срок, и буду я сидеть, не в состоянии повлиять вообще ни на что. Жаль, очень жаль, что все так вышло. Еще в том году я тебе писал, что никакой офлайновой кампании по мне нет, есть только некоторая активность в интернете. Теперь же, после убийства твоего сайта, похоже, и интернетовской кампании уже нет. Грустно, все очень грустно. Запад обсуждает ничтожные, бессмысленные визовые санкции против российских чиновников, причем в этот список не посмели, разумеется, включить Путина; а на серьезные экономические санкции они, боюсь, так и не решатся. Что делать с этим Мордором – неизвестно. На мой взгляд, его уже давно надо бомбить, как бомбили Сербию или Ливию, давно этот вариант местной мразью заслужен. Но – что мы все можем сделать, не обладая никакими рычагами влияния на мировые политические процессы? Как ты думаешь?

В общем, такие вот дела. Что-то слышал я, что возникала идея в рассылке сделать сборник по моему нынешнему делу. Так ли

это? Если да, то я очень прошу со мной согласовывать и его состав, и даже дизайн и внешнее оформление. В тот раз, например, можно было на обложке кучу сайтов и газет прорекламировать, однако сделано это почему-то не было... Вообще, хорошо бы, конечно, писал ты почаще и рассказывал поподробнее, что там и как у вас делается. Не так уж долго нам осталось по эл. почте общаться, летом уже, ну в крайнем случае осенью уже увезут меня отсюда; по слухам, для „экстремистов“ и „террористов“ решено-таки сделать отдельное содержание – в тюрьме, под крышей, и место уже известно – г. Енисейск Красноярского края...

Ладно, пока это все. Пиши, не пропадай больше! Счастливо!

Твой Борис Стомахин, политзаключенный

21.3.14, СИЗО „Медведково“, Москва

Р. С. И – брось ты, не смехи, какие там миллионы сторонников свободы в России!.. Ты просто, видать, вблизи эту мразь не видел... Для них „свобода“ – это гей-парады разгонять...

ПАВЛУ ЛЮЗАКОВУ [19.12.13]

...

Украина – недавняя колония, еще не вполне освободившаяся и стремящаяся освободиться окончательно. Россия – империя (по отношению к Украине – метрополия), главной общенациональной (включая и т. н. „оппозицию“) идеей которой является сохранение уже исторически обреченной империи. Украинцы – изначальные, природные европейцы, стремящиеся всего лишь вернуться домой из многовекового московского рабства. Русские (москальи) – дикари, варвары, орки, абсолютные враги Европы и европейских свобод и человеческого достоинства, поработители и угнетатели (не только украинцев, но и еще много кого), в отношении которых на 100% действует правило: „Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы“. Украина – тяжело пострадавшая от 350 лет москальского, а из них особенно – от 73 лет советского рабства, но все же в

первооснове своей – здоровая, нормальная страна, которую, если приложить все силы, еще можно спасти, вытащить из этой вековой ямы, отобрать у московских реваншистов и их внутренних агентов окончательно и бесповоротно. (Основное средство для этого, скажу мимоходом, – украинский язык; то же относится и к Беларуси). Россия же – преступное, за гранью добра и зла находящееся, давно уже мертвое и совершенно безнадежное государство, абсолютно не поддающееся никаким реформам, не то, которое (как Украину), надо спасать, – а наоборот, от которого надо спасать (в том числе и Украину). Понимаешь разницу? Для меня она абсолютно принципиальна, как разница между древним киевлянином – и лесным диким угро-финном из племени мурома, живущим где-нибудь на (нынешней) Владимирщине, от коих потом и пошли современные „русские“ (москальи). Так что, на мой взгляд, Украину и РФ нельзя не то что сравнивать, а вообще рядом ставить.

В Украине Майдан представляет большинство нации (хотя и на митинги за Януковича кого-то же собирают, с Востока в основном). Они выступают за понятное, ясное и светлое: ассоциацию в ЕС, возвращение в Европу, на свою исконную родину.

Чего хотят те, кто собирается митинговать в Москве и именуется себя „оппозицией“? Вот именно того, за что и был погром в Бирюлеве: выселения мигрантов, погромов против них, введения виз со странами Средней Азии. Достаточно вспомнить всю эпопею Болотной, начиная с конца 2011 года, и потом – эпопею с „КС оппозиции“. Сперва „либералы“ типа Немцовых-Рыжковых-Каретниковых под предлогом „общего требования честных выборов“ проводят общие митинги с нацистами, требующими этнических чисток не только кавказцев и азиатов, но и евреев, и с коммунистами, требующими восстановления сталинизма, расстрелов, национализации (как минимум – „отмены результатов приватизации“), „все отнять и поделить“ и т. д. Я помню, ты в 2012 г. в рассылке писал, что эти лозунги красных якобы уже настолько маргинальны, что никакой заметной поддержки в стране не имеют, – так вот, по-моему, ты был слишком оптимистичен на сей счет, явно выдавая желаемое

за действительное. Так вот: дальше, поскольку идеология нацистов и коммунистов в стране явно популярнее идей даже таких „либералов“, как Каретникова, – то последние, со всеми их деньгами, связями и медиаресурсами, становятся фактически подстилкой для первых и вторых. (Причем некоторые, типа Лимонова, не стесняются открыто и с радостью об этом говорить.) То бишь Немцовы, Пархоменки и пр. уже де-факто организуют огромные митинги уже скорее для Тороров, Беловых, Крыловых и Удальцовых, нежели для себя. (На мой взгляд, с начала 2012 г. уже было именно так.) Появляется компромиссная фигура Навального – компромиссная между наци и комми, потому что в нем есть и то, и другое; при этом его рьяно поддерживают „либералы“, включая таких матерых, как Альбац и наша дорогая Лерочка Н., – поддерживают, видимо, просто для того, чтобы не отстать от мейнстрима, не оказаться опять в этой коммунофашистской стране в полной политической изоляции, а не потому, что им с их идеологией там есть что поддерживать (идею „честных выборов“ для себя поддерживает ведь и Лимонов – открыто заявляя, что „выборы, на которых победим мы, станут последними“). И, наконец, как финал, – под этого самого Навального создается „КС оппозиции“ [Координационный совет оппозиции], который уже вскоре начинает не только от имени своей нацистской „курии“, но и от всего КС, то есть, от его „либерального“ большинства тоже, принимать заявления с требованием ввести визы со странами Средней Азии!..

То бишь в Украине с ее европейской идентичностью и целями возврата домой – все нормально. А вот тут, у нас, – если любая „оппозиция“ соберется на любой „майдан“ с требованиями даже и вступления в ЕС, – все равно это будет именно „евробирюлево“ и ничего более! Все равно будут требовать выселить всех мигрантов (в т. ч. граждан РФ – кавказцев), запретить все меньшинства и их „пропаганду“ (геев и пр.), запретить вообще все, что только можно, ввести самое кондовое православие, в т. ч. в школах и детских садах, и т. д. и т. п. Будут, естественно, требовать того, на что есть огромный, многомиллионный запрос населения, что им диктует давящее на них „общественное“

(стадное) мнение. Если уж Надеждин, кандидат от СПС [Союз правых сил] на „выборах“ еще в 2007-м, по ТВ публично заявлял, что, мол, увеличение пенсий и зарплат – это вполне себе либеральный лозунг, а Немцов на „Марше миллионов“ в 2012-м с трибуны требовал заморозить тарифы на ЖКХ [жилищно-коммунальное хозяйство]!.. (За что его потом в инете чехвостила Лерочка – и правильно делала.) Понимаешь, что тут происходит и как это сильно отличается от украинских майданных раскладов? И не зря я столько раз уже писал, что нам, кто эту идеологию и это давление стада не приемлет, надо стать новым диссидентским движением, отделиться, обособиться и решительно противопоставить себя не только правящей путинщине и миллионам безмозглого быдла, но и этой коммуно-нацистско-имперской „оппозиции“, пляшущей под дудку и тех, и других. На твое участие в этом процессе я тоже рассчитываю, но ты, увы, ни разу эту идею даже не прокомментировал...

Так что – да, по поводу России времен последнего подъема (2011–2012) я чисто теоретически критиковал методы этой гнилой „оппозиции“, ее жалкие митинги в ментовских загончиках со входом через „рамки“ и шмон – и чисто теоретически писал о том, какие методы вместо этих могли бы на самом деле помочь „оппозиции“ добиться декларируемых ею целей. Меня теперь за эти тексты „судят“. Но – я четко вижу (провал этого подъема 2011–2012 гг. только еще более укрепил меня в данном мнении), что тут вообще ВСЁ абсолютно безнадежно, что какая бы „оппозиция“ и какими бы методами ни захватила власть – общий курс страны не изменится, уже очень скоро (если не сразу, то через год-два уже) все придет опять к тому же самому, только вместо Путина будет Навальный, или кто там... То бишь – вывод состоит в том, что эту страну никому никогда еще не удалось реформировать, сделать нормальной – и не удастся, нечего и пытаться, это абсолютно безнадежное; этот смердящий и распространяющий чуму труп надо просто поскорее закопать (а не гальванизировать), пока он не заразил весь мир... Тогда как Украина – нормальная страна, отнюдь не безнадежная, за нее

еще очень даже имеет смысл поборотся, спасая ее как раз от этого нашего Мордора...

Вот как-то так. Надеюсь, доходчиво объяснил свою позицию? В свете сказанного – вопрос о насильственных/ненасильственных методах второстепенен, т. к. есть глобальные расхождения в целях. Так что когда в конце письма про Майдан ты мне пишешь: „Но... людям нужна и свобода“, – ты уточняй, каких именно людей ты имеешь в виду. Украинцам – да, безусловно, нужна. Москалям же – не только не нужна, но они свою свободу – и свою, и чужую – ненавидят. Общий тон всех их телеканалов и СМИ по поводу нынешнего Майдана (тон откровенно лживый и глумливый, когда в „имперском“ и „колониальном“ поведении смеют обвинять ЕС – и кто же?! Правнуки организаторов Голодомора!..) – еще одно тому подтверждение. „Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы“!..

Вот такие дела. Это мое письмо, как дойдет, я бы тоже просил тебя опубликовать, – м. б., даже вместе с изначальным твоим, чтобы ясен был смысл дискуссии. Ну и – приходи еще на „суд“, если будешь в Москве, всегда чрезвычайно рад тебя видеть.

6 лет и 5 месяцев мне еще осталось. Можно пережить, я не спорю, но уж больно некомфортная тут обстановка, больно гнусные и наглые рожи вокруг – и я от них завишу в самых простых бытовых вещах (еда, сон и т. п.), без которых не обойтись. Вот что меня тут угнетает больше всего.

Счастливо. И с наступающим Новым годом!

Твой Борис Стомахин, политзаключенный.

19.12.13, СИЗО „Медведково“, Москва

ВЕРЕ ЛАВРЕШИНОЙ [1.3.2014]

Здравствуйте, Вера!

Видимо, люди, которые приходят ко мне на „суд“, – это и есть лучшие люди этой несчастной, безумной страны... Да, лучшие люди. Вас я помню с 2011 г., как освободился, и в основном

потому, что с Вами дружили Таня и Надя, которых знал я заочно тем еще сроком и – честно скажу – в некотором смысле считал как бы своими ученицами, последовательницами.

Я очень жалею, если честно, что не пришлось мне за те 20 месяцев, проведенных на воле, поучаствовать в отчаянных акциях вашей группы, в лежании на Красной площади и т. п. В основном не участвовал по причинам медицинским – я из-за проблем с позвоночником и стоять-то больше нескольких минут не мог толком... Да и сейчас не могу... Жаль, конечно, я быстро понял, что именно эта ваша группа, да еще усиленная Надей и Таней, – пожалуй, единственные живые люди в этой мертвой стране – до „болотной эпопеи“, а уж особенно после, когда все заглохло в 2012-м...

Да, Вы правы, наверное, главное – как-то сохранить себя, умудриться выжить во всем этом, чтобы в какой-то момент начать действовать...

Помню, чем закончился к середине 2012-го мощный всплеск Болотной. В целом все развитие этого мощного общественного подъема пошло по той линии, чтобы под соусом „честных выборов“ и демократии протолкнуть наверх русских нацистов и (в первую очередь) коммунистов, чьи флаги на Болотной и Сахарова ясно, четко и зримо доминировали по численности, – а самим стать у них подстилкой... Для меня это было неприемлемо, не говоря уж, что лозунг „честных выборов“ (и дружба ради этого с комми и наци) предполагал вовсе не стремление к разрушению Системы, а наоборот – стремление к захвату ее рычагов, что автоматически подразумевало ее сохранение – без Путина лично, но со всем ее „антиэкстремизмом“ и прочими прелестями. Для „оппозиции“, рвущейся к рычагам власти, те, кто предлагает сломать насовсем эти рычаги, есть враги ничуть не меньшие, чем для путинцев, находящихся УЖЕ у власти. Наглядным свидетельством и выражением противоречия этих двух стратегий оппозиции может служить хотя бы мое изгнание из списка кандидатов в „КС оппозиции“ осенью 2012 года...

Те, кто хочет убрать лично Путина, но сохранить Систему, – то есть все эти Яшины, Навальные и Немцовы – больше 15 суток

здесь пока не получают, как-то выживают и даже неплохо себя чувствуют. А вот радикальные антисистемщики – здесь нынче уже не только „экстремисты“, но и террористы, как Ваш покорный слуга. Система, восстановив свою прежнюю мощь и внутреннюю слаженность, работает четко, как часы: автоматически сносит головы непокорным.

В общем-то, ситуация знакомая, предшественников у нас на этом пути было много, взять хоть Герцена, хоть Новодворскую в начале 80-х... Но урок, вынесенный из всего пережитого, я считаю, должен быть твердо усвоен: эта страна абсолютно безнадежна. Спасать надо не ее, а ОТ нее – всех, кого еще можно спасти. Писать кому-то что-то в листовках о ее реформировании, либерализации, вестернизации и т. д. – бессмысленно, как бессмысленно проповедовать волкам вегетарианство. Нужно ставить вопрос не о реформировании Мордора в западную демократию, ибо это бесперспективно, провал такого рода грандиознейшей попытки 1987–2000 гг. это доказал, – а о его полной, тотальной ликвидации. А с такой повесткой работать внутри – в метрополии – пожалуй что бессмысленно. В колониях, для их освобождения – да, а в метрополии какой смысл? Я вот пробовал, второй срок сижу за это, а успехов никаких.

Между сроками я делал все, что можно делать в одиночку, но результаты более чем скромны – в одиночку много не навоюешь... Для меня это – дело жизни, самое главное, и потому-то я так колочусь, даже из тюрьмы письмами пытаюсь сподвигнуть на эту священную войну других, близких тоже к этому делу, и потому-то я смотрю с таким обожанием по гнусному и лживому быдло-ТВ в тюрьме картинки с Майдана: хоть где-то этим нашим мразям накостыляли, хоть Украина да уплыла, очень надеюсь, теперь окончательно из их лап. Хотя, конечно, об окончательности говорить нельзя, пока Мордор не развалился и не сдох...

...Увы, горсточка отчаянных, свободолюбивых людей все равно ничего не может в этой стране изменить, не может одолеть эту чудовищную, непроторную толщу... Поэтому лозунг „Россия будет свободной“ я не люблю и не разделяю – не будет, уже пробовали, это самообман, выдача желаемого за действительное.

Последняя из восемнадцати попыток вестернизации России, ельцинская, самая грандиозная и масштабная, провалилась у нас на глазах. Надо осознанно поставить себе целью закопать этот Мордор окончательно и навсегда, зарыть смердящий и разлагающийся, грозящий миру эпидемией труп в землю, а не пытаться гальванизировать его. Честно говоря, по этой же причине не люблю я и песню „Я свободен, я забыл, что значит страх“ – именно потому, что это тоже выдача желаемого за действительное. Я гораздо больше люблю песню Летова из „Гражданской обороны“: „Мы – лед под ногами майора“. Помоему, быть льдом под их ногами – это как раз то, к чему мы должны стремиться, а не орать о том, что мы свободны, стоя на коленях и пройдя перед каждым митингом и шествием шмон на „рамках“. Попробовал бы кто в Киеве перегородить вход на Майдан рамками и шмонать всех идущих, требовать открыть сумки, вынуть все из карманов и т. д.!

В общем, такие дела, дорогая Вера... За плакат Ваш спасибо, который Вы разворачивали в „суде“.

Всего Вам самого-самого наилучшего! Счастливо!

Ваш Борис Стомахин, политзаключенный.

1.3.2014, Москва, СИЗО „Медведь“

ВЕРЕ ЛАВРЕШИНОЙ [12.6.2014]

Здравствуйте, дорогая Вера!

Какая это для меня радость, какая отдушина во всем этом окружающем кошмаре – Ваши письма и вообще наша с Вами переписка! Как я рад, что Вы есть, что мы познакомились с Вами, хотя и при довольно мрачных обстоятельствах, что я могу Вам откровенно написать все, что я думаю и что у меня на душе...

Хотел начать с благодарности за вашу с Леной и другими акцию на Лубянке 30-го, с которой даже видел одну фотку. Огромное вам спасибо за поддержку! Жаль, конечно, что Вы не рассказали поподробнее, как там было и что – где именно вы сидели на

Лубянке, сколько времени продержались, и в какую именно гэбэшную приемную вас возили – на Малой Лубянке или где? И почему ОВД „Китай-город“, к которому Лубянка относится, куда и меня с нее забирали и в 2001-м, и в 2004-м, вас не принял, тоже интересно. Но в любом случае Вам огромное спасибо, для меня как бальзам на рану Ваше письмо и Ваш рассказ об этом мероприятии.

Ну, а мои последние новости Вы, конечно, уже знаете. Ваше письмо как раз и принесли 10-го, когда был вечером, около пяти, шмон тут у меня, забрали тетради со стихами и блокнот со всеми адресами, телефонами, хронологией, заметками о „суде“ и много чем еще, – год и три месяца я его вел, я как без рук без этого блокнота, а на следующий день я узнал, что тем же днем, в двенадцать, и к матери приходили фээсбэшники, устроили шмон, забрали очень важные для меня бумаги, плюс нетбук, который не нашел предыдущий шмон в 12-м году (да плюс это еще подарок был). Вот такие дела.

Узнав про обыск дома, я как-то перестал горевать о своем блокноте – то, что забрали дома, было для меня неизмеримо важнее. Вы, думаю, понимаете, что для творческого человека нет ничего горше, чем потеря плодов его творчества, итогов всей работы за долгие годы, работы далеко не законченной, но после такого едва ли есть смысл ее продолжать... не говоря уж о том, что такое их усердие – обыск на квартире, где я не живу уже больше полутора лет, – говорит о том, что они четко и ясно намерены намотать мне еще срок, что тоже крайне неприятно, да еще и режим могут дать особый, так как строгий у меня уже есть.

На особом режиме, может быть, будет чуть попроще с уголовниками (хотя не факт), но совсем трудно с питанием, теплыми вещами и прочим бытом, ибо свиданок и передач там совсем мало – дважды в год, кажется. Если б не это, не переживал бы я особо, зная, что есть Вы, Лена, Гена С. и другие мужественные люди, которые меня не забывают и признают мою правоту по поводу того, что мирным, ненасильственным путем тут изменить ничего нельзя. Я очень рад, если мне удалось, как Вы пишете, излечить Вас от излишнего прекраснодушия и пацифизма. Вы,

значит, и есть то разумное, способное воспринимать логические аргументы меньшинство, для которого я все это писал больше десяти лет.

Да, ненасилие советских диссидентов давно и полностью исчерпало себя, – собственно, эта концепция, придуманная Есениным-Вольпиным в начале шестидесятых, рухнула еще в 2002-м, в день принятия „закона о противодействии экстремизму“. Как только законы начали становиться откровенно репрессивными, законничество и основанное на нем ненасилие потеряло смысл. Я понимал бессмысленность ненасильственных методов всегда, и 10 лет назад, и 15... но теперь процесс зашел настолько далеко, что ни о каком ненасилии и законничестве, конечно же, не может быть и речи.

Нужны методы даже не Майдана – это ведь тоже поначалу была уличная акция с требованиями к властям, – а методы РАФ или БО ПСР. Но, увы, гораздо позже понял я, и это стало для меня крайне неприятным открытием, что здесь на это нечего рассчитывать, страна абсолютно мертвая. Точнее – из „пационарных“ элементов здесь есть некоторое число скинхедов, предпочитающих убивать не ментов, а таджиков, да всякая „патриотическая“ шваль, которая едет сейчас воевать против украинцев в Славянск, и до этого ехала в Приднестровье, Югославию и т. д., тоже воевать за православие, имперство, „русский мир“ и т. п. фашизм. Либеральную армию, готовую воевать с ментами/чекистами/прокурорами за СВОБОДУ, у нас категорически не из кого сделать, только против свободы, и то не так много. Потому-то и нет перспективы, и неизвестно, что вообще делать – что делать горсточке приличных, преданных СВОБОДЕ людей, рассеянных среди миллионов подонков, быдла, чело-векообразной слизи.

Эта слизь, эта рабская биомасса показала свое личико во всей красе еще раз, вот только что – в связи с украинской Революцией. Почему так боятся все диктаторы революций даже не у себя, а в соседней стране, почему всегда, веками организуют против нее всякие „священные союзы“, шлют танки Варшавского договора и т. п.? Потому что революция имеет свойство пробуждать, за-

ражать своей энергией, революционизировать соседние народы, и это таит смертельную угрозу для диктатур и империй. И вот – украинский народ показал всему миру потрясающей силы пример, как надо ставить на колени власть, ментов, чиновников, не позволять им устанавливать диктатуру, глумиться над народом, продавать свою страну опять в колониальное рабство. Народ вышел, боролся на баррикадах, брал в руки оружие, стрелял в своих врагов – и победил, диктатура пала! И что же? Что же москали в соседней фашистско-чекистской империи? Воспряли ли они духом, революционизировались ли, усвоили ли себе урок соседей о том, как можно – и нужно – свергать наглуго диктаторскую власть, отбирающую у людей все права? О нет, ничего подобного!!

Как я слышал даже в тюрьме, в России поднялась целая громадная волна оголтелого реваншизма и великодержавного шовинизма, ненависти к украинской Революции и украинской Свободе и к самой Украине, что она посмела эту свободу предпочесть возвращению в привычное имперское стойло под вывеской какого-нибудь „ЕврАзЭС“ или „Таежного союза“. Это население повело себя не как нормальный (не говорю уж – европейский) народ, а как рабское быдло, в точности как их описывал Нестеренко в „Исходе“, – ненавидят чужую свободу, потому что еще больше ненавидят свою, и готовы страдать, только бы украинцы страдали под этим путинским сапогом еще дольше, не смели бы думать даже о свободе... Вот в таком окружении мы с Вами, дорогая Вера, живем, и вот потому-то безнадежна Россия, и вот потому-то кончена и бессмысленна, и абсолютно никчемна вся моя жизнь... Все бессмысленно, и никакими листовками народу ничего не объяснить, да и читать их никто не станет.

Да, я думаю, что радикальным диссидентам, полностью отрицающим эту реальность – от власти кагэбэшника в принципе и до аннексии Крыма, – стоило бы как-то обособиться от лжеопозиции и структурироваться, м. б., им стоило бы, используя единомышленников за границей, создать и попытаться раскрутить большой, масштаба „Граней“, сайт, который бы дал им

трибуну и освещал бы происходящее в России именно с этих позиций (закопать смердящий и разлагающийся труп поскорее, а не пытаться его гальванизировать). Но – увы, я уверен, что ничего этого в обозримом будущем не произойдет, – приличных людей не слишком много, свободой своей из них готовы рисковать далеко не все...

Я готов был бы во всем этом участвовать и организовывать сам, если бы был на воле, я даже из тюрьмы готов помогать всем, чем могу, и под любыми документами, под которыми собираются подписи, прошу мою ставить обязательно. Но все же – боюсь, что ничего так и не будет, а если будет – то опять все будет так же отвратительно, как было в „болотную“ эпопею, когда вождями массовых протестов стали не люди, прошедшие лагеря (будь то не то что я, а допустим, братья Подрабинеки, старшему из которых даже выступить там не дали), а ничтожества и коллаборанты типа Не., На., Ры., Яш., По. Ильи, обоих Гу. и пр., и пр., что и предопределило жалкий, фарсовый характер всех этих митингов в оцепленных ментами резервациях, куда вход только через шмон, и позорное схождение этой массовой волны протеста на нет, т. к. народ не может и не будет ходить на митинги, как на работу, по выражению Навального, когда они не дают ни малейших результатов.

Очень хорошо, что Вас печатают на „Гранях“ без купюр. Вообще и Ваши тексты, и фотки с Лубянки мне очень интересны – если не можете прислать сами, накидайте ссылок, чтобы мне передали.

Спросите, пожалуйста, Юлию Березовскую, хотя бы теперь, если я доживу до конца этого срока, она готова меня печатать самого на „Гранях“? Письма мои к Вам печатает, что ж, уже хорошо.

В 2011-2012 гг. я пару раз пытался послать им тексты, вполне умеренные и не подставляющие их, – они поместить их и не подумали даже. М. б., хоть теперь отношение ко мне изменится. Надя и Таня говорили мне, что блоги на „Гранях“ они не заводили, им завела сама администрация сайта. И – не знаете ли Вы еще каких-нибудь СМИ, где меня хотя бы после освобождения готовы были бы печатать?

Жаль, что так глупо все вышло, что так нелепо сложилась жизнь... В Украине революция – а я в тюрьме, вместо того чтобы поехать в Киев. Пишешь-пишешь, стараешься, вкладываешь силы и душу, а у тебя забирают твою работу. И ей-богу, только за то, что они сделали со мной, вот уже второй раз тем паче, я своими руками, лично перестрелял бы их всех, сколько бы их там ни было, хоть миллионы!!! Ни о какой жалости и пощаде, ни о каком ненасилии речи больше быть не может. „Нет больше в этой войне запрещенных приемов!“

Кстати, читали ли Вы „Цитатник резистанта“ на моем сайте „Спротивление“? Там, в архиве за 2005–2006 гг., под заголовком „Герой Ичкерии Шамиль Басаев – самый успешный правозащитник современности“ (так как-то он назывался) мы с Михилевичем объявили, что этим документом открываем новую эру правозащиты, а самый эффективный инструмент правозащитника отныне – это шестизарядный гранатомет. Так оно на самом деле и есть в смысле эффективности, и позиций этого документа я придерживаюсь целиком и по сей день.

Сдаваться я не собираюсь, в смысле продолжения борьбы даже из лагеря, но тошно смотреть на эту нашу „оппозицию“, на этих Навальных и пр. шваль, которой приписывают то, что реально думаю я, но от чего очень далеки они, – и все это на фоне украинской Революции. Хорошо, что Вы поняли то, что я хотел донести до людей, но такие люди очень редки.

Надо, наверное, выбрать себе какой-то слоган, символ, по которому сразу бы опознавали нас как абсолютных и непримиримых врагов этого государства. Может быть, в этом качестве подойдет лозунг: „Крим – це Україна!“ , как думаете? То есть лозунг возврата Крыма как опознавательный знак для своих. Или, может быть, там, на воле, придумаете что-то лучше?

А когда Вы, кстати, наткнулись на эти мои цитаты, от которых все шарахаются, не помните? Сидел я еще или был уже на воле? Не помните, мы с Вами виделись летом 2012 г. (уж не 12-го ли июня?) в Сахаровском центре, в выставочном зале, где, по-моему, Браиловский как раз проводил какое-то обсуждение своей идеи об Учредительном собрании? Я там сидел в самом конце зала,

видел Вас, помню, в перерыве в зале, но почему-то мы тогда не познакомились и не пообщались, а после перерыва я ушел оттуда.

Да, кстати, Вы правы насчет тех моих цитат, да и я несколько раз уже писал: пробить оборону, выстроенную этой Системой, могут только смертники. Кавказ демонстрирует нам в этом уже более 10 лет великолепный пример. Да только нам-то где их взять, смертников? М. б., поставить во весь рост этот вопрос перед интеллигенцией и оппозицией? Был бы сейчас на воле – ей-богу, записался бы первым!.. „Ненависть придает сил“, – написала мне тут Лена М. после знакомства с моим дневником за тот срок. Так оно и есть, и вот уже второй срок живу я тут только одной ненавистью, больше ничем. Сами понимаете, какое – после позавчерашнего обыска у моей матери – у меня желание по отношению к ним всем, в погонах и без погон, – возникает с новой силой.

Что ж, дорогая Вера, это, наверное, пока все. Пишите, очень жду Ваших писем. Всего Вам самого наилучшего.

Смерть империи!

Слава Україні!

Ваш Борис Стомахин, политзаключенный

12.06.14, СИЗО „Медведково“, Москва

P. S. А листовок этих, что вы на Лубянке раздавали, у вас не осталось? Может быть, вложите в письмо в следующий раз? И фото мое, которое Вы в „суде“ сделали, тоже мне интересно было бы увидеть.

ВЕРЕ ЛАВРЕШИНОЙ [28.8.2014]

Здравствуйте, дорогая Вера!

Наконец-то собрался написать Вам письмецо, причем очень надеюсь, что застанет оно Вас дома, а не на Симферопольском. Прошу также прощения за то, что не смог ответить на последнее Ваше письмо, электронное, полученное еще в Москве 5 августа, за несколько буквально часов до того, как меня увезли... Надо было

тогда срочно собираться, да и мысли разбегались в разные стороны, очень я нервничал в связи с предстоящим этапом. Так что тогда я ответил кратенько только Л. М., попросил ее извиниться перед всеми, кому ответить я уже не успеваю.

И вот, Вы уже знаете, привезли меня в Пермь. Этап описывать не буду, он был очень долгий и тяжелый, сперва три дня в Кирове, потом 9 – в Перми, в транзите на 29-й зоне, сейчас вот две недели карантина (из которых одна только прошла). Самая большая потеря – на 29-й забрали все мои лекарства, до последней таблеточки – мол, раз нет на них справки от врача, то не положено, а справки эти они, по идее, здесь же, на 29-й, сами и выписывают, но мне, тем не менее, выписать что-либо отказались наотрез. Так что валялся я там с температурой, бронхитом, тахикардией, головными болями сильнейшими – и уж с тем, что есть в местной санчасти. А нету там почти ничего. И здесь уже, на 10-й, та же история: башка болит каждый день, кашляю почти две недели – и ни одной таблетки. Не для для эков существует эта санчасть, а для нужд администрации.

Sorry, что грузю Вас всеми этими неаппетитными подробностями, но в прошлых письмах, если помните, говоря о гипотетическом конце срока и планах на будущее, всегда я добавлял: “если“, в смысле „если до конца срока доживу“. Вот и подтверждение тому, что эту оговорку делаю я не зря...

В Перми на пересылку эту приходили ко мне еще всякие опера фсиновские, эмвэдэшный один (все пермские), один молодой фээсбэшник. Этот все меня фотографировал – мол, ему надо дело на меня завести. Пугали, что сидеть буду под контролем, под присмотром, не просто так; заодно пытались „познакомиться“, влезть в душу, выведать, что я думаю об их государстве, об их политике вообще и т. д., очень интересовались, думаю ли я на зоне соблюдать режим. В общем, пытались запугать, надавить психологически, но как-то это у них получалось мелко, скучно и неинтересно.

Вот, значит, такие дела. Сижу я сейчас в карантине на этой пермской 10-ке; она находится в непосредственной близости от старых советских политлагерей: 35-го (где сидел Буковский), 36-

го (сейчас там музей, а в свое время там сидел Сергей Ковалев, именно там умер Стус и, по-моему, Галансков тоже) и 37-го. Так что традиции, как видим, продолжают – загоняют ПЗК опять в ту же Пермь, даже в то же самое место... Особых поводов для радости это, конечно, не дает, но хоть не в Сибирь увезли, как я ждал; все же из Москвы эта станция Всесвятская относительно достижима.

Сию я здесь совсем без информации, только на 29-й в Перми приезжий эмвэдэшный опер сказал мне, что, мол, в последние дни (на тот момент) Лена Маглеванная какую-то особо громкую кампанию в поддержку меня развернула в сети. Получилось, как будто привет мне от нее передал, совершенно неожиданно, и очень это было приятно. Хотя подробностей, что же именно она там обо мне пишет, не привел. Что там получилось 24-го в Москве и других местах, тоже я не знаю и очень хотел бы знать, напишите, пожалуйста, поподробнее или попросите, пусть Корб мне все напишет.

Не знаю, что будет дальше, не знаю, сколько пробуду здесь (обещали ведь для „экстремистов“ и „террористов“ сделать крытую тюрьму в г. Енисейск Красноярского края). Ситуация мрачная, конечно, – и в личном плане, и вообще. Спасибо за Ваши теплые слова о моем мужестве и стойкости в Вашем последнем письме, за пожелания держаться – вот, до зоны вроде доехал живой, еще есть какие-то перспективы на будущее (здешнее, лагерное).

А вот в более широком смысле – увы, перспектив нет никаких, и Вы целиком правы, что пяти человекам так уж прямо безвозвратно жертвовать собой нет смысла, это ничего не изменит. Вообще в принципе я всегда считал, что даже в самые темные и беспросветные времена надо стараться все же по возможности свечку держать повыше, не давать ее совсем погасить, чтобы в этом мраке был для немногих нормальных людей хоть какой-то ориентир, какая-то светлая точка, к которой можно стремиться. Это мое общее убеждение, но я не знаю точно, как это должно выглядеть сейчас, при нынешних законах.

Все равно круг тех, кому здесь это в принципе интересно, очень мал, а точнее говоря, ничтожен. Часть людей давно уже за границей, и не так уж мало, и надо, видимо, их тоже просить о помощи. Я отправлял из Москвы письмо Игорю Ш. в Берлин, благодарил за полученную его книжку... Какая-либо стратегия, мне кажется, у нас может быть только в тесной связке с ними и вообще – на внешних направлениях, с задействованием всех доступных международных институтов, т.к. внутри страны любые стратегии и любые попытки что-то изменить уже доказали свою полную бессмысленность. Вы напишите мне в этой связи, нравится ли Вам в качестве лозунга известная фраза из анекдота: „Доктор сказал: В морг! – Значит, в морг!“ до такой степени, как она нравится мне. По-моему, это единственное, что сейчас годится, ибо грань, отделяющая добро от зла, тут перейдена уже очень давно...

Так или иначе, Ваше ответное письмо, когда я его дождусь, станет для меня настоящим праздником!! Так же, как от Л. М. или от Г., если они тоже захотят мне написать. Передайте им огромный горячий привет от меня, скажите, что я не сдался, держусь из последних сил и все время их вспоминаю! И вообще всем друзьям в рассылке, на „Гранях“ и в других местах пламенный привет от меня! Дайте им адрес – и я жду от них писем!!!

Вот, наверное, и все на сегодня, дорогая Вера. Желаю Вам всего самого наилучшего! Жду письма с нетерпением!

ПБК [Путин будет казнен]!

Слава Україні!

Ваш Борис Стомахин, политзаключенный

28.08.2014, ИК-10, Пермский край

ВЕРЕ ЛАВРЕШИНОЙ [9.11.2014]

Здравствуйте, Вера!

Так и не получил я от Вас тут никаких писем – ни посланных почтой, ни привезенных сюда, а потому пишу Вам сам. Пишу, потому что, если честно, с последнего свидания, бывшего уже почти месяц назад, скучаю по Вам, по Вашей удивительной душевности и человеческому теплу, по Вашему юмору, по Вашему боевому задору, с которым Вы рассказывали мне о бывших боевых подвигах, по стойкости и несокрушимости Вашего духа.

Много еще можно перечислить... Таких людей, как Вы, посылает в трудную минуту судьба, и это – большое счастье. Да, счастье – иметь такую сестру, и может быть, стоило ради этого получить 6,5 лет...

Дела мои, если Вы о них слышали, довольно мрачны. 1 ноября меня после третьей отсидки в ШИЗО [штрафной изолятор] (10 суток) перевели-таки в СУС [строгие условия содержания] (ОСУОН, отдельный запираемый барак, очень внутри неудобный, да еще и, как выяснилось, жутко холодный, и врач туда приходит сам, и баланду приносят, и эков выпускают разве что на час гулять во двор – я, впрочем, не ходил, я не люблю эти прогулки, а вместе с уголовниками – тем паче). Продлением срока наказания, правда, СУС не грозит, но хорошего там тоже ничего нет. Из особых фирменных прелестей – шмоны могут быть там хоть каждый день (в остальном лагере – обычно раз в неделю, в четверг). Вот со шмонов-то все и началось.

Холод в этом СУСе был такой, что как-то согреться я мог только в своей спортивной куртке, что вы с матерью привезли мне в сентябре. И в ней же 2 дня подряд я выходил на шмоны, когда они были в бараке, 5 и 6 октября. Не казался мне шмон настолько уж важным мероприятием, чтобы поверх куртки робу надевать, да и лежала роба в бауле, а баул был заперт в каптерке на 2-м этаже (а мы днем сидим на 1-м), его не так-то просто еще и достать оттуда. И 5-го числа те, кто меня шмонал, слова не скажали мне про это. А вот 6-го пришел со шмон-бригадой некто Черников, начальник местной оперчасти, вот он тут же, как

увидел, прицепился: мол, где роба? Я ответил где. На обратном же пути (на шмон тоже загоняют наверх), он мне опять сказал: мол, Стомахин, наденьте куртку х/б, а то я рапорт уже на вас написал. Я ответил: давайте, давайте, мне за это еще 15 суток дадут, повод как раз подходящий. Он говорит: нет, мол, на 15 суток не тянет. Ну, думаю, десять-то суток точно получу, как в тот раз...

На следующий день с группой зэков из этого СУСа вызывают меня на „крестины“, как неофициально называют здесь зэки „дисциплинарную комиссию“ с участием всего начальства, и дают за эту самую куртку х/б... четыре месяца ПКТ (помещения камерного типа)!..

И вот сижу я в той же камере, что сидел и со статусом ШИЗО, – крохотная одиночка, 6 шагов в длину, 3 в ширину. Точно так же в 5 утра, по подъему, забирают матрас и нары, пристегивают к стене. 16 часов нельзя лечь, можно только ходить туда-сюда и сидеть на табуретке. Есть, правда, в статусе ПКТ и отличия от статуса ШИЗО в лучшую сторону: проще попасть к врачу (есть запись с утра на текущий день), ходит библиотека по воскресеньям и носит книги – аж четыре штуки я сейчас взял, можно держать при себе бумагу, ручки, конверты, получать и отправлять письма, вообще побольше вещей тут можно иметь, чем в ШИЗО, в том числе свою посуду. В камере тепло, слава богу, топят хорошо. В общем, можно вроде бы жить. Моральных сложностей вроде нехватки общения с уголовниками-сокамерниками или что „стены давят“ (на психику), как многие из них говорят, у меня нет абсолютно. Скучно тоже мне не бывает. Есть книги, есть еще учебник немецкого языка, купленный и присланный мне еще в „Медведково“ Г., – передайте ему за это еще раз мою благодарность. Словом, заняться есть чем, ура!!! В ШИЗО было тяжелее. Так что красота, а не жизнь!.. Тот срок, если вы читали мой тогдашний дневник, был мне тяжел в основном морально, этот – я уже понял – будет тяжел чисто физически.

Хоть и есть тут врач – что толку от него? Все болезни обостряются в этой камерной системе, это давно известно. По-

звоночник у меня каждый день к вечеру болит ужасно, это прямое следствие того, что нельзя весь день прилечь. С левой стороны, под ребрами, пониже сердца, тоже какие-то боли начались, довольно сильные, еще с сентября; иногда и в спину отдается эта боль. Обращался к местным эскулапам – кто говорит, что это „кишечные колики“ (так в карту и записал, хотя это чушь, конечно), другой – что поджелудочная железа (вот это скорее), но для точного диагноза нужно УЗИ [ультразвуковое исследование] как минимум, тут его нет, надо ехать на краевую лагерьную больницу в ИК-9, ехать этапом, на столыпине, с вещами, это для меня целое путешествие, этапы вообще вещь тяжелая, самая тяжелая из всей эзковской „жизни“. И я не смогу пока (да еще зимой) решиться на такую тяжкую поездку. А еще ведь надо, чтобы ОНИ согласились этапировать, одного моего желаниа мало...

Так вот и маюсь, сидя на табуретке. Другая проблема, тоже чисто физическая, материальная, – сидеть тут, в ШИЗО/ПКТ, на одной баланде, а она очень скудная. Иногда картошку, макароны или суп даже вроде бы и неплохо приготовят, есть можно. Но... на картошке, макаронах, перловке/овсянке фактически тут только и сидишь, да и их очень мало для взрослого человека. На 7-м бараке когда жил, ходил в общую столовую, там в меню так и писали: каша С КУРОЙ. Но реально – не с „курой“, а со шкурой от этой самой „куры“, да плюс с костями. А мяса-то практически нет... Унизительно это – ходить все время голодным, уже через 2 часа после обеда, через час после ужина, я Вам скажу...

Ларек (магазин) тут есть, но в ПКТ превращается в чистую фикцию. Можно то ли 1000 рублей в месяц тратить, то ли даже больше, никак не могу узнать. Но: розеток в камере нет, кипяток надо только у охраны просить, чтобы порошокую картошку или лапшу б/п, например, приготовить (тут это основа рациона, кроме баланды). Консервы купишь – а чем их открывать, зубами? Открывалку, что мать прислала бандеролью, мне тут вообще не пропустили: она, мол, из нержавеющей стали! НУ И ЧТО??!! Да даже колбасу купишь – чем резать ее (и хлеб для бутербродов тоже)? Нож же тоже здесь „не положен“! В общем, бред собачий...

А уж кофе и чай, говорят, здесь вообще официально запрещены, их в ларьке пэкатэшник и купить не может...

Вот этим – голодом и болезнями – они, получается, сейчас хотят меня взять. В том-то и особенность этой системы: она, если б и хотела, хуже бы придумать не смогла. Настолько высок здесь градус безразличия, наплевательства и абсолютно бездушного изуверства по отношению к людям, что и захочешь – хуже уже не выдумаешь...

Не возьмут они меня этим, ни болезнями, ни голодом не возьмут, это я твердо обещаю Вам и всем моим друзьям, кто меня помнит и следит за моей судьбой!! Стою твердо на прежних позициях – и буду стоять! Сломать, согнуть, подчинить меня своей воле они не смогут, пока я жив, и вот это-то последнее слово и есть цена вопроса. „Не одолеть им дух мой – только тело“, – как сказано у меня в одном стихотворении. Выживу – значит, победа за мной, за всеми нами, врагами этой Системы, хоть победа и не окончательная, увы. Нет – значит, такая судьба, что ж поделаться...

Прочел тут одно интервью Шехтмана по поводу происшедшего с ним, в том числе там был приведен и его пост в ФБ, ставший первопричиной этих проблем. Молодец Шехтман, полностью этот его пост поддерживаю, целиком; присоединяюсь и жму руку. Вообще хочу выразить солидарность с его настроем, его позицией по актуальным вопросам, видимой и из поста, и из всего интервью (там он меня упоминает – потому оно ко мне и попало), пожелать стойкости и мужества в нашей общей борьбе. Если выпустили под подписку, если только 282-я, ч.1, – может и обойтись без срока, штрафом каким-нибудь, как у Вас или в 2009 г. у Крюкова. Да, немного о письмах. 17 октября, идя как раз с Вами и матерью на свидание, я получил письмо от Петра Т. и уже 18-го отправил ему ответ.

Смотрел тут в СУСе новости. Донецк и Луганск так и не взяты... Полный позор!: Что „Правый сектор“ и „Свобода“ так и не прошли в Раду – позор не меньший... То, что пишет Ш., – что при вероятном завтрашнем нападении Путина на Германию там начнется повальное бегство, паника и измена вместо отпора, –

это совершенно чудовищно!.. Что же делать, чтобы эта чума не подмяла под себя и впрямь всю Европу?!

Вот почти что и все, что хотелось сказать. Да, тут, в ПКТ этом, уже близка грань выживания, когда может из-за болей и голода уже не хватить сил таскать ноги. Жизнь брэнна и коротка, может быть, здесь придется и окончить ее.

Что же, надеюсь, Вы и другие близкие и друзья будете меня помнить хотя бы какое-то время после смерти. А большего – увы, я за свою жизнь не смог добиться.

Да, еще хотел спросить, почему у Вас такой ник – vaverka_148? Вавёрка – это белка по-белорусски, даже строчка в одной песне есть: „Упалой ты мне злату вавёрку“. Может быть, корнями Вы из тех краев? Sorry, если вопрос дурацкий, просто интересно стало...

Вот, наверное, и все на сегодня, дорогая Вера. Спасибо Вам огромное за все, за Вашу помощь, за то, что Вы не забываете меня (и мать тоже), ездите, пишете обо мне, выходите регулярно на площадь... Огромное спасибо, и впрямь иметь таких людей рядом – это высшее счастье и утешение, посылаемое судьбой в страдании...

Боюсь, что раньше апреля теперь не свидимся, а писем Ваших – очень жду!!! Лучше шлите заказными, чтобы знать, получила их зона или нет; ну а чтобы я получил – и не ответил – такого просто не может быть. Если долго молчу – значит, не пропустили Ваше письмо ко мне или мое – к Вам.

Dum spiro spero, вспомнилось вдруг тут. Пока дышу – надеюсь...

Может быть, я доживу до конца этого срока, кто знает...

Всего самого наилучшего, Вера! Пишите!!!

ПБК!

Слава Украине!

Ваш Борис Стомахин, политзаключенный

09.11.14, ИК-10, Пермский край

ОЛЬГЕ ИСАЕВОЙ [1.4.2013]

Здравствуйте, Ольга!

Получив Ваше письмо, я сначала пришел в некоторое недоумение, т. к. вроде бы никого не знаю в Грузии. Но быстро догадался: это, должно быть, моя уважаемая френдесса, которую на воле я знал как Орлеану и ogly74. Иного, как говорится, и быть не может, все сходится! Вам, должно быть, кто-нибудь из моих друзей передал привет и пожелание получить, по возможности, весточку, да? Я очень рад и очень Вам и Вашему мужу благодарен за это маленькое письмецо. Надеюсь, оно не последнее, раз уж Вы ради меня освоили этот сервис (ФСИН-письмо)? Или Вы переписываетесь еще с кем-нибудь из российских политзэков?

Начало нынешних проблем в Грузии я застал еще на воле, и отсюда выглядело все это, надо сказать, очень мрачно. Как оно там, изнутри? Неужели все потеряно? Грузия все эти последние годы была для нас таким примером, такой гордостью!.. Я бы голосовал за Саакашвили, если бы тоже там жил, но, увы... Чего не уехал, когда еще можно было, не знаю сам... Правда, летом 2012 г., когда обратился за загранпаспортом, мне его уже не дали...

Очень хорошо, что вы общаетесь и участвуете там в протестном движении, как Вы пишете. Мне эта тема очень интересна, так что пишите поподробнее. Я помню, на последних выборах соотношение было что-то вроде 55:45, так что все за Иванишвили быть не могут, за продолжение реформ в любом случае должна быть очень значительная часть народа. По российскому-то ТВ это не показывают, одни только митинги за отставку Саакашвили, но эта лживая пропаганда может обмануть только местное быдлонаселение, больше никого...

Если Вы участвуете в протестном движении в Грузии, – м. б., их заинтересует и мое дело? Для разоблачения России и путинщины оно очень годится, – чисто политическое, скандальное и вопиющее преследование за слова и мнение в чистом виде. Если кто-то захочет осветить это дело в Грузии, высказаться в СМИ (например) в мою защиту, – можете сказать также, что я всегда

поддерживал грузинскую независимость – и в 2000-м, когда стоял у посольства в Москве с плакатом „Сегодня – Чечня, завтра – Грузия!“, а потом объяснял это же на приеме тогдашнему грузинскому послу в Москве. А когда в августе 2008-го, во время русской агрессии, пытался отправить из лагеря радикальный текст в поддержку Грузии и Саакашвили – и был за это репрессирован администрацией (руками уголовников). Текст в итоге дошел, был опубликован на „Чеченпресс“, да и сейчас доступен на stomahin.info („Русские оккупанты – вон из Грузии!“). И т.д., и т.п.

Может быть, кого-нибудь из грузинской прессы или истеблишмента и впрямь заинтересует это дело. Дела же мои, если Вы за ними не следите, не очень-то хороши. Вменяют мне все три основные статьи УК за мыслепреступления (280, 282, 205.2), сроку дадут 7,5 лет, больше вроде нельзя по их правилам частичного сложения, но уж и на меньшее они не согласятся!.. „Суд“ будет летом, видимо, и где-то до конца года я, вероятно, еще буду в Москве, в тюрьме. А потом – увезут куда-нибудь далеко, не ближе Перми, скорее всего, – „экстремистов“ есть негласное указание отправлять как можно дальше. Как я там буду – не знаю, из родных никого нет, кроме матери, у которой вряд ли хватит сил ездить ко мне, как она ездила тем сроком, а больше на свиданки могут там вообще никого не пускать...

...

С наилучшими пожеланиями

Ваш Борис Стомахин, политзаключенный

1.4.2013, СИЗО „Медведково“, Москва

ОЛЬГЕ ИСАЕВОЙ [15.5.2013]

Здравствуйте, Ольга!

Очень рад был получить сегодня Ваше письмо – и, действительно, начал уже волноваться, почему так долго не пишете.

За флаг, короче, спасибо, пусть лежит, пригодится. Насчет адреса – да, можно и через украинских знакомых, я-то не против, если Вам так удобнее. Найдете – напишите адрес, я надеюсь, до лагеря он у меня сохранится. Идет ли почта между Россией и Грузией – честно говоря, не знаю, можно было бы попробовать, проверить.

Что Вы с Константином в рассылке, очень хорошо. Это по моему совету Вы к Корбу обратились или сами? Хорошо, что он смог Вас подписать в отсутствие Глеба Эделева, модератора, на котором вся техническая часть.

Очень рад, что такого высокого мнения обо мне этот Ваш друг, отзыв которого Вы цитируете. Передайте ему искреннюю благодарность от меня, pls. В нормальных странах (какая бы там даже власть ни была) вот так отзываются. А в России-то я из сумасшедших не вылезая, как ни считаешь комментарии в ЖЖ и др. местах, – всё диагнозы мне ставят... Хотя у меня уже три справки есть о психич. здоровье, а вчера мне по этому делу еще одну псих. экспертизу амбулаторную назначили, через 2 месяца после первой (Вы, наверное, из рассылки это уже знаете), – будет еще одна...

Да, все забываю спросить: как там поживает Ваша кошка Маша, красавица? Помню, как увидел 1-й раз ее фотки – в Вашем „Фейсбуке“, кажется, – долго не мог глаз отвести, и потом еще много раз возвращался посмотреть. „Машенька поздравляет всех с днем кошки“, – как вспомню, так непроизвольно начинаю улыбаться. А все потому, что у меня на зоне была точно такая же большая, темно-серая, с огромными зелеными глазищами, и даже звали ее так же (Маня ее обычно называли). Так я ее любил, просто не передать словами, ближе у меня там никого не было. 2 года, можно сказать, на груди у меня пролежала, на моей шконке был ее дом. Потом меня на др. бараки стали переводить, мне ее приносили иногда, но долго она у меня уже не жила, так, по несколько дней. Хотел я ее с собой забрать домой, искал, но она пропала. Я так понял, что, видимо, померла, потому что освобождился я в марте, а последний раз ее до этого видел в июле, и глазам не поверил (и рукам): от нее осталась шкура и косточки,

больше ничего. Она отоцала больше чем вдвое против того, какая была у меня... Кто-то мне потом сказал, что это, видимо, от болезни, а не просто от голода (другие-то живут по помойкам – и ничего)... Ну, а ее уж несколько месяцев к марту 2011-го никто не видел, – куда ей деться-то, если б была живая... И тут Ваша, – прямо как реинкарнация, такая же точь-в-точь!.. Я прямо оторваться не мог... Кстати, про мою, – если интересно, на сайте <http://slovods.narod.ru>, где-то в разделе обо мне, до сих пор висит большой кусок из моего письма Лене Маглеванной под заголовком „Маня“, где я про эту кошку подробно рассказываю, а Лена набила и прислала повесить. Если интересно – найдите, почитайте. Я ее до сих пор часто вспоминаю...

Да, у вас там амнистия для политических (какие бы они ни были, это очень серьезный козырь для пропаганды, причем и на приличных людей здесь, например, может подействовать). Я, допустим, Удальцова или Навального тоже, мягко говоря, не очень люблю, но если их всерьез посадят, а потом выпустят, – на коне окажутся и они сами, и – еще больше – тот, кто их выпустит. И все нюансы и детали в момент этого общего ликования даже приличным людям объяснить довольно сложно.

Если у вас там, да и вообще где-либо, что-то важное случится, Вы мне сообщайте, а то ведь я тут сижу не только без ТВ (его-то как раз и не жалко), но и вообще без всяких СМИ, то бишь без информации вообще.

Ваши бы слова – да Богу в уши, что мне не придется сидеть все эти годы, – но, увы, я боюсь, что придется, если только я, конечно, выдержу. Вся надежда – что есть столько друзей, дорогих мне людей, коллег, которые обо мне и 10 лет не забудут, если все это столько продлится. Все они, или почти все, собраны в рассылке этой, а теперь и Вы в их числе, чему я очень рад. Конечно, я понимаю, что у всех свои дела, заботы, не могут люди только обо мне и думать, – но все же я очень рад, что есть мне к кому обратиться, и м. б, не буду я в лагере жить, как многие бедолаги, посмотрелся я там на них еще тем сроком, – никого и ничего у них нет в результате прожитой жизни, только казенная роба, телогрейка, шапка да казенная пайка кислой „черняги“, и

вся их там жизнь, день за днем, – ходить, искать очередную сигарету (я хоть не курю, вот это и вправду счастье!..). Уж больно унижительно годами так жить, осознавая, что они тебя таки победили и загнали вот в ЭТО...

В общем, большое спасибо Вам и Константину за письмо. Жду следующих с нетерпением. Маше большой привет от меня, – старого кошатника!..

Всего Вам самого наилучшего!

Ваш Борис Стомахин, политзаключенный.

15.5.2013, СИЗО „Медведково“, Москва.

ОЛЬГЕ ИСАЕВОЙ [26.10.2013]

Здравствуйте, Ольга!

Что ж, жду с нетерпением вестей о грузинских выборах, хотя, наверное, первая информация дойдет до меня скорее, чем Ваше следующее письмо: тут же теперь в камере есть телевизор, будь он неладен!.. НТВ, знаю, уже состряпал и вчера показал какой-то „фильм“ против Миши, – я его, правда, не смотрел, видел только анонсы. В любом случае – надеюсь, Грузия все же не погибнет, не будет снова сожрана, все эти неприятности – временные. Ну и Мише желаю и в отставке – удачи, мужества, чтобы выдержать все эти нынешние наезды, ну и – м. б., он и впрямь продолжит свою борьбу против нашего общего врага, а уж я готов помогать и участвовать (если доживу до освобождения). Он ведь еще молодой, какого он года рождения? Времени у него еще впереди достаточно, я надеюсь.

А у меня дела все так же гнусны, и настроение тоже. 22-го „суд“ наконец-то сдвинулся с мертвой точки – 3 с лишним часа читали „обвинение“, Вы уже знаете. Следующее заседание – 30-го, как раз в День политзаключенного в СССР, очень символично... Да еще и в тюрьме теперь эта беда – вот уж действительно! – ни днем, ни ночью покоя нет от их проклятого телевизора, я уже буквально на стену лезу от него, от этого постоянного

круглосуточного (почти) галдежа, мозг закипает в голове каждый день, не могу не то что читать и писать, но даже просто думать!.. Будь все проклято!.. За что мне это, за что?!.. Та жизнь, которая у меня здесь же, в этой же камере, была летом, – сидели вдвоем и не было никакого телевизора, была тишина и покой, – представляется мне теперь чуть ли не райской. Да, все проходит, все кончается в этой жизни, – вот и „хорошая“ моя жизнь в тюрьме давно закончилась, и теперь остается мучительно ждать, когда же закончится плохая (если это опять же возможно в тюрьме). Вообще же – не вижу никакого смысла терпеть все вот это дерьмо, через которое меня проволакивает жизнь – мордой по асфальту – я склонен скорее ждать и желать, чтобы она поскорее закончилась совсем...

Я человек не религиозный и не мистик, но вот тогда, 10 июля, когда, помните, я Вам написал, что Вы помогли мне принять другое решение, другую цель в этой „жизни“, – хотя именно в тот день у меня был уникальный шанс все это разом оборвать, отказаться от дальнейших мучений (я целый день сидел в камере один), – как потом выяснилось, именно в то утро, когда я это писал, в Питере на ограде Казанского собора был вывешен большой баннер „Свободу Борису Стомахину!“. Вот я и думаю: не будучи мистиком, можно ли счесть это каким-то знаком, или нет? Тогда мне казалось, что я правильно поступил (хотя и от слабости, на самом-то деле, а не от сознательно принятого обдуманного решения). А теперь вот я опять сомневаюсь в этом – но такого шанса у меня уже нет и, видимо, не будет. Приходится терпеть вот это вот все, что вокруг, – и, главное, совершенно непонятно, для чего, зачем и кому это надо. Не получилось красиво уйти, поступить наперекор навязанной мне чужой воле, – вот и мучайся теперь, терпи, когда проклятые сокамернички с каждым днем (точнее, ночью) выключают свой проклятый быдловизор все позже и позже, не давая тебе спать...

Да, главное, что мучает меня и здесь, как мучило на воле, – это чувство собственного бессилия и бессмысленности всего происходящего со мной. О чувстве бессилия еще Буковский, если помните, писал, описывая свои ощущения после первого срока

в психушке. Я его очень хорошо понимаю, и это чувство бессилия перед огромной гос. машиной вполне способно породить смертников, которые ради своей ненависти к изуверскому этому государству готовы отдать жизнь. О, как я их понимаю!.. Ну и – уже после первого срока я убедился, что неправа пословица „Все, что ни делается, – все к лучшему“. Кроме более глубокого, на личном опыте, знания жизни в этой стране, знания нравов и характеров, что ее населяют, – ровно ничего положительного не оказалось для меня ни в этих годах, ни после них. Христианство ведь недаром обещает воздаяние и вечную жизнь за гробом, – потому что для многих горькая правда, что они обречены всю жизнь мучиться, чтобы потом сдохнуть, и никак никогда не будут компенсированы им их страдания, и ничегоненьки хорошего за всю свою жизнь они так и не увидят, – может оказаться совершенно невыносима. Вот так примерно я себя сейчас и чувствую – в загробную жизнь я не верю, а как относятся в этой стране даже сами „либеральные“ и „оппозиционные“ тусовки к человеку, пусть и просидевшему срок, но думающему не совсем так, как они, – я уже убедился, увы. Они Квачкова, безумного нациста и антисемита, готовы были в 2013-м защищать куда охотнее (Латынина описывала, как они бросились на его защиту, все эти легендарные „либералы“), чем меня, – хотя я не в организации вооруженного мятежа обвиняюсь, а всего лишь в „призывах к насилию“ (формулировка Каретниковой).

Так что вот такие вот дела, очень грустные. Можно многое вытерпеть, если в душе знаешь, что все это не зря, что какое-то воздаяние (и лучше – уважение от людей твоего круга, от коллег и молодежи, чем, скажем, деньги) тебе за это будет, или если НАШИ где-то, на каких-то фронтах все-таки одерживают победы над этой кодлой – будь то в Чечне, в Дагестане, в Грузии, в Украине, в Польше, хоть где-нибудь!.. Но – увы, время сейчас настолько глухое, настолько безнадежное, сплошь отступление по всем фронтам, а уж о какой-то солидарности и уважении от этих подонков, составляющих официальную российскую „оппозицию“, и говорить не приходится, что я поневоле думаю: а зачем я вообще мучаюсь, терплю все это? Зачем мне это надо? Ради

чего, собственно? Все равно ведь ничего хорошего впереди меня не ждет, так зачем? И – еще раз с горькой усмешкой повторяю себе, каких парадоксов полна жизнь: сохранять и длить это существование меня заставляет не сила духовная, а слабость!.. Будь я сильнее (как Вы мне пишете, а я не заслуживаю этого) – я бы давно одним ударом разрубил этот гордиев узел, прекратил бы эти нелепые и ненужные мне страдания...

Вот такие дела, пишу сейчас, а сокамернички дрыхнут, а ночью будут смотреть свой быдловизор до 2 часов.

Со стороны все это выглядит каким-то героическим диссидентством, да? – и я не перестаю этому изумляться! Увы, изнутри все гораздо прозаичнее, и грустнее, и глупее. Сижу, сам не понимаю, за что, и условия скотские, и ничего сделать нельзя, а главное – бессмысленно все это. Если бы хоть какая-то молодежь моим примером вдохновилась, выступила бы более-менее массово против империи, хотя бы на словах, – так ведь и этого нет!..

Ну да ладно, не буду больше Вас грузить этой своей тоской. И так чересчур понаписал этого всего – уж простите, для меня эти письма – отдушина, возможность высказаться...

Всего самого наилучшего!

Ваш Борис Стомахин, политзаключенный.

26.10.13, СИЗО „Медведково“, Москва.

ОЛЬГЕ ИСАЕВОЙ [10.11.2013]

Дорогие друзья!

Вот опять я пишу, обращаясь к вам ко всем сразу. Последний раз это было, кажется, в мае; с тех пор ваш состав заметно изменился, да и число рассылок выросло вдвое. Что же именно я хочу сказать? Увы, я и сам не знаю этого точно; знаю только, что сегодня рано утром, когда в 6 утра в камере включили свет, я знал это подробнее и точнее, а сейчас уже часов 11 утра, наверное.

Я очень благодарен всем вам за защиту и поддержку, за все ваши усилия. Вы – самые близкие для меня на этой земле люди, так уж получилось. Я очень надеюсь, что если не все, то уж большинство из вас поймет меня, поймет то, что я хочу сказать, и – для меня это важно! – не побрезгует мне ответить хоть что-нибудь, причем найдет для ответа время.

Я читал много хороших, хвалебных, даже героических слов о себе за время этой отсидки – и от вас, и от некоторых других людей (в распечатках Александра Майсурия в основном). Вы хвалили меня, говорили о моем героическом образе (Виктор Корб, помню, особенно возвышенно формулировал все это), о моем мужестве и несгибаемости... Да, каяться, просить прощения, сдаваться ИМ я действительно не собираюсь – и жду сейчас максимального срока в 7,5 лет. Но – было бы нечестно разы-грывать с вашей подачи героя и не сказать вам как есть – что в душе, глубине души, внутри, там, куда никто не может заглянуть, – я совершенно раздавлен случившимся со мной за этот и истекший год с 20 ноября 2012 г. Это письмо – лишь бледный отзвук, 1/1000, наверное, того жуткого, утробного, горестного воя, который рвется из моей груди, особенно по утрам, когда я просыпаюсь – опять просыпаюсь ТУТ, в тюрьме, в неволе! – и где-то до полудня, когда становится на душе немного полегче, отвлекают бытовые заботы и т. п. Я не могу завывать в голос тут, в камере, и начать в иступлении биться головой об стену, как каждое утро мне хочется, – я могу только исповедоваться вам. И вот – я делаю это. Думаю, ни один из „узников Болотной“ не скажет и не напишет вам (особенно Анне Каретниковой, которая знает их всех лично и ходит к ним) такой свехоткровенной исповеди, не занимается самокопанием и самоанализом так глубоко.

Самое ужасное, самое мучительное (и это роднит меня с „узником Болотной“) – это то, что я искренне не понимаю, за что я сижу. В тот раз у меня, по крайней мере, это чувство не было НАСТОЛЬКО сильно – чувство бессмыслицы и абсурдности происходящего. „За что?!! За что?!! ЗА ЧТО????!!!“ – часто шепчу я про себя – реально произношу эти слова, а не только думаю –

наряду с другими словами, которые для меня с 20.11.2012 аксиома: „Вот и жизнь прошла!“ Да, я ненавижу эту тоталитарную неосоветскую власть, их ЧК-КГБ-ФСБ, их империю, их изуверски-бессмысленно-жестокое государство – и ненавижу населяющее 1/7 часть суши тупое, бессмысленное быдло, попустительством которого и существует эта чекистская власть и это преступное государство. Ненавижу от всей души – и желаю погибели всему этому и всем. НО – несмотря на всю мою ненависть, у меня совершенно нет ощущения, что в 2011–2012 гг., освободившись после того срока, я БОРОЛСЯ со всем этим хоть как-нибудь, нанес им хоть на миллиграмм ущерба, сделал хоть что-то.

Увы, я хорошо знаю, что для этого государства с его изуверскими тоталитарными традициями еще со времен Ивана Грозного, слово – это полновесное дело, за которое и кара следует всегда соответствующая, полновесная. От дыбы и обезглавливания при Иване и Петре – до 7 лет лагерей в позднесоветское время и сейчас. Но – понимая это умом, из книг, я душой, всем своим внутренним существом все равно никак не могу смириться с этим, признать, что я реально делал в 2011–2012-м хоть что-то, за что не жалко было бы сидеть. Тем сроком – до 20 месяцев розыска, после которых я и был арестован 21.3.2006 г., – я все же несколько лет делал довольно много: организовывал уличные акции, временами попадавшие в СМИ, пытался создать реальную организацию, издавал газету, покрывавшую в 2005–2006-м 12 регионов РФ... Хоть и после 20 месяцев, в которые осталась только газета, – но мне в тот раз все же не до такой степени обидно было сидеть: я ХОТЬ ЧТО-ТО ДЕЛАЛ против них! А сейчас – совсем ничего, а срок грозит больший, чем в тот раз!.. Это можно сравнить, видимо, только со сталинскими временами, с 1937-м, когда хватали всех – и имевших хоть какое-то отношение, и не имевших вовсе, и имевших, м. б., лет 20 назад, когда власть большевиков еще не была столь незыблема и тоталитарна. „За что?!!“, – хотите – смейтесь, считайте меня дурачком, наивным человеком, но именно этот вопрос постоянно мучает меня сильнее всего... Я все понимаю, но все равно никак не могу смириться...

А еще тяжелее, конечно, от того, что я, не зная, ЗА ЧТО, уже хорошо знаю КАК. То бишь – знаю, что меня ждет. Дорогие друзья, ну снизойдите хоть на минуту ко мне, к моей слабости, глупости, ничтожеству – ну вот вы, не сидящие в тюрьме сейчас, ну представьте-ка себе на минуту: представьте, что вот с этой секунды ВСЯ ваша жизнь на 7,5 лет вперед – это ОДНО СПЛОШНОЕ ДЕРЬМО, что в ней за 7,5 лет не будет вообще ничегошеньки хорошего, ну совсем ничего, ни капельки – а будут только одни сплошные, тотальные, круглосуточные унижения, нервотрепка, мучения духовные, а порой и физические, сплошное, беспросветное отчаяние, которое будет окружать вас пло-тным облаком со всех сторон, извне, ломая все защитные механизмы в вашей душе, все запасы оптимизма, веры в лучшее, в бога, в какой-то все-таки смысл в вашей жизни и т. п. Представьте, что вы на 7,5 лет погрузились в черный, тотальный, беспросветный ужас и отчаяние, что вы не уверены, хватит ли ваших душевных сил выдержать все это, что каждый ваш день, с утра до ночи, а часто и ночью – все происходящее с вами оставляет чувство глубокого и мучительного унижения. Представьте, что 7,5 лет вам будут по многу раз в день плевать в лицо и топтать вашу душу грязными сапогами, – и вы ничего, абсолютно ничего не сможете с этим сделать...

Я знаю, что вы, мои друзья, – люди крепкие, негнибаемые, суровые, а некоторые прошли этот ад еще до меня, и даже не по одному разу. Что ж, все люди разные, кому-то и в таких обстоятельствах м. б. легче, чем мне. Но – если вы будете честны с самими собой и со мной, – представьте себе в полную силу эти 7,5 лет тотальных, по многу раз в день, унижений и глумлений, постоянных плевков в лицо, фигуральных и реальных, представьте, что в эту абсолютно чуждую и враждебную вам среду вы попали на 7,5 лет и не можете ее покинуть, деваться вам некуда, вы обречены годами все это терпеть, – и, если вы честны перед собой, то напишите мне, pls, каждый, у кого хотя бы промелькнет мысль о суициде...

У меня-то она присутствует постоянно, как все вы знаете, и об этом я и писал прошлое мое письмо ко всем, в мае. Но – увы, мне

не суждено оказалось и это, жизнь более чем наглядно доказала мне мое полное ничтожество и неспособность на решительный поступок – даже для того, чтобы спасти свою душу от поругания. Между этими 2-мя письмами лежит – в июне, кажется, – единственная реальная попытка, когда с петлей из толстого каната на шее залез на решетку окна в камере, убедился, что одной рукой (другой надо держаться за решетку, иначе не устоишь) могу привязать к решетке конец каната, – и все! Больше я не смог ничего, хотя веревка эта до сих пор при мне. Очень, очень грустный это был опыт, дорогие друзья!..

Достоинство уйти и спасти свою душу я не смог, увы, – и, значит, впереди у меня только одно дерьмо, мегатонны дерьма, 6,5 лет сплошного тотального дерьма (уж простите за натурализм). Унижения, унижения, унижения... Вот, скажем, эта история с телевизором, которая обсуждалась в рассылке rzk_bst, часть обсуждения мне благодаря Мише Агафонову удалось прочесть. Легко вам говорить, дорогие мои, что, мол, негоже совсем лишать „людей“ телевизора, черт вас побери!.. Может быть, вы все духовно сильнее меня, вам ничто в жизни не может помешать читать, писать, думать, спать... А я вот – увы, я не такой. Я считаю настоящим, полноценным унижением для себя эту ситуацию, когда я вынужден мучиться всю ночь, лежать и безнадежно пытаться заснуть, только потому, что какие-то двое человекообразных существ, по моему разумению, абсолютно не тянущие на звание „человек“, 2 существа, которых я по справедливости про себя именую „говорящий кусок дерьма“ и стою на этом определении, – так вот, я не могу заснуть всю ночь, и это ночь за ночью, и это отражается на моем здоровье и самочувствии, – только потому, что этим 2 говорящим кускам дерьма, видите ли, скучно и хочется развлекаться, причем именно ночью, – в то единственное время, когда я только и могу заснуть. Сами они, как обычно и бывает у эзков, дрыхнут днем – утром до проверки, да еще потом в течение дня по часу время от времени. Но – у меня нет такой возможности, я могу спать только ночью, и то не всегда (у меня и дома иногда бывала бессонница). Только не начинайте советовать мне, pls, что, мол, можно с этими

2 как-то договориться, попросить их сделать потише и т. п. Все это со стороны кажется „можно“ – но в реальности бесполезно. Не то что я, а местный опер их просил смотреть до 12 да один раз сказал выключить лучше в 10 вечера, в отбой, – хрен там!.. До 3, сегодня уже даже, кажется, до 5 утра, – и попробуй им чего скажи (одному особенно, 2 раза сидевшему за убийство и угрожавшему мне расправой за жалобу с просьбой телевизор убрать). Это чмо хочет развлекаться – и оно развлекается, хоть днем, хоть ночью, и ему абсолютно наплевать, что его развлечения (т. е. вещь для жизни не обязательная) зарубают и перечеркивают мне ночной сон (вещь для жизни абсолютно обязательную). Ему просто ПЛЕВАТЬ на меня, понимаете?! „И вот так у них все“ (с) – анекдот.

Да, надо заметить, ради справедливости, что, когда он всю ночь смотрит один, он немного убавляет звук, – не ради меня, разумеется, а ради второго, своего дружка, который в это время спит. 2-й делает так же, когда смотрит один, ночью или днем. Но – увы, этого мне недостаточно, спать оно мне мешает и с убавленным звуком. Приходится еще вставлять в уши затычки – куски синтепона из матраса; это больно и мешает, а заглушать звук – почти не заглушает; и – уговаривать себя каждый раз, улегшись в кровать, что день кончен, что надо, НАДО как-то расслабиться и постараться заснуть. Но получается это не всегда, несмотря на все старания. То бишь – их двое, они хотят развлекаться, топить свою скуку и грустные мысли в „комедиях“ и „битвах экстрасенсов“ (за неимением алкоголя) – и это перевешивает мою жизненную потребность в сне. Это само по себе, как и необходимость уговаривать себя и до боли впихивать в уши бесполезный синтепон, я воспринимаю как острое унижение, – и уж, конечно, не собираюсь усугублять его еще большим унижением, обращаясь с чем-либо к этим 2 подонкам (с просьбами сделать еще тише, или выключить, или разъяснениями, что мне надо ночью спать и т. д.). Я с ними попросту не разговариваю. И все это – не говоря уж о том, что и днем, с 7–8 часов утра и до 3 ночи, весь день их телевизор выносит мне ежедневно мозг, я вынужден (на полной громкости

причем) слушать все те телепомои, что они смотрят, все эти развлекательные быдлосериалы по СТС, ТНТ и т. п. И совершенно забыт, заброшен, в грязь глубоко затоптан тот простой факт, что и днем ведь мне тоже нужны тишина и покой, возможность думать, а не только собирать разбомбленные телевоплями обрывки мыслей в голове, осознавать себя, предаваться воспоминаниям, размышлениям о прошлом и будущем, писать письма, статьи, стихи, читать книги из местной библиотеки. Всего этого – т. е., собственно, возможности постоянно осознавать себя и быть собой, иметь нормально работающую голову на плечах и пользоваться ею – лишил меня столь отстаиваемый некоторыми из вас (Анной Каретниковой особенно, увы...) телевизор для двух типичных представителей русского быдла, да еще и криминального. То же соотношение: им хочется развлечений от скуки, чтоб время (якобы) быстрее шло – и из-за этого я лишен самого насущного (покой и возможность думать). Это и есть типичное соотношение для России, о котором писали и Кормильцев, и Нестеренко, и многие: быдло изначально, по умолчанию, право, и ему все блага жизни; а талантливый, интеллигентный, да просто нормальный человек – в загоне, заплеван быдлом, лишен если не всего, то как минимум самого необходимого, вынужден бороться за выживание среди развлекающегося бессмысленного быдла, которое топчет его уже не со зла, не специально – а просто не замечая. Тем сроком я посмотрелся на такие ситуации, когда мои жизненные интересы растаптывались ими в ходе их развлечений, даже не замечая (мне надо было есть или спать, а им – играть в карты, например), и вот сейчас – опять. Ничего в этой стране не меняется... Единственное – я все-таки имею дерзость претендовать, чтобы вы, раз вы мои друзья и МЕНЯ защищаете, – чтобы вы были в таких ситуациях на моей стороне, а не корили меня за то, что я, мол, хочу „совсем лишить ЛЮДЕЙ (!) телевизора“...

И вот из таких унижений и дальше будет состоять весь мой срок все эти 6,5 лет или сколько там...

После того (майского?) письма в рассылку Антоша Ручкин, помню, очень ругался на меня во ФСИН-письме сюда от 1 июня

что, мол, моя смерть (суицид) будет, типа, помощью ИМ – нашим идейным врагам (путинцам?). Хотя – кто я такой, что я за фигура такая, чтобы моя смерть хоть на что-нибудь в этом смысле повлияла? После этого Антон написал мне сюда еще одно письмо (август, кажись), в котором клялся отныне писать регулярно. Но – так и не пишет, хотя его моральная поддержка мне необходима.

Что же мне делать? Каков выход из создавшегося положения, из тотальных унижений и мегатонн сплошного дерьма в ближайшие 6,5 лет? Вырваться из их когтей невозможно, отпустить меня раньше никто не отпустит, так что, увы, единственный способ не дать окончательно заплевать свою душу – это все-таки умереть. Хоть и не хватает мне решимости, и вроде как-то сама собой ушла на 2-й план эта тема в последние месяцы, но – иного выхода нет, увы. Придется заставлять себя, пробовать снова и снова, набираться мужества... как в припеве какой-то попсовой песни, еще тем сроком услышанной, – прямо про меня: „НО КОГДА-НИБУДЬ Я РЕШУСЬ!..“

Да, с некоторыми из друзей переписывался я о том, что надо уехать из этой проклятой страны, если только я доживу до конца срока, и что это – достойная цель, чтобы продолжать жить и бороться. Если доживу – конечно же, я не останусь в России, но – надо еще дожить... Надо пройти через все вот это, о чем я писал, через унижения и мучения, из которых лишение сна – самое тяжелое, но далеко не единственное.

А зачем, собственно? Ради чего?

Ольга Исаева, очень много сделавшая, чтобы меня морально здесь поддержать, написала мне в одном из писем: „У меня раньше тоже не было будущего (имелось в виду – в России). Теперь есть“. Дорогая Ольга, я бесконечно благодарен Вам за Ваши письма, за моральную поддержку и теплые слова. Однако – боюсь (я уже писал Вам это), мне не будет уже ни счастья, ни радости и в нормальной стране, даже если я туда попаду. Это ясное ощущение, которое я не могу обосновать логически, но, тем не менее, отчетливо ощущаю в душе. Счастья мне все равно уже не видать, даже в нормальной стране, в самых наикомфортнейших условиях, – комфорт может быть, а вот

счастье – нет. Так что – мне не жалко умереть в тюрьме, я все равно ничего не теряю, кроме мучений. Вот только смочь бы, решиться бы наконец!.. Тем, чем я хотел бы заниматься в жизни, того, чего хотел бы добиться на избранном пути, – ничего этого уже не будет, я знаю точно, я понял это еще на воле, еще в конце 2011 г., как раз 2 года назад. С тех пор все потеряло для меня смысл и интерес. Хочу умереть – и не могу, не берет меня смерть; раньше маялся по ночам бессонницей дома, теперь в тюрьме. Что же мне делать, как быть, куда деваться? Я исповедуюсь вам, пишу все честно, как есть, ничего не утаивая, – судите меня; называйте дураком, слабаком, ничтожеством, если считаете нужным; но я все-таки надеюсь, что, м. б., вы мне напишете сюда и что-нибудь посоветуете.

Иногда вдруг переключивается что-то от этой душевной боли, от тоски и отчаяния – и резкие слова сами собой просятся на язык. Дорогие друзья, вы ведь не можете ни оправдания моего добиться, ни выкупить из заключения, ни побег мне устроить, ни обмен на кого-нибудь с выездом на Запад, – словом, ничего, никак не можете избавить меня от мучений. Тогда почему же вы так осуждаете меня за желание воспользоваться тем единственным избавлением, которое мне здесь доступно? Не говоря уж помочь мне в этом. Не кажется ли вам, что призывая/заставляя меня продолжать жить и в этих условиях – вы тем самым обрекаете меня на мучения, фактически солидаризуетесь с мучителями? Простите меня за резкость, я никого не хотел обидеть, клянусь...

Конечно, это не п/ж, которое недавно получил Амир Магас, это всего 6,5 лет, оставшихся мне. Правда, Амир Магас очень много героического сделал, чем и заработал это п/ж, а я свой не очень большой срок – абсолютно ни за что, я выше уже писал об этом. Можно пережить этот срок, вынести все муки, все унижения... только вот вопрос: ЗАЧЕМ? Для чего мучиться, если знаешь, что ни счастья, ни смысла уже не будет все равно, даже в нормальной стране? Ну вот напишите мне, объясните, – ЗАЧЕМ?..

Помните, в те мои 20 месяцев на воле Павел Люзаков, из всех близких мне людей отсидевший больше всех, при встречах и по

телефону учил меня, что надо, мол, общаться с уголовниками в тюрьме (и даже стараться быть полезным – писать всякие кассационные и пр. жалобы). Помня его уроки и уважая его опыт, я честно пытался следовать в тюрьме этому его совету – общаться с уголовниками, быть к ним открытым, не держать на них как бы априорного зла (хотя я ведь уже по тому сроку ЗНАЮ, что они такие...). Увы, все это каждый раз кончалось одинаково, хотя по разным причинам: чем ближе я в повседневном общении в камере узнавал данных конкретных уголовников, тем все большее и большее отвращение они у меня возбуждали, так что со временем всякое общение прекращалось само собой. Глумились ли они надо мной в открытую, как было той зимой на старом корпусе, или просто игнорировали мои важнейшие интересы и вели себя так, как будто меня здесь нет вообще (сейчас с телевизором) – результат все равно один: меня душит к ним такое непереносимое отвращение, что хочется убить их, а не „общаться“, – в лагере тем сроком бывал еще и 3-й вариант: они меня вообще никак не касаются, а просто где-то там, в соседнем проходняке, за шкеркой, обсуждают свою жизнь на воле, свои „понятия“, свои криминальные подвиги, и из одних их разговоров становилось ясно, что эти существа – мразь из мрази, нелюдь, конченное отребье, – какое уж там „общение“ с ними... И так – это уже ясно – у меня будет теперь всегда, и этим сроком, и каким угодно следующим... Павел тоже мне не пишет, и я только здесь могу ему рассказать этот свой опыт и спросить, были ли у него такие же проблемы – и как он их решал, если были. Что ж, м. б., у меня просто, так сказать, другая душевная организация, более тонкая, но проблема в том, что мне уже под 40 и переделать себя я едва ли смогу. А сидеть предстоит еще долгие годы именно среди вот такого вот отребья, которому глумиться над непохожим на них, интеллигентным человеком, попавшим в их среду, доставляет удовольствие, они любят так развлекаться; если же ты начинаешь ему на его глумления отвечать – тут же защищать его собирается целая толпа и начинает привычно угрожать тебе физической расправой – единственным своим „аргументом“...

Так ЗАЧЕМ жить и все это терпеть? И куда деваться, если жить не можешь – и умереть не можешь?

От бессонницы я плохо соображаю; простите, если все это письмо покажется вам полной глупостью...

Собственно, я и сам толком не знаю, зачем написал вам все это. Просто потребность выговориться, поделиться наболевшим, наверное, ну и – совета попросить у стольких достойных людей, тоже немало повидавших в жизни. Да, я с юности склонен к глубокому самокопанию, хорошо ли это или плохо, но изменить это я не могу, а резкие выводы о самом себе, признание собственной слабости и ничтожества требует поделиться этим с близкими людьми (хорошо, если они есть в этот момент) и спросить их совета, как жить дальше. Тут, в камере с подонками, я абсолютно не испытываю никакой тяги к общению с ними, легко могу молчать весь день, неделю, месяц... Другое дело – вы, мои дорогие друзья! Несмотря на всю мучительность поездок в „суд“, выход из камеры в 6 утра, многочасовое сидение на сборке, мучительную духоту, тесноту и тряску в автозаке, – если бы вы только знали, друзья, какой огромный душевный подъем у меня бывает каждый раз, как я вижу ваши лица, – в зале, да хотя бы даже в коридоре, – могу перекинуться с вами хоть парой слов через решетку, слышу ваши аплодисменты за спиной. Всю усталость и измученность на обратном пути как рукой снимает, духоты и тряски в машине – и то я почти не чувствую...

Жизнь моя и вправду кончена, я это ясно чувствую, тем паче, что и Мане Александровой не так давно приснился сон, будто я умер. Я ничуть не мистик, конечно, но – едва ли чужой сон может просто так, случайно совпасть с моими собственными ощущениями и предчувствиями. Виктор Корб мне ведь тоже летом в письме объяснил, что, по его мнению, у меня уже есть столько заслуг (хотя я так и не считаю), что можно и умирать, все основное выполнено. Выхода я не вижу никакого – жить и мучиться среди уголовников еще 6,5 лет абсолютно не хочу, а умереть – не могу решиться. Что же мне делать, как быть, куда мне деваться?..

Письмо уже очень разрослось, надо заканчивать. Я надеюсь, у вас хватит терпения дочитать его до конца. Я благодарю вас за это терпение!

Спасибо вам за все, друзья! За то, что вы просто есть и помните обо мне!

Всего вам самого наилучшего!

Ваш Борис Стомахин, политзаключенный

10.11.2013, СИЗО „Медведково“, Москва

Р. S. Я знал, знал, что когда – рано или поздно – в камеру поставят телевизор, станет не просто хуже, чем было, а жизнь моя превратится в самый настоящий КОШМАР. Так оно и вышло...

Р. P. S. Прошло уже немало времени, как я написал это письмо, а отправить его мне так и не удалось. За это время произошло много событий. Оба куска дерьма в моей камере получили „законки“ (бумажки о вступлении приговора в законную силу) и наконец-то могут в любой момент уехать отсюда, – но пока что они здесь. Замначальника по оперативной работе сообщил, что быдловизор из камеры они убирать не будут – этим, мол, нарушаются „права“ других зэков, а – предупредят еще раз, чтобы не смотрели ночью, а в противном случае – будут на ночь, с 22:00 до 6:00, выключать розетки. Оба варианта меня не устраивают: на предупреждения они плевали (да еще я же и пострадаю, если они поймут, что недовольство исходит от меня), а розетки нужны мне самому: я всегда пью чай после ужина и перед сном, часов в 12 ночи.

Но это все ерунда, в конце-то концов. Больше всего поразило меня известие о выходе из Комитета Антона Петушкова, которого я считал одним из ближайших своих единомышленников и друзей. Просто добило меня это известие, – и вчера в письме Виктору Корбу (эту весть мне и сообщившему) я так и написал. Никакие мотивы Антона... [На этом письмо обрывается.]

ОЛЬГЕ ИСАЕВОЙ [28.6.2014]

Здравствуйте, Ольга!

Повторяются у меня тут те же проблемы, что были и прошлым летом. Там на сайте этом, с которого ФСИН-письма пишутся, ничего сейчас не говорится насчет задержек с доставкой по ИЗ 77/4? Тут опять – цензорша в отпуске на месяц, а м. б., и больше, носить письма некому, они по неделе валяются где-то, – вчера получил целую пачку за неделю, в т. ч. электронное письмо, полученное 20.6, а принесли его только 27-го, неделю валялось на турьме!..

Ну и вообще, ситуация мрачная, конечно, – сейчас, чувствую, наматывают еще года 4, если не все 5, по 205.2, несмотря на мое железное алиби – пребывание в СИЗО. В нормальной стране и в нормальном суде это бы не прокатило, но здесь – легко!.. Приходил ко мне следователь, как Вы, думаю, уже знаете, пытался меня допросить как свидетеля, грозил уголовной статьей за отказ от дачи показаний...

Почему Вы думаете, что Власов уже не узнал, что является символом борьбы с большевизмом? Думаю, он вполне это свое положение сознавал, когда писал это знаменитое послание „Почему я встал на путь борьбы с большевизмом“. Я все думаю вот: какой бы нам, нынешним радикальным диссидентам, полностью отрицающим РФ, выбрать себе символ, показывающий всю непримиримость, всю пропасть между нами и ими. Ну, конечно, сегодня это „Героям слава!“, флаг УПА и т. п., и „Крим – це Україна“ вот еще. А так, в глобальном смысле, не сиюминутном, и если не брать все-таки без спроса чужое (украинское) – думаю, это все-таки Власов. Это такой символ, который практически все совки хорошо знают – и у всех у них он автоматически вызывает ярость. Так что, думаю, в качестве знамени нам Андрей Андреевич еще послужит, как думаете?

Идея Бендукидзе брать нормальных украинских судей из диаспоры в Канаде – она шикарная, но она к России и не относится никаким боком, – хотя бы потому, что у русских и нет нигде такой диаспоры, как у украинцев в Канаде. Есть, в

большинстве своем, разрозненные эмигранты из совка, несущие этот совок в себе и передающие своим детям, даже если дети уже там и родились. Так что, увы, эта страна, в отличие от Украины, совершенно безнадежна...

Вообще, да, посмотрел я, оценил, почитал – да, Бендукидзе – это голова! Это и вправду фигура типа Миши, только в экономике. А я помню, как году в 1997-м в зюгановской “Совраске” какой-то придурок его из номера в номер поливал, – прочел где-то, что он был тогда владельцем „Уралмаша“, по-моему, – и шипел: почему, мол, всякие „Кахи и Махи“ владеют тем, что создавал весь советский народ!..

Сию я тут, вспоминаю свою жизнь, занимаюсь на вынужденном досуге самокопанием – и прихожу к выводу, что, видимо, планка требований к себе у меня очень завышена, – того, что сделал я до сих пор, мне не просто мало, – для меня это ничто, а мог бы я сделать гораздо, гораздо больше, если б не сидел в тюрьме, да и на воле если бы было чуть-чуть другое отношение коллег по цеху (увы, в 2011–2012-м его как раз не было, да и впредь уже не будет, это ясно). Но что поделывать, такая уж натура, не могу я удовольствоваться тем, что есть, обязательно надо мне не просто идти своей дорогой – а непременно дойти туда, куда эта дорога ведет, до самого ее конца, подняться на самую высокую гору. Спорили мы тут по переписке с Агафоновым о смысле жизни, и вот благодаря этому спору я кое-что сформулировал. Он-то мне писал в том духе, что, мол, просто хорошо делать свое дело, вот те же статьи писать, допустим, или людям помогать, – это, мол и есть смысл жизни. А я тут вдруг сформулировал, что смысл жизни – он в видах глагола: для кого-то – в несовершенном виде (делать, идти), а для меня, увы, только в совершенном (сделать, дойти), но никуда мне пока что дойти не удалось, кроме тюрьмы... Не знаю, смеяться тут надо или плакать.

Не знаю, уместно ли, но, думаю, все же уместно Вас с Константином поздравить с подписанием Грузией соглашения с ЕС. Так что поздравляю от всей души! Как бы там ни было, а назад, в совок, пути уже не будет, это очевидно. Конечно, можно усмотреть некоторое противоречие: я рад, что Украина, Грузия

и Молдова наконец подписали это соглашение – а с другой стороны, я разделяю отношение Буковского к ЕС как к левой бюрократической структуре, созданной евролевыми, по сути, для сдачи Европы Москве и ущемляющей нац. суверенитет той же Британии да и не только. Сейчас они вот Путину зад лижут еще круче, чем Обама... Будь я дома, я бы об этом противоречии статью написал, разобрал бы поподробнее это противоречие. Тем не менее я очень рад этому подписанию, потому что Украине, Грузии и Молдове ведь не бюрократия брюссельская нужна, для них это просто выбор пути, вектора, всей дальнейшей судьбы, а точнее – просто возвращение домой, наконец-то, после 200-300 лет московского плена...

Это очень здорово, что Вы немецкий знаете! Где учили, если не секрет? Я бы не сказал, что он уж настолько простой (особенно когда слова длиной по 15 см вдруг вылезают, но проще английского, конечно. Основа у меня еще в школе была заложена довольно неплохо, до сих пор кое-что помню; но моя беда – это память, точнее, ее отсутствие. Хоть убей, не запоминаю надолго слова, а без этого – какой язык? У меня еще со школы это, каждый урок, годами, в словарь за одними и теми же словами... Я уж махнул рукой, решил, – если когда-нибудь попаду в Германию, то уж там и доучу, там легче. Но вот учебник мне принесли, время есть – попробую хоть освежить это все...

В общем, такие вот дела. Пишите, всегда жду! Всего Вам самого наилучшего!

Auf Wiedersehen!

Ваш Борис Стомахин, политзаключенный

28.6.14, СИЗО „Медведково“, Москва

P. S. Нет ощущения, что на роль врага №1 они теперь выбрали себе Коломойского? Уж больно его поливают активно...

ОЛЬГЕ ИСАЕВОЙ [29.7.2014]

Здравствуйте, Ольга!

...

С системой в нынешней РФ я, конечно, несовместим, а Вы сомневались? Никто мне и не предложит ничего, даже при (вдруг!) новой перестройке, и именно по этой причине не предложит. Не то что Система – правозащитники-то именитые вон как шарахаются! (Чем и изобличают себя как часть той же Системы, кстати.) Но, увы, так уж я устроен – я скептик, всегда во всем сомневающийся, и потому моя хорошая (такого рода) репутация есть, увы, репутация в глазах очень узкого круга людей (хотя я им всем очень благодарен). А в остальном мире – увы, нет у меня ничего, ни репутации, ни достижений, ни меня самого. Так же как, будучи в определенном мейнстриме, читая определенные сайты, начинаешь думать, что режим скоро рухнет под грузом своих преступлений, а он все стоит и стоит, – так и с репутациями нашими. Это для нас Новодворская покойная – громадное, чуть ли не вечное имя, а так, среди широких масс населения – молодая поросль ее уже не знает, т. к. последние 10 лет по ТВ не показывали, а кто постарше – ну, еще помнят, но лишь те, кто вообще слышал, а это вовсе не 100% населения, по Буреполому знаю.

Спасибо, кстати, за термин „фаллометрия“, очень хорош! Но – это немножко не то, что Вы думаете. Это вот именно та разница глагольных видов, о которых я писал – „делать“ и „сделать“. На самом деле и Нобелевских-то лауреатов знают в этом мире далеко не все; и про Сахарова на проспекте его имени в Москве висит табличка, где сказано ТОЛЬКО о его заслугах на ниве ядерных испытаний и пр. Но, конечно, людям, уже чего-то заметного в жизни добившимся, в любом случае проще, чем мне. Репутация среди друзей и близких – это, конечно, прекрасно, но как итог прожитой жизни все-таки маловато. Жаль, не узнаем мы уже, что Новодворская думала на сей счет...

Насчет вступления в КПСС – это Вы хватили, конечно. Это уж слишком низкий, самый первичный уровень диссидентства. Но –

еще раз повторяю, что все относительно. В 1969 г. Богораз, Литвинов и другие известные диссиденты, которые в КПСС не вступали вроде бы, обращались по поводу прав человека в СССР к... международному совещанию коммунистических и рабочих партий (в Будапеште, кажись). Нашли к кому, да?! Сахаров от звания дважды Героя Соцтруда, полученного за ракетно-техническую работу на режим, не отказался и, как писал покойный Пинхос Абрамович Подрабинек, за эту работу даже не покался. Будем мы за это в Сахарова кидать камни, как считаете, – надо? Лера, кстати, помню, в своей книге еще в 1992-м работу Сергея Ковалева в тогдашнем Верх. Совете назвала „загробным существованием“, но он там работал в рамках грандиозной ельцинской попытки реформировать Россию в нормальное государство, ныне провалившейся. Тогда нам надо определиться с нашим ретроспективным отношением к самой этой попытке: уважаем мы или презираем тех (начиная с Ельцина), кто тут пытался что-то изменить, – или презираем, т. к. уже знаем, что ничего тут изменить нельзя? Да, и еще – пока не забыл – был у меня в 2012 г. текст такой – „Бывшие свои“, не читали? Там я как раз вот такие парадоксы и рассматривал – вроде того, что самые известные и опасные для красного режима его враги были все из его же рядов, а те, кто по определению с ним бороться должен был, – часто сдавались и ж... ему лизать начинали. Напишите, что Вы об этом думаете, когда прочтете. Или, м. б., я кого-то из изначальных врагов режима там пропустил, необъективным у меня соотношение тех и других получилось? А то еще есть история, как в 1-ю Гражданскую заговор монархистов возглавил Савинков, без 5 минут цареубийца в 1905-м, – монархисты долго плевались, но все-таки приняли его в качестве руководителя, ибо его опыта у них не было...

Бабушку у меня язык осуждать не повернется, т. к. в конечном итоге она заботилась обо мне. Но заставлять она умела, это да, это я лично еще помню. Другой характерный штрих – с сент. 1986-го по февраль 1987-го они обе – обе с в/о [высшим образованием] – работали дворничихами в детском саду по бабушкиной трудовой книжке (ну, снег зимой чистить ходила одна мать, она тогда была

помоложе, поздоровее), чтобы только прокормиться. Когда я это вспоминаю, а вокруг несутся сплошные оды и хвалы совку, у меня прямо закипает все внутри. Естественно, это после уроков в школе мать ходила этот снег убирать, а не вместо.

Всего Вам самого наилучшего! Пишите, пока еще можно.

Auf Wiedersehen!

Ваш Борис Стомахин, политзаключенный

29.7.14, СИЗО „Медведково“, Москва

[ОЛЬГА ИСАЕВА о себе:

„Мы с мужем – политэмигранты, уехали из России в Грузию.

Об Борисе Стомахине я узнала в 2009 г., увидела где-то ссылку на одну из его статей, прочитала и поняла, что нашла единомышленника. В марте 2011-го он освободился по первому делу, 20 апреля 2011-го мы уехали на ПМЖ в Грузию, а 20 ноября 2012-го я узнала из френдленты, что он арестован“.]

ЕЛЕНЕ МАГЛЕВАННОЙ [16.7.2013]

Привет, Лена! Наконец-то сегодня мне отдали твое письмо от 16 июня, с литовской фоткой, – ровно месяц держали, 16 июля сегодня! Факт совершенно возмутительный, и я очень тебя прошу, хоть какую-то реакцию и вмешательство международной общественности ты там не сможешь попробовать организовать? Ты – один из самых важных для меня корреспондентов, я очень переживал, когда еще 3-го июля мать мне сказала, что ты звонишь и спрашиваешь, почему, мол, я не отвечаю.

В общем-то, дела паршивые у меня. Скоро закончится ознакомление с делом, в конце августа или начале сентября – уже „суд“. Тебе там не передали мою идею, м. б. вы с Чельшевой там у себя пресс-конференцию на эту тему устроите? Или, м. б., еще кто-то мог бы участвовать, из русских или из финнов? Насчет пикетирования посольства не удалось тебе пока договориться, да? Огласка, информационная кампания – вот единственное, что

имело бы смысл. Вы в Финляндии, Тарамов и Рауш в Швеции – вот и все, кого я мог бы о чем-то таком просить. М. б., ты и их спросишь? Я понимаю, конечно, что, м. б., это нереальная идея, но за спрос ведь денег не платят... Ну и в Москве – Павел Люзаков еще весной высказывал идею провести пресс-конф. – вот и спроси его, pls, в рассылке, готов ли он в ней поучаствовать? Спроси еще о том же Елену Санникову (она, кажись, не в рассылке, ты сможешь позвонить ей? Ну и, м. б., Гефтер, Григорьянц, Трепашкин или Бородин (адвокат мой нынешний) – это уж пускай Санникова спросит у них. Видимо, все уже смирились, что меня посадили надолго и ничего сделать нельзя, никто даже и не пытается ничего делать, да? Хоть ты попробуй, хоть что-то, ок?

Да, срочно напиши в рассылку Александру Майсурияну, что его письмо №20 мне показали, но не хотят отдавать – там, мол, „лозунги“. Точнее, само письмо, м. б., и отдадут – а „лозунги“ в распечатках, их отдавать не хотят. Завтра, надеюсь, этот вопрос так или иначе решится, но уже сегодня считаю нужным предупредить. Не уверен – м. б., там в пачке у опера было и еще одно письмо в таком же конверте, №21, видимо, но одно-то уж точно. Черт его знает, что делать, – Майсурияну, наверное, впредь надо слать их заказными, а я, если завтра не отдадут, сухую голодовку объявлю, да и дело с концом. Ничего, если честно, так не хочу, как сдохнуть, – все равно это не жизнь.

Да, мне вот оптимизм не свойственен, увы, не то что чеченцам. С самой ранней юности было у меня какое-то внутреннее отвращение ко всякому обману и самообману, ко всякой „лжи во спасение“ и т. п. Можно было еще в юности надеяться на что-то хорошее, на то, что ждет еще счастье впереди, и т. д. – но теперь уже нет, увы, уже все ясно – не сложилась жизнь и уже не сложится, и ничего уже не сделаешь. Не дай тебе бог это испытать когда-нибудь, как это ужасно: когда и жизни нет, и смерть не берет, хочешь умереть – и не можешь, и знаешь, что жить незачем, впереди – одно дерьм и больше ничего, и каждый день – унижения, унижения, унижения... Вот это – то, что письмо показывают и не дают, – это не унижение по-твоему, нет? От

всякой мрази тут зависишь, а уж что будет на зоне – и думать противно... Увы, много было надежд у меня тем сроком, действительно, – да, видишь, не сбылись они, ни одна, считай, не сбылась – и теперь у меня уже просто не получится себя обманывать, даже если бы я и хотел...

Так что – да, тяжело мне, очень тяжело, но едва ли от ложных надежд станет мне легче. Я просто когда-то, очень давно, решил, что пусть уж, если будут в жизни сюрпризы, то приятные, а не обломы и разочарования. И к религиозным иллюзиям я потому же отношусь отрицательно: это иллюзии, а нужна правда, какая бы горькая она ни была. Я всегда привык просчитывать самые худшие ситуации и готовиться к ним – по кр. мере, хоть подготовлюсь, не будет как снег на голову. Собственно, нет у меня в жизни кого-то или чего-то такого, чтобы я не имел права умереть, – так что чем скорее, тем лучше, только ведь нет ее, смерти, – одни мучения, и каждый день все заново... Есть мать, да, и лучше бы мне не получать этого известия там, где-нибудь в лагере, что она, увы, меня не дождалась – лучше уж я первый... В общем, тоска.

Как я проклиная себя за глупость, за пустые эти надежды на лучшее, на то, что я еще пригожусь тут, что что-то смогу сделать... Надо было все бросать и уезжать сразу же, в 2011-м, как освободился, не ждать ничего!... Будь я проклят, и вся эта нелепая, дурацкая жизнь – тоже... Тошно мне очень, прости, не могу сдержаться... Если доживу – уеду, конечно, хоть остаток жизни, м. б., проживу по-человечески... Действительно, так всего не выдержать – прямо и открыто глядя этой жизни в глаза, без иллюзий и сладких сказок. Но я двуличный, видимо, – все это выдерживаю почему-то, вот уже 2-й срок, никак не сдохну, не сойду с ума и т. д. Видимо, я – живое опровержение твоих слов и широко распространенного мнения о пользе религии.

„Суд“ этот надо будет использовать по максимуму как трибуну – я постараюсь, но очень была бы кстати любая информационная поддержка с воли. М. б., люди, считающие меня своим другом, все же в этот последний оставшийся месяц-полтора постараются

все же хоть что-то сделать? Как там Антоша, дали ли его усилия результат? Пусть он мне напишет.

...

Счастливо!

Твой Борис Стомахин, политзаключенный

16.7.13, СИЗО „Медведково“, Москва

ЕЛЕНЕ МАГЛЕВАННОЙ [1.10.2013]

Привет, Лена! Очень рад твоему наконец очередному письму.

Вот она, значит, Лиза-то какая! Суровая, значит, мадам!.. На фотке последней она просто шикарно смотрится, я в восторге. Мою, видать, не зря она мне напоминает, хотя короткошерстная и с белым галстучком, – моя тоже могла так лапой врезать, будь здоров, если ее не так возьмешь, не говоря уж – переворачивать ее там, или что-то в таком духе, с ней о подобных вольностях и речи быть не могло!.. Кстати, заметил я, что почему-то мне именно кошки, женского пола, нравятся больше, и когда моя там, в Буреполоме, окотилась, – ну естественно, все вокруг с типично зковским грубым юмором стали спрашивать, от меня котятка или нет.

23-го, да, не было на суде ничего особенного, отложили до 8 октября из-за неявки свидетеля обвинения – того самого стукача Носикова, которого Майсурян прозвал Доносиковым и по чьему доносу я, собственно, и сижу. Но в ходатайстве о возврате дела прокурору „судья“ уже успел Трепашкину отказать, хотя тот на все 100% обосновал, что оно в том виде, как есть, не может рассматриваться в „суде“. 8-го октября Трепашкин может быть в отпуске, так что могут опять отложить – ну и прекрасно, торопиться мне некуда, хотя, конечно, мотаться каждый раз в „суд“ тяжело – с 6 утра и до 11–12 вечера продолжается этот процесс...

Депутата, к которому Ефимов обратился, я не знаю, но все равно, передай Максиму мою огромную благодарность за все его усилия. М. б., и будет какой-то ответ, Эстония ведь из всех прежде

оккупированных Москвой государств, считай, ушла на Запад дальше всех. Да и сам Максим – честно говоря, для меня очень приятным сюрпризом были его теплые слова, когда его первый текст я получил от Майсурына; я прямо никак не ожидал, что есть и из русских, недавно еще живших в России, люди, которые меня не ненавидят и не плюют в лицо, как вся эта местная „оппозиция“, сторонники Навальных, Немцовых, Яшиных и пр. швали. А я о нем узнал, увы, только когда к нему с обыском пришли, я из его „ЖЖ“ [LiveJournal] инфу тогда срочно повесил у себя. Да, раз он петрозаводский – спроси у него, знает ли он в Петрозаводске Вадима Штепу, что о нем думает и не общаются ли они сейчас? Тот тоже, в принципе, наш человек, и даже лично мы с ним один раз в Питере виделись, но что-то по мне он ни слова за 10 мес. не сказал, по-моему. Ты не знаешь его, кстати?

...

Пикет в 1 человек – это одиночный пикет, есть такая самостоятельная форма деятельности, собственно, в России теперь только одна и осталась, т. к. на него не требуется заранее никаких разрешений получать. А когда я в 1997–2004-м сам в Москве кучу пикетов организовывал, я считал, что пикет, на который не стыдно приглашать журналистов, начинается с 5 человек, у меня была вот такая планка. Хотя, конечно, это *minimum minimumum*, 10 человек, естественно, выглядят круче, чем 5.

Там, кстати, Корб мой портрет в трафаретном варианте нарисовал, ты видела? Говорит, что хорошо бы этот образ использовать в кампании, сделать узнаваемым и т. п. Так что если у вас там будет народу хоть сколько-нибудь, не только ты, то можете этот портрет распечатать и тоже использовать. Миша Агафонов, говорят, 23-го сент. с ним у „суда“ уже стоял – я, правда, не видел; спроси у него, нет ли фоток, пусть пришлет.

...

Трепашкин, да, наконец появился, приходит в „суд“ на заседания, но зайти в тюрьму со мной поговорить – хоть убей, не хватает у него времени; а у меня к нему куча вопросов, которые в „суде“, естественно, не обсудишь. Глупо ужасно, только обнадеживает, обещал уже в последний раз не просто 5 [лет], а от 3 до

5, представляешь? Я лично в это решительно не верю, боюсь, меньше 7 лет я там не получу. Да, кстати, почему бы вам в посольство не передать какой-нибудь текст, заявление и т. п.? Я часто так делал в прошлой жизни – другое дело, что у нас была, типа, организация, а если ее нет, то надо думать, от чьего имени писать, кто это подпишет, – м. б., кто-нибудь из известных людей.

Ладно, это пока все. Спасибо тебе за письмо и за все, что ты делаешь!

Твой Борис Стомахин, политзаключенный.

1.10.13, СИЗО „Медведково“, Москва.

ЕЛЕНЕ МАГЛЕВАННОЙ [20.4.2014]

Привет, Лена!

Пишу тебе накануне „приговора“; если сегодня не отправлю, завтра допишу, сколько мне дали. Впрочем, ты и так уже будешь знать. Читала ли ты уже мое последнее слово на „суде“? Что ж, вечная память Донне. Не хотел я тоже в это верить, но уж если КЦ... Как зовут нового Амира, напиши, pls.

За похвалу в адрес сайта stomahin.info, спасибо, я делал его сам, лично. Вел я его сам, а вот хостинг предоставил мне мой старый приятель, знакомый по 2000–2004-м по Беларуси, ныне он давно уже в США. Если найдешь его сама – хорошо, я-то тебе могу дать имя и e-mail, вопрос только, не вызовешь ли ты у него подозрений. Только если удастся тебе с ним договориться – я тебя очень прошу, сначала согласуй со мной, что, куда и в какой очередности ты будешь вешать. В принципе, стихи собрать и выстроить по хронологии тебе будет нетрудно, остального там вообще будет немного, но, скорее всего, еще одну рубрику слева надо будет ввести, да и сверху в бегущей строке написать кое-что другое. Надо будет нам с тобой согласовать все – и вперед, за работу! Да, для простоты тебе сразу – для стихов с заголовком и без заголовка возьми **2** разных шаблона – просто файлы с сайта

сохрани – чтобы меньше потом возиться по ходу замены текстов. Просто ставишь в ту же разметку другой текст, и все...

Через общих ФБ-знакомых [знакомых по „Фейсбуку“] тебе до Яроша так добраться и не удалось? От Медуницы так и нет ответа? Что ж, очень жаль. Там, на этом сайте „Правого сектора“ вообще обратная связь с ними предусмотрена? Очень хорошо, что marsho.net теперь в таких надежных руках, я очень рад. Но – неужели так подешевел этот хостинг? Раньше, в 2012 г., по словам Михилевича, он 100 баксов стоил...

Ты все-таки напиши, много в ЖЖ тебя читает народу? Из известных – как нормальных, так и троллей – есть кто-нибудь? Судя по тому, что о тебе уже были какие-то „разоблачительные“ статьи, еще на воле я их читал – за тобой наши „друзья“, в том числе и сетевые, тоже пристально следят.

Я как раз тут хотел тебя попросить еще кое-что закинуть в рассылку, ну и в ЖЖ заодно, если ты не против. Тут у меня „приговор“, они, мрази, меня прессуют, сажают, а меня что-то разбирает бить по главной идеологической подпорке, на которой держится весь их режим. Короче, если что, у тебя должно получиться 7 строф по 5 строк в каждой, называется оно: „Советским „ветеранам““.

Вы не „освободители“, о нет!

Вы оккупанты хуже, чем нацисты!

И 60 миллионов на тот свет!

(Всем выкопанным в Виннице – привет!)

Отправил Сталин ваш легко и быстро.

Каратели из банд НКВД,

Заградотрядов горе-“ветераны“,

Подонки и рабы – всегда, везде,

Будь то на суше, в воздухе, в воде, –

Парадом тупо прущие бараны,

Европе не свободу вы несли, а геноцид и рабство в 45-м!

(А что другое вы нести могли?)

Насильники и до чужой земли Охотники...

„Победою“ проклятой своею до сих пор гордитесь вы,

Не стОящие званья человека,
Рабы от Сахалина до Невы,
И тем, что навязали власть Москвы
Европы половине на полвека.
Когда на Запад бешеной ордой
Пошла лавина орков краснозвёздных,
Свой Мордор на штыках неся с собой,
И одного захватчика другой
Сменил – уже спастись было поздно.
И Венгрия, и Польша, и Литва,
Кавказ и Украина – все хлебнули...
Будь прокляты Россия и Москва!
И лишь „лесные братья“ и УПА –
Герои, чей ответ чекистам – пули!
И по сей день расстрелами смердят
Медальки ваши все с усатой харей.
И путинский лизать вы рады зад,
И Крыма одобряете захват...
Плюю вам в морды, сталинские твари!
В конце дата: 15.4. 2014.

...

Ужасно глупо все это получилось... Строганов вот обещает, что скоро здесь будет революция, президентом станет Навальный, и меня выпустят... Но что-то в такой исход мне не верится...

Ну ладно, пока это все, наверное... Завтра – „приговор“...
Счастливо! Пиши, я всегда очень жду.
Твой Борис Стомахин, политзаключенный.
20.4.2014, СИЗО „Медведково“, Москва.

ЕЛЕНЕ МАГЛЕВАННОЙ [18.12.2014]

Привет, Лена!

...

У меня вроде ничего, доехал живой, этап на сей раз длился всего неделю, обошлось легче, чем летом. А что за новое дело, ты разве не знаешь? Это же то самое фээсбэшное третье дело, 4.4.2014 г. заведенное, по которому у матери моей 10.6.2014 г. обыск дома был. Вот сейчас меня по нему на следственные действия привезли, что-то вроде очных ставок. Ничего у них, по логике, нет и не может быть против меня, но – боюсь, что наматают мне сейчас по беспределу еще один срок, увы. Так просто возить в такую даль, чтобы 1 раз выдернуть и отправить обратно было бы нерационально, по-моему. В общем, посмотрим; а сегодня, вот только что, тут администрация СИЗО меня вызвала и официально подтвердила все мои профучеты, сообщи об этом в рассылку, pls.

Очень тебе завидую, твоим путешествиям по Европе. Мать мне писала, что ты в Греции была не так давно, да? А теперь вот в Германию. Расскажи, что и кого из интересного и интересных людей там увидишь. Ш., м. б.? Большой привет тогда ему от меня.

Да, и конечно же, горячий привет Сергею Крюкову и пожелания стойкости и мужества во всех этих испытаниях. Его еще не начали „судить“, нет? И всем в рассылке скажи, что я очень прошу найти и прислать мне его статью обо мне, которую теперь ему тоже инкриминируют. М. б., Майсурян найдет и пришлет, а м. б., и еще кто-нибудь, и продублировать, думаю, было бы не вредно. Я очень благодарен Сергею, передай ему, что он писал обо мне, пока сам еще был на воле.

Получил сегодня, 18 дек., уже 1-ю передачу от Лены Морозовой. Спасибо ей, но передай, pls, пусть она у моей матери уточнит, что мне надо, а что – нет, а то она и то, и другое взяла, и причем все – в 1 экземпляре. А мне хлеба „Харрис“ (а к нему колбасы и чипсов нужно побольше, а морс и мандарины не нужны вообще). Да, и стуженки, пока у меня есть кофе, желательно брать побольше.

Принесли очень быстро, но пусть состав заказа у матери она уточнит.

В общем, такие вот дела. Если не намотают еще, то 1612 дней мне осталось. Плохо, правда, что посадили тут, в „пятерке“, в общую камеру, на 16 человек (шконок), но пока (2-й день) вроде терпимо и тут, что будет дальше – не знаю. Жду тут Каретникову с нетерпением.

...

Прессовать меня в лагере, сажать в ШИЗО, СУС, ПКТ, конечно же, дана была команда от ФСБ, и она же ведет это „третье дело“, так что ничего хорошего, никакого снисхождения ждать не приходится. Так что вся надежда – на международную кампанию в защиту – ХОТЯ БЫ СЕЙЧАС, по „3-му делу“, и раз уж сейчас ты едешь по Европе, то на тебя все мои надежды, что тебе удастся хоть как-то эту кампанию раскрутить, активизировать, тем паче что международная обстановка сейчас как никогда благоприятна: мир наконец-то стал понимать, что такое Путин и московский реваншизм.

Пиши мне, pls, все новости, особенно по нашей оппозиционной тусовке, а то тут я не знаю ничего, только по ТВ пропаганда льется. Если кого опять сажают или прессуют, сразу пиши мне, pls! Хочется мне ощущать себя членом этой большой семьи, так гораздо легче...

Всем друзьям – огромный привет! И в рассылках, и так, если кто меня помнит. Между прочим, в лагере на твоём последнем письме и письме от Ефимова из Эстонии мне лагерная цензура, представь, написала: „При переписке требуется разрешение“. Наглость какая, а? И когда туда вернусь, м. б., мои к тебе письма вообще не будут отправлять, и вообще никому вонне РФ.

Заранее тебя поздравляю с Новым годом. Матти, Лизе и Абреку большущий привет!!

Всего тебе наилучшего! Пиши, очень жду твоих писем!

Твой Борис Стомахин, политзаключенный.

18.12.2014.

ИГОРЮ ШЕСТКОВУ [1.6.2014]

Здравствуйте, Игорь!

Получил и прочел книжку Ваших рассказов (а также и открытки), очень Вам за нее благодарен. Больше пока ничего не получал, но – м. б., еще получу. В принципе, вещи у меня практически все есть, так что мне гораздо важнее книги, пресса, новости, информация и т. д. – если уж что-то специально слать мне из Германии.

Очень Вам благодарен также за желание угостить меня кофе с пирожными после прогулки по Унтер-ден-Линден. Надеюсь, когда-нибудь нам с Вами предоставится возможность и вправду там прогуляться, если я переживу этот срок, – в „темном царстве“ я уж конечно не останусь, хватит!.. Ваши рассказы – о, как они напоминают мне ту атмосферу, советские глухие 80-е, которые я тоже помню, хоть я и моложе Вас... Умер Черненко, началось новое время, сколько было надежд, какие митинги – по миллиону человек иногда!.. А теперь тут опять все по новой, и не такое глухое, дряблое и умирающее, не одряхлевший совок, как в 1985 г., а бодрый, свежий, агрессивный, остервенело-наступательный – он захватывает чужие земли, вновь учит весь цивилизованный мир, как надо жить, и фюрер тут теперь вовсе не дряхлый, не медленно загибающийся под капельницами, а... ну да Вы и сами все это знаете.

Я имею возможность иногда читать распечатки комментариев на „Гранях“ после статей Веры, Санниковой и пр., касающихся меня, в т. ч. и Ваши комментарии тоже. Так что, уж извините, – да, только напалм!! Да, я нажал бы кнопку не колеблясь, если бы она у меня была. Что Вас так смущает, почему Вы против? Судьба ничтожной горсточки нормальных людей, еще остающихся здесь, Вас смущает? Увы, эта горсточка столь ничтожна, что находится в пределах статистической погрешности, о ней просто нет смысла отдельно говорить, обсуждая участь огромной империи в 1/7 часть суши и 140 миллионов нечисти в ней. По-хорошему, я бы всем оставшимся нормальным людям посоветовал бы поскорее отсюда уехать, как советовали и мне, а при наличии

возможностей – просто организовал бы операцию по их эвакуации, вывозу на Запад. Чтобы уж оставшуюся биомассу – без всякой пощады!.. Вот не знаю: приезжали ли Вы сюда после 1990 г., особенно же последние 14 лет? Если нет – боюсь, даже при всем прежнем опыте Вы не вполне представляете, что здесь сейчас творится. Так что – жалеть тут некого и не за что, увы...

Передавайте привет Браиловскому – и заодно скажите, что мог бы он мне сюда и написать, есть же электронное „fsin-pismo“. Адреса его у меня нет, так что я ему написать не могу. Вы, конечно, знаете, что он мой бывший одноклассник, в 1987–1989-м мы с ним учились в Москве в одной школе?

Я очень рад, что познакомился с Вашими рассказами, они очень много добавили к моему внутреннему духовному содержанию и пониманию окружающего мира, истории этой страны и ее психологии, ее прошлого и будущего. Еще раз – спасибо Вам!! Есть ли у Вас еще книги, которые можно было бы мне сюда прислать?

Заодно – сам я все 20 месяцев, что был на воле между сроками, все искал себе издателя, у меня на 3, на 4 (теперь уже) книги лежит материал. Публицистика, стихи, дневник за 1-й срок... Если интересно, все это есть на <http://stomahin.info> – все, что я туда вешал до ареста, до 20.11.2012 г., то бишь; а скоро, м. б., там будет и написанное уже после этой даты. Так вот: не знаете ли Вы какого-нибудь издателя – в Германии, в России, где угодно, – который взялся бы издать что-нибудь из всего этого? Если будет предварительное, принципиальное согласие, то все детали можно будет обсудить и уточнить, но я сам ни в России, ни в Европе, ни в США не нашел в 2011-м никого, кто изъявил бы хотя бы предварительное согласие...

Вы, конечно, слышали, что в августе 2013 г. был провозглашен Международный комитет в мою защиту. Не сказать, чтобы он с тех пор так уж активно действовал, но все же... М. б., Вы тоже войдете в его состав? Тем паче из Германии там, насколько я знаю, пока никого нет. Я могу рекомендовать Вас Виктору Корбу, координатору комитета, да и сами Вы, если согласны, можете ему об этом написать со ссылкой на меня.

В общем, такие вот дела... Я рад, что могу пообщаться с Вами, почитать Вас: для меня Вы, можно сказать, пример нормального разумного человека, который уехал из этого гиблого болота, как только это стало возможно, и вот уже почти четверть века живет в свободном мире – живет свободной, разумной, осмысленной, устроенной жизнью, живет так, как и должен жить человек, осознающий свое человеческое достоинство, из своего далека не без интереса взирая на всех нас, кто продолжает копошиться в этом болоте... Вспоминается мне тут анекдот: Как должен говорить умный еврей с глупым евреем? – По телефону. Из Израиля.

Увы, ум, как и жизненный опыт, приходят не сразу, и я вот уже 2-й срок, а если все в сумме брать, все мучения не только в тюрьме, но и на путинской „воле“ („большой зоне“) суммировать, вот уже 10 лет я расплачиваюсь за свои наивные юношеские надежды – хоть что-то в этой стране изменить...

Что ж, уважаемый Игорь, пока это, наверное, все. Очень буду рад, если Вы ответите на это письмо, м. б., пришлете еще какую-нибудь свою книгу.

Мои перспективы пока туманны: если по новому, в марте 2014-го заведенному ФСБ-шному делу не намотают мне еще несколько лет, что вполне возможно, то, значит, осталось мне „всего“ 4 года и 11,5 месяца – и скоро, этим летом, думаю, меня увезут в лагерь (куда – естественно, не знаю).

Всего Вам самого наилучшего!

Ваш Борис Стомахин, политзаключенный.

1.6.2014, СИЗО „Медведково“, Москва.

ГЕННАДИЮ СТРОГАНОВУ [11.4.2014]

Здравствуйтесь, Геннадий! Очень и очень рад Вашему письму!

Пост Шехтмана обо мне я уже читал, хотя не думал, что с лимоновцами у него все так серьезно. :) В смысле – я уже слышал, что лимоновцы побили его 31 марта, но не думал, что аж

специально шли за ним после акции для этого. Вообще же – жаль, жаль, что все так получается, ибо по всему остальному, что писал Шехтман в сети, пока я 20 месяцев был на воле, я считал его одним из своих наиболее близких единомышленников...

Кстати, эта Елена Ткач – я о ней много слышал, а вот кто ее муж? Не Роман ли его зовут? Человек по имени, кажется (если не путаю), Роман Ткач был некогда, в 90-е, руководителем организации (опять же – если не путаю) „Молодежная солидарность“, бывшей одно время чем-то вроде молодежной организации при ДС Новодворской. Жил где-то в районе Пушки. Не та ли это самая семья?

Из того, что Вы упоминаете из написанного Низовкиной за это время, я тоже бóльшую часть текстов читал. Пишет она круто, честно скажу. Все, что она пишет о Бурятии как независимой республике, о бурятском языке и т. д., я категорически поддерживаю. Единственная, правда, незадача – Бурятия, насколько я знаю, ни в каком виде не объявляла о своей независимости или о чем-то подобном – теоретически там может возникнуть некий парламент, типа крымскотатарского меджлиса, и объявить о независимости, но, по-моему, буряты как нация до этого еще не доросли. Или было что-то подобное, не знаете? А вот за что я их [Низовкину и Татьяну Стецуру] не раз критиковал – м. б., Вы читали? – так это за их, как я называю, „народничество“, будь то борьба против закрытия школ в Бурятии или же их работа в Крымске. Просто – есть время собирать и разбрасывать камни, и сейчас, на мой взгляд, время как раз разбрасывать. Не удивлюсь, если после этой моей критики они со мной и вообще общаться не захотят – хоть я-то к ним отношусь с глубоким уважением и считаю своими близкими единомышленницами и коллегами.

С книгами тут действительно проблемы – официально не принимают, м. б., можно при желании договориться неофициально, но прошлым летом их приняли – и потеряли, я их так и не получил. Библиотека местная носит всякую ерунду, к тому же очень редко; читать нечего, Вы правы. Но – мне письма важны не только поэтому, но и из-за жгучего интереса к происходящему на

воле; плюс – очень важно для меня чувство принадлежности к диссидентскому сообществу, к людям, которые разделяют и мои убеждения, и мое отношение к официальной „оппозиции“ – в этом смысле горячо поддерживаю то, что Вы пишете об этих Рыклиных и пр. Вообще, по-моему, украинская революция должна была максимально ярко высветить имперство и великодержавный шовинизм всей этой официальной расейской „оппозиции“ – Немцовых, Навальных, Яшиных и пр., даже если они по чьему-то приглашению и ездят в Киев. Нет там такого, на воле? А с другой стороны – чью-либо из этого круга дружбу с лимоновцами я вообще никогда не понимал. Сам я писал о них еще в 2005-м – не читали? – а теперь эти мои старые тексты цитирует Жеребин – в том смысле, что никакой союз либералов и лимоновцев не возможен, что лимоновцы нас просто хотят использовать, что в 2011-м, что ли, году блестяще подтвердил сам Эдичка – в Сеть попал кусок его выступления перед своими по поводу „сраного Касьянова“, помните? Неужели Вы правда считали их какое-то время назад „серьезной оппозиционной партией“? А те, кто сейчас от него откололся, – какое у них политическое лицо? Не такое, как у Эдички, но, боюсь, и от нас это все весьма далеко – нечто межеумочное, нет? Можно ли на этих людей рассчитывать в смысле борьбы не за „великую Россию“, а за что-то иное?

Ничего нового вся эта мразь не придумывает – вот, эта инициатива 5 лет давать за 3 нарушения адм. 20.2 [статьи 20.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях] – это же бывшая ст. 200 УК РСФСР! [В действительности – статья 200.1.] Вы Женю Фрумкина знаете? – он старый активист ДС, с 1989 г., и на него в 1995-м заводили дело по 200-й за митинги. Все возвращается, увы...

Честно говоря, Вашей уверенности, что 7 лет мне сидеть не придется, я не разделяю, как и уверенности в действенности санкций. Увы, санкции пока абсолютно беззубые (визовый список без Путина – это ж просто смех!..), а система тут, внутри, чувствует себя вполне уверенно. Что же до Навального – я уже где-то писал, что даже если эта тусовка победит и захватит всю

власть, то меня все равно не выпустят. Кто я им, в самом деле?.. Хотя – если честно, не вижу я в обозримом будущем никаких шансов для Навального. Путину только 62, он вполне крепок, у него официально 10 лет впереди... Боюсь, система эта тоже достаточно крепка и уверена в себе, просто так ее не скovyрнуть, и даже за попытки осмыслить, продумать методы реальной борьбы с ней – она сажает...

Видимо, тут, в России, никаких перспектив у нас нет, так что остается только поддерживать украинцев, грузин и т. д. Вот в „Правый сектор“ и в ВО „Свобода“ вступить мне очень охота. У Вас нет там знакомых, с которыми можно было бы об этом поговорить?

Счастливо! Всего наилучшего!

Ваш Борис Стомахин, политзаключенный

11.4.2014, СИЗО „Медведково“

Р. С. А какого Подрабинека мемуары – Александра или Кирилла? На крытой вроде Кирилл сидел? Или же оба? И – на сутках радио на ночь-то не выключают? А свет?

ГЕННАДИЮ СТРОГАНОВУ [21.4.2014]

Здравствуй, Геннадий! Да, жаль, на последнее слово Вы ко мне не попали, оно даже мне самому понравилось!

О Роме Ткаче – да, я слышал еще 15 лет назад, что еще в 90-е руководил он этой „Молодежной солидарностью“. Сколько ему лет, кстати? Про „Русскую планету“ я что-то слышал, но больше – про Пряникова этого. Он же, помню, в 2012 г. в „КС оппозиции“ вместе со мной баллотировался, еще какой-то чудной имидж, помню, у него был. Ко мне вроде бы он нормально относился, писал что-то в мою защиту. Так что странно, почему ж сейчас сайт его о моем деле не пишет.

Что „Коммерсант“ обо мне вдруг написал, я просто поражен! С чего бы это?! Большая хоть заметка-то была? М. б., Вы бы мне ее привели, надеюсь, влезет? Там был какой-то парень с

ноутбуком, с виду журналист, мне незнакомый, и – до моего последнего слова он не досидел, ушел раньше.

Насчет „народничества“, любимого Надей и Таней [Низовкиной и Стецурой], – нет, не надо на это тратить силы. Такая тактика именно что противоречит стратегии. Тем паче – если, как Вы пишете, опекаемые ничему от „народников“ не учатся и ничем им самим помогать не хотят. Нет уж, еще несколько лет назад сформулировал я самый революционный лозунг для этой страны эпохи путинщины – „Доктор сказал: В морг! – Значит, в морг!“ – и считаю правильным именно его придерживаться. Как Вам такой лозунг, кстати? Как и – очень годится на знамя, по-моему, старый, еще 1993 г., лозунг Новодворской, точнее – фраза из ее мемуаров: „Пойдем против народа, мы ему ничем не обязаны!“ По-моему, последние телодвижения „народа“ в виде реакции на Крым, роста рейтинга Путина, идиотских результатов соцопросов – что, мол, гомосексуализмом можно от кого-то заразиться, и так считает более 60% этих идиотов, – полностью еще раз оправдывают такой подход к нему.

Эдичка – да, тактик хороший, и я его неуход на Болотную в декабре 2011-го тоже оценил. Другое дело – о стратегии его последние годы все как-то подзабыли – все эти „Сталин, Берия, ГУЛАГ!“ еще с 2001 г. они стали маскировать, объявлять себя этакими демократами и правозащитниками. И вот теперь Жеребин издевательски пишет, что тем, чья полит. биография начиналась в 2005–2011 гг., надо бы почитать, поинтересоваться историей партии и ее реальными лозунгами. Все возвращается на круги своя, и я лично никогда и не забывал про их истинное лицо. А в 2009-м, когда они в Сахаровском центре только в первый раз собрались обсудить идею С-31, – кто-то там публично упомянул мое имя среди остальных политзэков – и Вы бы слышали, *что* началось!.. Сам Эдичка потом в паре статей об этом собрании от меня отмежевывался – мол, сидит Стомахин, и пусть сидит!.. Так что никакой рефлексии, никаких сожалений я не испытываю по его поводу. Да, забыл: у меня же, можно сказать, аж 2 медали на груди: в 2011–2012-м был забанен в „ЖЖ“

у Лимонова и у Вассермана! Раньше это были вроде как противоположные полит. направления, но теперь они слились...

Очень поразил меня, скажу честно, Ваш прогноз еще в прошлом письме – насчет революции, Навального и т. д. М. б., я в тюрьме, с этим быдловидением в качестве основного источника информации, отстал от жизни, потерял связь с реальностью? Просто – м. б., Вы видите какие-то признаки надвигающейся грозы? Поделитесь тогда, pls, ужасно же интересно! Я пока вижу только разгул реакции на укр. революцию, Крым, по поводу которого патриотический угар, и т. п. По давней местной традиции, режим не может поменяться без смены первого лица, а оно, по-моему, сидит очень крепко, рулит уверенно и никаких угроз себе не ощущает. Уже после спада „болотной“ активности сказанные, вспоминаются мне частенько слова Чубайса: „Этот поезд назад не едет“, – но и такой крупный аналитик, как Чубайс, черт его знает, может ведь ошибаться?! Или нет? В общем, не вижу я пока никакого просвета, хотя и очень хочу его увидеть; запросили мне аж 10 с половиной лет, а не 7, так что...

Да, личные радиоприемники, думаю, сложнее отключать или глушить, чем проводное радио. Дома я ТВ не смотрел, жил в интернете; по итогам полутора лет просмотра и прослушивания всех каналов рос. ТВ могу уверенно сообщить: все его каналы рассчитаны на быдло и функционируют только для быдла, для тупых, безмозглых, бессмысленных идиотов, из коих, собственно, и состоит население как России, так и СИЗО „Медведково“. Не знаю, насколько уж радио лучше. А что свет гасят [на ночь в спецприемниках для административно арестованных] – это очень хорошо, я измучился той зимой спать при свете на том корпусе. Я-то, наоборот, рад, когда пораньше его гасят, тут такое бывает изредка (а то и на час с лишним могут опоздать, забыть просто).

Тупик, полный тупик, короче. Вы, наверное, читали уже за эти год и 5 [месяцев заключения] мои вопросы ко всем друзьям: что же делать, какие у кого есть идеи? Что Вы лично думаете о дальнейшей тактике? (Исходя из стратегии, которую я выше

в лозунгах описал, – но можно ли тут подобрать какую-то иную адекватную стратегию?) Если даже я и доживу до конца срока и уеду – все равно, бросить тут все, простить им все это, что они со мной сделали, – ну уж нет!! Поэтому – меня интересует даже не столько судьба России, а – что конкретно МЫ можем сделать, дабы повлиять на эту ее судьбу? Что делать? – вот сегодня важнейший русский вопрос...

Ладно, пока заканчиваю. Надеюсь, увидимся завтра [на оглашении приговора]. Пишите, я всегда жду!!

Счастливо!

Ваш Борис Стомахин, политзаключенный

20.4.14, СИЗО „Медведково“ [в дате ошибка: письмо написано 21.4.14]

ГЕННАДИЮ СТРОГАНОВУ [29.12.2014]

Здравствуйте, Геннадий! Наконец-то и от Вас письмецо!

Предъявили мне – да, 205.2, ч. 1, эпизод только один – по Царицыну [текст о терактах в Волгограде]. Больше к делу никого привлечь не смогли, как я понял, – упоминается лишь „неустановленное следствием лицо“; к тому же, сидя в СИЗО, я „публично оправдания“ совершить никак не мог, алиби железное; – но абсолютно не сомневаюсь, что года 3 минимум мне сейчас наматывают, если не все 5... Если уж решились слать такую стряпню в свой „суд“ – там им отказа точно не будет...

Дай бог, чтобы все сбылось, как Вы говорите, и довелось мне освободиться пораньше – не в 2015 г., так хоть в 16–17-м. Но пока что-то верится слабо, особенно в свете грядущей добавки к сроку. Такие вещи происходят всегда неожиданно, мне кажется, а вот когда их ждешь – не происходят.

Спец, где я сейчас сижу, – это 4 крохотных камеры на 2 человека каждая, но раньше, в 2006-м, были они 4-местные, со мной сидел человек с этого спеца. Вообще спец – это для особо опасных, всяких VIP-персон и т. д. – крупные бизнесмены,

чиновники, воры в законе (их *только* на спецу и держат!) и т. п. Контроль здесь гораздо плотнее, бывают видеокамеры (у нас тут их пока нет), „дороги“ технически невозможны (окно сеткой затянуто, например) и т. д. Бывает, что и режим строже, чем в „больших хатах“. Скажем, там я неделю просидел – ни о каком дежурстве речь не шла, а тут требуют расписываться в журнале, что ты дежурный. Мы оба отказываемся – за это одна смена уже пообещала меня в „большую хату“ отправить, а мне этого страшно не хочется – ни опять с кучей барахла по централу таскаться, ни с уголовниками сидеть, которые тут же начинают деньги вымогать и „понятия“ свои навязывать, от которых меня тошнит. Впрочем, на 1-м этаже, где мы сидим, идет ремонт, так что были слухи, что, когда он доберется в наш конец коридора, нас всех все равно выселят – просто из-за ремонта камер, хоть это и идиотизм. Сижу, нервничаю теперь еще и по этому поводу, вспоминаю тот срок – нервы у меня тогда вот именно по подобным поводам были истрепаны страшно...

Порадовали Вы меня, что акции какие-то еще проходят, не все окончательно заглохло, как я думал. Уходить, не давать себя свинтить – тактика правильная, если только это удастся. Году в 2002-м мы, помнится, посольство какое-то вот так пикетировали (по поводу Закаева, если не путаю) – пришли, достали плакаты, журналисты нас снимают, а ментов – НЕТ!!! Постояли какое-то время, решили, что достаточно, – и ушли! Тогда, по опыту предыдущих попаданий в ментовки, для меня это было пора-зительно; сейчас, м. б., еще поразительнее, когда такие вещи 2 раза подряд удавались Вере со товарищи. Если успели сделать хоть несколько фоток, то, можно считать, задача выполнена, самим рваться в ментовку не стоит.

Это, конечно, приятно, что люди из „Агоры“ подключились к моей защите, тут Вы правы. Хотя – с „Агорой“, можно сказать, у меня не было до сих пор ни контактов, ни конфликтов; я о ней много слышал отовсюду, но никаких поводов мне о них или им обо мне высказываться не было. А вот „Мемориал“ и „The New Times“ как стояли на своем, так и стоят, особенно последний. Честно говоря, изменение ИХ позиции насчет меня я бы счел

более яркой приметой, что что-то меняется в этой стране. Но „НТ“ пишет о ком угодно, только не обо мне, даже в итоговом номере за год...

Насчет „народа“ – ну а как к нему еще относиться? В том-то и дело, что после великих надежд и великого энтузиазма 1991 г. все опять вернулось назад, в исходную точку, с 1994-го уже пошла явственная обратная волна, в 1996-м Зюганов был близок к победе на през. выборах... Ну и кто во всем этом виноват?! Кто массово предъявлял уже тогда спрос на имперско-реваншистскую, великодержавную и т. п. риторику и политику? Не одни же бывшие аппаратчики КПСС, они бы одни это не потянули. А когда в сент. 1999 г. после знаменитой фразы о „сортире“ през. рейтинг Путина за неделю подскочил с 2% сразу до 7% – это кто виноват?! И я не стал бы так уж пренебрегать данными соцопросов: я помню, перед думскими „выборами“ 2011 г. в Сети публиковались из разных городов данные независимых, альтернативных официальным, соцопросов – и эта альтернативность была несомненной, ибо по их данным вместо „Единой России“ 1-е место везде занимала КПРФ! Так что главная проблема этого „народа“ – не только в нынешней массовой поддержке Путина, а в том, что он вообще, по умолчанию, обычно настроен мракобесно и реакционно, и за недостаточность этой реакционности обычно хает и поносит Путина. Допустим, надо было не только Крым, а всю Украину захватить, и еще Прибалтику в придачу; или – не одного Ходорковского, а всех „олигархов“, и не посадить, а расстрелять...

Думаете ли Вы, положила руку на сердце, что с таким материалом, в такой среде имеет смысл что-то делать и рассчитывать чего-то добиться? Мой опыт и интуиция говорят мне, что это безнадежно. Уехать-то, если доживу, я хочу не поэтому, а просто чтобы не сидеть раз за разом весь остаток жизни, – но здешняя биомасса безнадежна, в этом по наблюдению и общению с ней в тюрьмах и лагерях я убедился, как никогда бы не смог на воле. Если они массово ненавидят Путина и хотят Сталина и СССР – для Вас это подходящая почва, чтобы работать с ними, что-то объяснять, на что-то организовывать? Для меня – нет. А массово любить

свободу, да еще как я ее понимаю, – увы, они не могут по причине очень простой: они – генетические рабы во многих поколениях.

Что остается делать, какой *minimum minimorum*? Очевидно, только обращаться к „своим“, к очень маленькому меньшинству нормальных людей, еще тут остающихся, – и ЕГО пытаться как-то организовывать против Путина и биомассы – хоть про-, хоть антипутинской. Майсурян в одной дискуссии со мной на эти темы упомянул понятие „малый народ“, любимое антисемитами. Я помню о бритве Оккама, конечно, – но все же, м. б., и впрямь стоило бы это понятие взять на вооружение, обращаться именно к „малому народу“ (не в этническом плане, конечно, а в интеллектуально-культурном, так сказать) ввиду безнадежности „большого“?

От Нади и Тани так и нет никаких вестей? Вспоминаю их частенько, скучаю по ним...

А за что опять посадили Мохнаткина, я толком даже не знаю, расскажите, pls, вкратце. Но, видно, попав раз, не избежать повторений.

Да, сидел я и в большой хате, и сейчас с подследственными и подсудимыми. Но и сам я сейчас – подследственный, стал им через 8 дней, как приехал в СИЗО. А осужденных со вступившим в силу приговором здесь и не держат долго – отправляют в лагерь.

Вот и все, наверное, на этот раз. Всего Вам наилучшего и – с Новым годом!

Слава Україні!

Ваш Борис Стомахин, политзаключенный.

29.12.14, СИЗО-5, Москва.

P. S. Да, „Теленка“ солженицынского я тут нашел и прочел, из списка нужных мне книг его можно вычеркнуть.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ДРУГИЕ ТЕКСТЫ БОРИСА СТОМАХИНА

ПОД ИХ ДУДКУ ПЛЯСАТЬ Я НЕ СОБИРАЮСЬ

О жизни, о зоне и о себе

В ИК-10 прибыл я в ночь на 22 августа 2014 г., 12 дней провел в карантине, потом меня подняли на седьмой барак, это было 2 сентября, если я не ошибаюсь; 1 сентября я разговаривал с опером по фамилии Черников, который потом написал на меня рапорт о побеге и обо всем остальном. Пока был в карантине, в оперчасть меня вызывали 3 разных опера, включая начальника оперчасти и замначальника оперчасти. Они меня вызывали знакомиться с ними. По отдельности. И все со мной беседовали по 2 часа каждый. Через считанные дни вызвали в так называемую безопасность, отдел безопасности, осматривать, есть ли у меня наколки и все такое, описывать и тогда же, не говоря ни слова, поставили меня на профучет по побегу, начали докапываться, чтобы я ходил каждые 2 часа отмечаться. Я сказал, что я ходить не буду.

А уже 8 сентября закрыли в первый раз в ШИЗО. На 15 суток. Под абсолютно надуманным предлогом, что якобы я с кем-то из представителей администрации грубо разговаривал. Грубо и „на ты“. Это самое удивительное, потому что я точно знаю, что „на ты“ я никогда с ними не разговаривал. Ни тем сроком, ни сейчас. Вообще этого не бывает. Вот закрыли. Я отсидел там 15 суток, вышел буквально на неделю, меня закрыли второй раз, на основании того, что я не пошел на хозработы. Я уже числился в графике на эти хозработы, но никто официально меня не извещал не то что под роспись, а вообще никак. Там вешается какой-то клочок с фамилиями, который, можно пройти мимо

и этот клочок даже не заметить, что он там висит и что твоя фамилия там указана.

Написали, что я должен туда идти, я не пошел, я в это время был на приеме у начальника, который сам меня и вызвал. Вернее, не сам он, а его дневальные позвонили, сказали, чтобы я был на приеме. Как раз в это время, когда хозработы. В результате на следующий день вызывают на эту дисциплинарную комиссию, закрывают опять на 15 суток, за отказ от хозработ.

[Когда] вышел оттуда, я уже понимал, в чем дело, я уже знал, что там дальше будет, пробыл „на воле“ еще 6 дней, в четверг вышел, успел сходить в пятницу на короткое свидание с матерью и в следующую среду опять попал на 10 суток в ШИЗО и перевод на 9 месяцев в строгие условия отбывания наказания. Все это опять за отказ от хозработ. Я уже знал, что я на них не пойду и что меня за это закроют, почти не сомневался. Что этот предлог, он катит всегда.

22 августа привезли нас в столыпине на эту станцию Всесвятская, выгрузили. Выходишь из столыпина и садишься на корточка. Я выхожу, зеки уже сидят на корточках, ждут машину этапную. Я сел рядом с ними. Это полночь где-то, темно, холодно, я сижу, у меня нет бирки, на лбу тоже ничего не написано. Мимо ходят эти мусора конвойные, которые должны нас везти. Не те, которые в вагоне нас везли, а те, которые должны нас в колонию везти.

Ходят мимо нас, и вдруг один из них обращается ко мне и спрашивает: „У вас какие – строгие условия содержания?“ – „С чего вы взяли, обычные. А с чего вы взяли?“ – „Да просто, мол, спросил“.

Он еще на станции Всесвятская, как только я вышел из вагона, уже знал, что у меня должны быть строгие условия содержания! Потому он и задал вопрос. Он поторопился и проговорился. Ведь у меня тогда еще не было оснований для СУС. Но прошло ровно 2 месяца с момента моего приезда, день в день – 22 августа приехал, а 22 октября у меня уже строгие условия.

Второй и третий раз меня закрыли за отказ от хозработ. Но, во-первых, ведь я фактически инвалид, хоть у меня и нет справки,

и мой отказ вызван состоянием здоровья. Я ни к какой физической работе был непригоден еще тем, первым сроком. Понятно, что после перелома позвоночника и перелома ноги убирать снег очень трудно. Я ведь до сих пор едва передвигаюсь, хожу с палочкой. Администрация сама это разрешила, так что все она понимает.

А во-вторых, конечно, я не могу скрыть того, что, даже будучи здоровым, я не пошел бы и по принципиальным соображениям. Это было бы уже слишком здорово, чтобы это государство меня сажало ни за что уже второй раз, за мои взгляды и убеждения только лишь, а я еще на него вкалывал после этого. Это было бы слишком хорошо для них. И конечно, ни о каких работах физических и любых других не может идти речь.

Меня поставили на три профилактических учета: по суициду (который, правда, поставили еще в Москве, в СИЗО), потом меня здесь поставили на так называемый постатейный профучет по экстремизму, поскольку я осуждён по этим статьям как лицо, склонное к экстремизму и терроризму. Об этом я узнал только здесь, что есть такой профучет. А также поставили на профучет по побегу, также не сказав не единого слова, тайком, просто на основании рапорта этого опера Черникова, в котором только одна фраза, что я якобы собираюсь совершить побег при первой возможности, хотя на самом деле я сказал абсолютно не так, да и то с юмором больше, чем серьезно.

Но юмор, они, к сожалению не понимают. Они все делают тупо, с серьезным видом. Причем в связи с просчетом по побегу они меня пытались заставить ходить отмечаться в так называемую надзорку, 8 раз в день в течение 16 часов между подъемом и отбоем, каждые 2 часа. Реально там может быть меньше, потому что там можно прийти и один раз расписаться за два прихода или даже за три. Но все равно мне это не надо – бегать туда. Я так и сказал, что я не буду ходить отмечаться, потому что и мне тяжело, и никаких оснований к этому профучету нет. И вообще, под их дудку плясать я не собираюсь. Это была моя принципиальная позиция с самого начала.

И я так полагал изначально, что первые 15 суток я получу в общем-то за это. За отказ от хождения туда, отметания по этому профучету. Сейчас сложно сказать, потому что они нашли более весомый предлог меня закрывать в ШИЗО и перевели меня в строгие условия. Видимо, у них изначально было задание меня держать в строгих условиях, в камерной системе и т. д. Но изначально было вот так.

Экстремизм я не исповедовал и не распространял. Надо отметить, что само понятие „экстремизм“ – это фикция, это просто ярлык, который годится для того, чтобы его вешать на любого несогласного и неугодного властям. Это понятие, не имеющее четкого юридического значения. А во-вторых, в данном учреждении я разговаривал с зэками и говорил им то, что я думаю, не более того. И эти беседы, как правило, проходили вне пределов досягаемости для слуха оперов. Уж я не знаю, донесли ли им и можно ли то, о чем мы говорили, считать экстремистской идеологией или ее исповедованием и т. д. Я лично считаю, что ничего подобного с моей стороны не было. Я разговаривал с зэками о жизни, о происходящем вокруг нас, высказывал свою точку зрения на происходящее.

Возможно, что кто-то донес. Возможно. Но если бы кто-то донес, то там были бы более конкретные формулировки, в этом рапорте. Потому что тут вообще непонятно что имеется в виду. О чем вообще шла речь.

В ШИЗО мрачные условия. Быт у меня в основном здесь... Быт на бараке... не знаю, надо ли об этом рассказывать. Там попроще немножко. Здесь быт очень простой. Эта камера, 6 шагов в длину, 3 в ширину. Она двухместная считается, там двое нар, но на самом деле я там сижу один. В 5 утра подъем, потом завтрак, в 10 утра шмон обязательный, но могут они в эту камеру не зайти, они могут один день шмонать тех, у кого ШИЗО, второй день – у кого ПКТ, третий день – ЕПКТ [единые помещения камерного типа]. Так что не всегда они ко мне заходят, но вообще шмон обязателен каждый день, в 10 утра. Потом в полдвенадцатого уже обед, а потом сидишь, ждешь ужина, сидишь на этой табуретке очень узкой (сидеть неудобно) или ходишь по камере туда-

обратно, 6 шагов от окна до двери. После ужина, часа через три, три с половиной, в 9 вечера после ужина отбой. Опускают эти нары, открывают дверь, дают матрас, ложишься, спишь. Свет не гасят.

Вроде ничего не делаю, но моя проблема в том, что у меня позвоночник сломан, нога сломана, хожу я туда-сюда, болит эта нога, и вообще под вечер ощущение такое, что как будто вагоны целые разгружал. Выматываешься так, что не можешь дожидаться, когда матрас дадут. Днем спать формально запрещается. Реально, там спят, конечно, эки. Они не смотрят так, особо, в эти глазки. Там спят, ничего. За это здесь особо не карают. В больших камерах можно спать на столе. Иногда ложусь я на пол, можно что-то подстелить и лечь, неудобно на полу, противно, но бывает иногда, приходится, когда уже совсем нет сил. Полежу, становится немного легче, но долго я не пролежу. А заснуть я вообще не могу днем. Сейчас, когда батареи более или менее нормально топят, терпимо. С окна, конечно, сильно дует. Но камера маленькая, окно закрыто. В других камерах есть такие, в которых в окне вообще дыра. А тут в одежде, в нескольких слоях — терпимо. Прохладно, но терпимо. Можно как-то жить.

Когда я заехал в первый раз, 8 сентября, еще не было отопления, а уже было здесь холодно. Кошмар! Сидишь, как в морозильнике. Сидел трое суток с лишним, околевал, пока не включили отопление. Сами камеры — „шубы“ нет, побелка на стенах, пачкается. Быт очень незатейливый. Камера на двоих, а столик такой низенький, крохотный, на него две тарелки поставить и все. Повернуться негде. Табуретки как-то странно расположены. Они — и столик, и табуретки — к полу привинчены. Одна табуретка рядом, так что можно есть, сидеть. А другая — на большом расстоянии. Если на нее сесть, то до столика не дотянешься. Я не знаю, как они думали, что люди вдвоем будут сидеть, обедать за этим столиком. Я на той, что дальше, весь день сижу. А обедаю на той, что ближе к столу. Окошко с одним стеклом. Никто даже не думает, что надо вторую раму вставить. Хорошо, хоть его закрыли. Потому что, когда я только заехал самую первую пятнашку отсиживать, в сентябре, оно еще открыто

было. Я тогда долго стучал в двери и орал, чтобы пошли и закрыли окно. Его можно только с улицы закрыть. Его изнутри не закроешь, потому что там короб металлический наварен, и со стороны камеры вообще не дотянутся. Только с улицы.

Самое тяжелое, что нельзя лечь. Сидишь на этой табуретке по 16 часов. Питание дохленькое такое, очень скудное. Иногда картошку дают с чем-нибудь. Иногда обед ничего, но, чтобы целый день было нормальное питание, такого не бывает. У меня, конечно, свои вкусы. Я сечку не ем, допустим. А у них завтрак или сечка, или овсянка, кислый этот хлеб. Он так бесит, кислотина. Почему он на воле не кислый? Здесь он жуткий и в Буреполоме был такой же кислый. Иногда обед ничего. Например, с курицей. Они пишут: „с курой“. Я ухохатывался, когда такое в столовой, в меню вывешивается на день. Здесь меню одинаковое, что там, что здесь. Просто возят из столовой. Там не с курой, а со шкурой. Больше там ничего нет. Или шкура, или кости. Если кусочек мяса найдешь — праздник. Но считается, что что-то мясное дают. Обед — первое, второе, стакан киселя и кусок хлеба. На обед пайка побольше дается. И он чуть-чуть посветлее. Не черный, а такой серый.

По здоровью. Пока я еще держусь как-то. Пока еще меня не окончательно добились. Но вообще тяжело, конечно. Болит спина, вот так вот находишься по камере туда-сюда, вроде ничего так, до вечера ходишь — нормально. Утром встаешь — на ногу больную наступить вообще не можешь. Потом, еще с первой пятнашки, с сентября месяца, как я только заехал, у меня начались боли какие-то с левой стороны в боку, под ребрами. Я достал врачей, давали панкреатин неделю, стало лучше. Совсем они не прошли, но стало значительно лучше. Если будет опять болеть, я опять буду просить. Но это надо каждый раз записываться на прием, ходить просить. А выписывают, как оказалось, только на неделю. Вот неделю он мне давал, а сейчас все. Неделя кончилась. Больше не дает.

Я обращался к врачам с этим, я обращался, когда вышел после первой отсидки, потом в санчасть ходил, потом, когда второй раз заехал, здесь с врачами разговаривал. Они говорят, что это то ли

кишечные колики, то ли что-то еще. Они, естественно, сами не знают, они толком обследовать не могут. Они могут только пощупать, постучать, приблизительно. Это надо то ли УЗИ делать, то ли как-то по-другому обследовать, чтобы точно узнать. А на обследование они не направляют. Они давали мне один раз панкреатин, в другой раз другой врач дал мне ношпу, она мне тогда не особенно помогла. Сейчас, этот срок в ШИЗО, уже поменьше болит. В первый раз вообще ужасно болело. Чтобы обследоваться, надо ехать на девятку. Девятка — это другая зона — ИК-9, где-то там, в районе Соликамска.

А мне тяжело ехать этапом, тяжело тащить вещи. Даже если не все, всё равно надо тащить. Зимой тем более в этих столыпинных, которые больше стоят, чем едут. Мы сюда ехали больше полутора суток. Хотя от Перми досюда всего несколько часов езды. 9 дней на пересылке в Перми сидели. Все очень тяжело, тем более с полосой о склонности к побегу: особое внимание конвоя обеспечено. Надевание наручников и прочие удовольствия. Поэтому я сильно сомневаюсь, стоит ли ехать туда. И что из этого получится. Не уверен пока что.

Но формально никто и не посылает. Это надо еще добиваться, чтобы они направили. Это ведь не то что сам решаешь. Оперативный отдел тоже в этом принимает участие. Со склонными к побегу. Готовят их к этапу. Это все не так просто. Так что пока держусь. Какие-то силы еще остались, хотя тяжело, конечно. А там дальше я не знаю, что будет.

Особое отношение администрации чувствуется, конечно. Они тоже не дураки. Они делают вид, что все строго по закону. Все, что они со мной делают, они делают по формальным основаниям. Но, конечно, понятно, что это не просто так, что три ШИЗО подряд за два месяца с переводом сразу же после третьего в ОСУОН — это не просто так. Учитывая то, о чем я рассказывал вначале. Как только приехал, уже стали про это спрашивать. Видимо, им дано было указание держать меня в строгих условиях. И они находят любые предлоги для этого. Абсолютно любые. Если бы не было хозработ или бы я начал на них ходить, они бы еще что-нибудь нашли. Не заржавело бы за ними. Вида,

конечно, не подают, этот Гасанов говорит, что я юрист, у меня все по закону, но на самом деле понятно, что это все по указанию делается. С заключенными отношения складываются вроде нормально. Получше и попроще, чем было первым сроком. На строгом режиме все говорили, что есть разница между общим и строгим. Действительно есть. Пока меня, судя по всему, не поручили „прессовать“ блатным, как это было в Буреполоме, пока вроде нормально. Ну один раз ко мне подходили блатные: почему, мол, ты не ходишь отмечаться, из-за этого нас тут шмонать начинают. И даже сказали, что им администрация поручила со мной поговорить. Они со мной разговаривают об этом, говорят, что им поручили, и ничего зазорного в этом не видят. Что они делают именно то, что им поручила администрация. И смотрят мне в глаза, как будто так и надо. Ну пока это как бы обошлось. Там один раз прошмонали у кого-то из них и больше пока не лазали, пока я был на бараке, и меня эки пока больше не дергали.

Я досидел здесь в ШИЗО последние 10 суток, меня отсюда повели в этот самый СУС, который сейчас называется ОСУОН, который находится в другом конце лагеря. Тут их два. Один находится прямо вот над нами, на втором этаже, другой находится там, далеко. Меня повели туда. Причем я не сомневался, что туда поведут. Вот я попал туда, самое неприятное, что я видел пока из всего, было именно там. После ПКТ мне туда совершенно не хотелось возвращаться. Потому что здесь намного спокойнее и еще и теплее. Здесь хотя бы тепло. Батареи хорошо работают. А там же холод страшный. Там вот этот барак. Это тоже как камерная система. Это такое большое помещение, оно у них днем такими, знаешь, тряпками разгорожено. У них первый этаж, это помещение, этот барак, они тряпки вешают, занавески. Все завешано этими занавесками. Ночью их снимают. Вот там сидишь. Там, во-первых, страшный холод. Там кошмар, какой холод. Не знаю, почему такой холодный барак. На седьмом бараке я был, там тепло. Здесь холодина, трясешься прямо, сидишь. Ничего там нет хорошего, абсолютно. Там, во-первых, вот эти уголовники, которым

назначены строгие условия. Приходится иметь дело с ними. Днем там просто сидишь где-нибудь на лавочке, там стоят 3 обеденных стола и лавки такие длинные, укрепленные в полу. Вот где-нибудь там сидишь и все. Приткнуться абсолютно некуда. Есть место за одной из шторок, можно немножко походить туда-сюда. Вот я в основном там ходил. На прогулку выводят, но я не хожу. Они выводят после обеда на час, может, на полтора. Прямо во дворе, под окнами прогулочный дворик. Там нечего делать тоже. Они там тусуются, то в футбол играют, то во что-то еще. Там даже сесть негде. На работу меня вообще здесь не приглашали. Здесь так же, как и в Буреполоме... На работу скорее сами зэки рвутся, чем их заставляют.

А насчет хозработ... СУС на хозработы не ходит. Официально он лишен этой „привилегии“. Более того, что интересно, этих зэков в СУС, кто моложе 30 лет, даже в школу не гоняют! Хотя положено, чтобы они школу тут заканчивали. Раньше здесь была школа. Водили, или сюда приходили учителя. Сейчас даже школы нет, так что их вообще ничем заниматься не заставляют. Днем они ложатся спать на этих полках, с утра спускаются сверху и ложатся там спать. Там уже у всех свои места. Спускаешься, уже все занято. Все спать легли. Кто на полу, кто на лавках. Там места особо нет, так как уже все расположились. Сидишь, как дурак, целый день.

А ночью, ночью зэки тусуются. Как и везде, ночью самое активное время. На ночь загоняют наверх, наверху стоят только шконки, ни тумбочек, ничего. Тумбочки внизу. Там только шконки. Ну есть там вода и чайник, можно чай попить. Вот они там бегают. Целую ночь. Спать нормально невозможно. Свет не гасят. Свет не очень яркий, но все равно его не гасят. Они не спят. Ну под утро, может, часа в 4, они утомляются и немножко поспят до подъема, часик-другой. Потом подъем, проверка, по карточкам вызывают – кого вызывают, тот спускается вниз. И точно так же, через проверку, вечером он поднимается наверх. В таком режиме я пробыл там неделю.

Я честно скажу. После первых двух дней я уже начал тосковать вот по этой камере. Вот куда я не хочу, так это туда. А ведь, боюсь,

придется туда возвращаться. Здесь тепло, здесь никого нет, я могу в крайнем случае на пол лечь.

Пробыл там неделю. Отличие в чем: там могут быть шмоны каждый день. Так же, как и здесь, – в отличие от того, что в лагере. В лагере, как правило, есть четверг, так называемый режимный день, и все шмоны в четверг с утра. Уже все всё знают, и к этому времени всё прячут.

А тут до 4 ноября были „праздники“. Поэтому шмона не было. А 5-го утром смотрю, уже бегут – уже шмон бежит, толпа, часов в 11 утра. Вот был шмон 5-го, был шмон 6-го; 5-го все обошлось. Они становятся в дверях, всех ощупывают, по одному пропускают и загоняют наверх. Сидишь наверху. Они сначала шмонают второй этаж, затем эков загоняют наверх и шмонают низ.

5-го числа было все нормально. 6-го числа опять идут. В то же самое время, каждый день. Тут уже было интереснее. Я смотрю: стоит этот Черников Александр Анатольевич. Начальник оперчасти, с которым мы познакомились, когда я был еще в карантине. Он еще тогда меня вызывал знакомиться. Я так понимаю, что если кому-то дано персональное задание меня глушить здесь, то, наверное, может быть, Гасанову и вот этому Черникову.

Он стоит. Я в этой спортивной куртке, что мать привезла, чтобы хоть как-то согреться, – мерзнешь, очень холодно – я в этом так и пошел на шмон. Потому что я не считаю шмон таким важным событием, чтобы ради него специально одеваться. В Буреполоме на улицу выгоняли. И если это зимой, то надеваешь телогрейку и идешь. И никто тебя не смотрит, что там под телогрейкой.

Здесь не на улицу выходишь, а наверх. Поэтому кто в робе, кто в чем. Ну в основном – роба, куртка х/б так называемая. И вот, мимо этого Черникова я прохожу, он говорит: „Стомахин, где у вас куртка х/б?“ Я ему честно ответил: в бауле, наверху. Как принесли мой баул с седьмого барака, так я ее и не доставал. Ни к чему она мне была. Она летняя форма одежды, а уже зима. Я ее и не собирался носить. Тем более что на улицу не выхожу никуда зимой.

Короче, прошел я, возвращаюсь сверху где-то через полчаса, может, минут сорок. Возвращаюсь обратно, опер говорит: „Вы, Стомахин, оденьте куртку х/б, а то я на вас докладную написал“. Я ему отвечаю: „Давайте. Давайте мне еще 15 суток“. – „Нет. 15 не потянет“. Ну ладно, 10, думаю, потянет. Уж чтобы 10 не потянуло – не может быть, правильно? Повод же есть! Это в четверг было. Обычно у них эти так называемые „крестины“ по средам – крестинами называется эта их дисциплинарная комиссия во главе с начальником колонии Гасановым, которая назначает ШИЗО и все остальное. Но это они для лагеря в среду. А для СУС могут быть когда угодно. В пятницу, где-то в обед, туда звонят и диктуют списки. Уже список целый. Там несколько человек, в том числе и меня на комиссию.

Сработало. Повод нашел. Думаю: ладно, на сколько это потянет? Потянуло на 4 месяца ПКТ – вот эта куртка х/б. Вот так оно было. Пошло нас на комиссию 5 человек. Один человек получил 2 месяца за то, что якобы грубо разговаривал с этим Черниковым, я получил 4 месяца, больше всех, а остальные получили сутки. Сколько-то суток. За что, я не знаю. Вот и вся моя история.

Я передаю всем большую благодарность от меня. Горячий привет всем, кто защищает меня и поддерживает. Я ведь не один такой. Я сильно переживаю, что там с Крюковым. Сергей Крюков, который сидит в Ульяновске. Ко мне сюда приезжал следователь где-то числа 3-го октября, я был тоже в ШИЗО, он приезжал сюда и пытался взять у меня свидетельские показания на Крюкова. Я сразу сказал, что разговаривать с ним не буду, показания давать не буду, и высказал ему, что я думаю про их организацию и про статьи, по которым я сижу, так же, как и Крюков. Думаю, что надо его тоже как-то защищать. Еще есть люди, сидят за это же: за слова и за высказывание своего мнения.

[Записано на диктофон 27 ноября 2014 г. в ИК-10 Пермского края и расшифровано Глебом Эделевым.]

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО БОРИСА СТОМАХИНА
[17.4.2014, Бутырский районный суд Москвы]

Я думаю, что присутствующие согласятся со мной в том, что не может быть и речи о признании этого так называемого приговора, который мне собирается вынести один из членов банды „Бутырский суд Москвы“. Единственным справедливым приговором по данному делу мог бы быть только полностью оправдательный приговор, но об этом, естественно, в рамках нынешней государственно-террористической диктатуры нечего даже мечтать.

Вся фабула прошедшего на наших глазах вот этого позорного политического процесса укладывается в известную поговорку „Правда глаза колет“. Все эти цитаты, которые мне были инкриминированы в этом так называемом обвинительном заключении, – все это чистая правда, все это действительно колет им глаза, и вот они бесятся и пытаются наказывать за это безумными сроками. Под всеми этими цитатами я подписываюсь обеими руками еще раз. Никакие их судилища, никакие тюрьмы и лагеря меня не заставят отказаться от собственных убеждений.

Если мы даже хотя бы на минуту попробуем отвлечься от таких чудовищных преступлений путинского режима, как взрывы домов в Москве в 1999 г., геноцид чеченского народа, массовые убийства заложников в Беслане и в „Норд-Осте“, политические убийства за пределами России и акты международного терроризма: убийства Яндарбиева, Литвиненко, Березовского, покушение на Ющенко в 2004 г., нападение на Грузию в 2008 г., взрыв самолета Качиньского в 2010 г. под Смоленском и, наконец, нынешняя агрессия против Украины, аншлюс Крыма, – если вот от всех этих чудовищных преступлений путинщины на минуту хотя бы мы отвлечемся, то все равно у нас еще в запасе остаются закон 2002 г. о так называемом экстремизме, остаются статьи Уголовного кодекса номер 280, 280.1 свежепринятая, 282, 205.2, карающие исключительно за мысли и слова, за мыслепреступления. У нас остается еще так называемый федеральный список экстремистских материалов на сайте

Минюста. И наконец, у нас остаются такие, как этот нынешний, политические процессы против инакомыслящих по всем выше-названным статьям Уголовного кодекса и сотни, если не тысячи политзаключенных, сидящих за высказывание своего мнения.

И вот этого всего, что я сейчас перечислил, абсолютно достаточно, для того чтобы признать и вслух заявить, что государство Российская Федерация является преступным государством и не имеет права на существование. Оно не имеет права на существование в той же степени, в какой права на существование не имели гитлеровский рейх и сталинский СССР, традиции которого в области подавления свободы слова нынешняя Россия полностью наследовала. В нынешней Российской Федерации снова восстановлен тоталитаризм, она сполна доказала свою абсолютную неспособность ни к каким реформам, к существованию по правилам свободы, и поэтому она должна быть ликвидирована. Это абсолютно неизбежно, и нет альтернативы этому. Она должна быть ликвидирована любым доступным способом, самый простой и верный из которых – это разделение ее на части. Поэтому поддержка всех имеющихся национально-освободительных движений всех народов и регионов на территории России становится долгом совести каждого честного человека в мире.

В то же время, увы, я вынужден заявить грустную вещь о том, что, несмотря на это, внутренних ресурсов для борьбы за свободу у нас практически нет – если есть, то мизерное количество. У нас, к сожалению, Майдан, который на наших глазах проходил в Киеве, невозможен – это доказала вот эта болотная эпопея, так бесславно сошедшая на нет еще до того, в 2012 г. Со внутренними ресурсами у нас большие проблемы – у нас, к сожалению, одни рабы и мазохисты проживают. Поэтому ничего нам не остается, как искать внешних ресурсов и внешней поддержки для борьбы за свободу, для борьбы с этим неототалитарным режимом путинщины. В этой связи я отсюда, из-за решетки, из путинских застенков... из-за вот этой решетки... я обращаюсь к командованию блока НАТО с требованием провести против России такую же военную операцию, как была проведена против

режима Милошевича в Сербии, против режима Каддафи в Ливии и против Саддама Хусейна в Ираке.

[Незаконченная речь Стомахина неоднократно прерывалась судьей Юрием Ковалевским.]

БАБУШКА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Я скорблю по Валерии Ильиничне Новодворской, безвременно ушедшей от нас 12 июля 2014 г.

За этой чертой, отделяющей жизнь от смерти, разом блекнет, теряет значение, становится неважным многое из того, что мучило и смущало душу еще совсем недавно. За этой гранью не имеют уже ни малейшего значения никакие наши с Лерой бывшие разногласия, никакие ругательства, которые она писала обо мне в последние 10 лет. Я искренне и от всей души прощаю ее за это.

Значение жизни, прожитой Валерией Новодворской, велико, как велико ее наследие для нас – современного диссидентского движения России. Увы, многие ли помнят сейчас – еще вчера, еще при ее жизни – это наследие?

„Я, юный антисоветчик Советского Союза“ – так называлась глава о школьных годах в ее мемуарах. Именно это наиболее ценно в самом духе, стиле, образе юной Новодворской, эта манера бросать свой открытый вызов врагу прямо в лицо, превращать советские образы и символы в антисоветские, эта звонкая гордость юного антисоветчика – на фоне казенной рутинной тогдашних юных пионеров...

Блестящий, феерический публицист. Человек с энциклопедическим образованием. „Катакомбный историк“, как она сама себя называла, создавший подлинную, честную до боли, безжалостную историю этой страны. Автор не меньше чем пяти книг и кавалер иностранных орденов. Основатель первой в России радикально-антикоммунистической и антисоветской

партии – Демократического союза, партии открытых, бескомпромиссных борцов с властью – в стране, где миллионы мнимых ее „врагов“ сгинули ни за что. Этот опыт партстроительства актуален для нас до сих пор и будет актуален еще многие годы – ДС уже давно нет, а необходима такая партия сейчас с каждым днем все больше...

Именно Новодворская в программе ДС России, принятой в декабре 1992 г. на съезде в Твери, первой вслух, открыто – и как о законном, желательном и нормальном, без этого привычного ныне ритуального ужаса в голосе – сказала о том, что очевидно: РФ будет распадаться и дальше. Это как раз то самое наиактуальнейшее, за что мы все должны бороться сегодня, в эпоху аннексии Крыма и 80% за Путина. Именно в этой программе она назвала себя и членов партии ДСР „либеральными революционерами“ – как раз этого типа людей нам катастрофически не хватает сегодня. Именно Лера Новодворская в своих мемуарах, вышедших в 1993-м, написала первой эти слова: „Пойдем против народа, мы ему ничем не обязаны. Пойдем против всех, кто пойдет против свободы“. Пророческие слова. Лучшие слова всей ее жизни...

„Как бороться, зная, что в перспективе Казань? Как не бороться, зная, что это существует?“ – описывает она свои ощущения после года в Казанской СПБ [Специальная Психиатрическая Больница]. Этот пронзительный, жгучий, до костей пробирающий вопрос стал еще актуальнее сегодня, в совке 2.0, неизбежно восстановившем политические репрессии. Многие ли из нас выдержат те пытки, что вынесла Новодворская?

Она всегда всю правду говорила врагам прямо в лицо. В этом было ее величие и ее неподражаемость. „Дай бог сгореть советам, провалиться депутатам!“ – ее плакат накануне октября 1993 г. в пикете перед Белым домом. Для нас, нынешних, такая отчаянная прямота – прямота острого стального клинка, упертого в грудь врагу, – это, увы, недостижимый образец стиля...

„Боре Стомахину, превзошедшему в радикализме ДС“ – подписала она мне в 2000 г. одну из своих книг. Я горжусь – и тем, что смог превзойти Новодворскую в радикализме, и тем, что

она сама это признала. Тогда мы еще не ссорились, она была искренней. Я наследую этот ее радикализм, ее нишу главного экстремиста 80–90-х гг., ее место на самом краю либерального политического поля – отчасти унаследовал его уже и тогда, в 2000-м, но окончательно наследую сейчас – в связи с этим скорбным событием. Этот радикализм – нелегкая ноша, многие шарахаются, боятся подать руку, поддержать даже в тюрьме, опасаясь оскверниться, замарать свой безупречный имидж в глазах власти. Я прекрасно помню, сколько раз в 90-е годы ей предоставляли слово на митингах только после предварительного (предусмотрительного) объявления, что митинг окончен...

Был ли я в тюрьме или в лагере, случались ли события трагические, убивали людей калибра Леха Качиньского (тем моим сроком) или Бориса Березовского (сроком нынешним) – сам не испытывая сомнений, я все равно подсознательно стремился узнать на сей счет мнение Новодворской, первой из очень небольшой кучки глубоко уважаемых и ценимых мною людей. Стремился, так сказать, сверить часы. Увы, чутье ни ее, ни меня обычно не подводило – методы ГБ известны слишком хорошо...

Я считал само собой разумеющимся, что она доживет лет до 80 минимум, и, сидя по тюрьмам и лагерям, в глубине души лелеял все же смутную надежду, что нам с Лерой еще доведется когда-нибудь встретиться и поговорить начистоту, откровенно, преодолев старые разногласия, предрассудки и обиды. С высоты своего лагерного опыта я надеялся ее в чем-то переубедить, что-то доказать. Увы, оказалось – не судьба...

Я был многие годы и сейчас остаюсь ее учеником. И не я один: ее мемуары как-то сами собой вызвали в свое время к жизни многое и многих, научили, как надо бороться и жить. Когда я еще ходил в школу, она, оказываясь, умирала от голодовок на сутках в поселке Северном, в паре километров от меня... И от имени всех, кто читал эту книгу как захватывающую революционную повесть о юном антисоветчике, барабанщике, Мальчише-Кибальчише тусклых и унылых 70-х, я говорю: все мы осиротели без Новодворской.

Пусть она прошла не один этап в своей жизни, не одну смену вех и не считала себя уже революционеркой последние лет 15, но для нас она все равно останется нашей Бабушкой Русской Революции.

Прощайте, дорогая Валерия Ильинична! Покойтесь с миром!

БУРЕПОЛОМСКИЙ ДНЕВНИК

Декабрь 2010 г.

1.12.10. 15:58

Просто на удивление удачно прошла эта последняя свиданка. На 3-й день переехали-таки, после ухода беспалого наркомана с 13-го, в VIP-комнату. Передачу тоже сдали без проблем – только, увы, из-за 2 кг перевеса пришлось пожертвовать 2 банками компота и печеньем, кроме одной пачки.

Как и прогнозировалось, еще в воскресенье ударил сильный мороз (а м. б., и в субботу, когда меня уже завели). Дневальный Миша выставлял на улицу термометр и показывал потом мне – за -30°! Я боялся, что сигаретчик, если и придет, как обещал, меня встречать, не выдержит долгого стояния на морозе и уйдет, – тем паче что 2-й этаж (где в этот раз было полно народу) выводят сначала, а 1-й (где всего 3 человека) – потом. Но верный сигаретчик, весь окоченев на этом лютном морозе, все же меня дождался.

Помог мне допереть баул, сказал дорогой, что ни комиссий, ни „масок“, ни шмонов и пр. нет, все тихо. К 9 утра принес телефон, я дозвонился матери, успокоил ее; вещи, слава богу, тоже все были в сохранности. Сигаретчик потом заходил еще после отбоя и сегодня утром, около 10 часов (среда, но при таком морозе шмон казался маловероятным – его и не было, только несколько мусоров лазило по чердаку (!) той „баржи“, где 5-й и 11-й). Обещал зайти и сегодня после отбоя. Дай бог, если прежний, когда-то в 2008-м, график моего двухразового в день (утро-вечер)

общения с матерью восстановится.

Налетели, естественно, вчера блатные твари, как только про-
снулись, после утренней проверки. К счастью, кроме „запасного
варианта“ и косоглазого азиата, ни у кого не хватило наглости
что-то у меня просить. Но у этих наглости было хоть отбавляй, за
весь барак, особенно у азиата, – он все говорил, чтобы я „собрал“
ему что-нибудь, целый пакет угощения, включая „фрукты“
(которых отродясь мне не возили в передаче!..), вафли и т. п.
В результате оба выклянчили одинаково: по куску колбасы
(половина как раз того батона, что из-за отсутствия хлеба остался
еще с ноября) и по шоколадке; да еще „запасной вариант“
выклянчил несколько пакетиков чая и конфет, оставшихся от
ларька (да еще и был последним обстоятельством недоволен). Но
в свете того, что труба теперь есть у сигаретчика и эти блатные
хари мне не нужны, дай бог, чтобы и до конца срока, – хрен они
больше чего получат!..

Обещают, что к концу недели морозы спадут до 0°. Жду этого
с нетерпением. Хождения в столовку по такой погоде, как я
и думал, стали настоящим наказанием – сегодня вроде чуть-чуть
потеплее, а вчера, идя „на обед“ и обратно, я чуть не отморозил
себе большой и указательный пальцы на правой руке, которой без
всякой перчатки, ибо они мне только мешают, держал палку.

2.12.10. 9:08

Вчера в ужин Агроном, новый зам по БиОР (Баранов?), Наумов
и Одинцов „наворачивали режим“, лично муштровали покорных
им насекомых в столовке, прямо внутри. (Я внутрь не входил
и знаю только по рассказам.) Командовали встать, сесть, снять
шапки, не давали (как я понял) никому выйти, пока все не поедят
и не пойдут, и т. д. Заставляли это же делать (командовать)
„козлов“. Правда, сигаретчик (во многом он мне и рассказал
подробности), когда его позвал (оторвав от еды) Агроном
и потребовал через микрофон (там есть микрофон и колонки)
дать команду снять шапки – отказался в грубой форме, и ничего
Агроном с ним поделаться не мог.

Ко мне он заходит теперь регулярно, берет курево, дает мне трубу
звонить домой. Сегодня притащил еще одну – где-то добыл, но

надо паять там проводок под батарейку, и на это выпросил отдельно 2 пачки сигарет. Один блок из пяти, привезенных матерью, мы с ним уже растрясли.

Холода продолжают. При мне сигаретчик звонил матери – она сказала, что в Шахунье сегодня -27°.

3.12.10. 8:23

Недолго музыка играла: вчера после отбоя сигаретчик явился уже без трубы и сказал, что сейчас на 10-м двое „козлов“ в „козлодерке“ потребовали у него ее отдать. Кому-то он там перешел дорогу или наступил на хвост – в подробности он не вдавался – и отсюда такое требование. Разумеется, он послал их подальше (а один из них – бывший завхоз 10-го, а до того был со мной на 11-м, куда перевелся в октябре 2009-го со всем 2-м баракком; наркоман 25 лет, служивший срочную в Кантемировской дивизии), ничего им не отдал – но и доставать ее из тайника не стал в опасении слежки. Обещал принести сегодня с утра – вот, я уже кончил завтрак и жду-с. С нетерпением. Но, боюсь, ничего из этого уже не выйдет, увы, – хорошенького понемножку; и опять придется матери по целым дням прозваниваться косоглазым узбекам...

Вторая же труба сигаретчика – да-да, он тут же вслед за 1-й приобрел и 2-ю – была вчера на 12-м, в ремонте; оставалось там только поменять лампочку под дисплеем, чтобы он светился.

Холода немного спали, на улице уже потеплее (но все равно мороз). Зарядка сегодня уже была, в отличие от вчера, – но, когда я вышел проверить, там по двору гуляли только трое обиженных – и всё! Остальная шваль, после холодов и в опасении их, зарядку полностью проигнорировала – да и не знали, играет ли вообще музыка, это ведь я специально пошел проверить. Блатные, видимо, тоже спали, мусора вообще не ходили по бараккам – и все обошлось тихо-спокойно. Я, разумеется, проверив, что музыка играет, тоже зашел назад в барак, тем паче что был не одет – без телаги, шарфа и пр. и в тапках.

А между тем от последней страшной комиссии, еще до моей свиданки, уже больше недели прошло – так и остались ежедневные в 12:10 проверки ПО КАРТОЧКАМ! Напрягает это

страшно, особенно в эти морозы, – стоять в толпе, прислушиваясь, чтобы не пропустить свою фамилию, и, услышав ее, торопливо пролезать сквозь толпу. Отрядник проводил эти дни проверку по карточкам еще в более-менее смягченном варианте: называл быстро сколько-то фамилий – не весь барак, даже не половину – и на этом отпускал всех. Мусор же, пришедший считать вчера, маленький крепыш с красной от мороза рыхой, смеясь штукам подобострастных зэков и покрикивая на тех, кто выходил не так быстро, как ему хотелось, на лютом морозе безжалостно и методично проверил „по карточкам“ всех, до последней карточки и последнего человека. Так же точно напрягает и 3-я проверка, в 19:30, из-за которой задерживается мой ужин. Иногда я еле-еле успеваю поесть и попить чаю – особенно когда их чайниками, плитками и пр. занята вся „фаза“.

Магнитная калитка на „1-м посту“ иногда, и частенько, стоит открытая, замок отключен, – но все же регулярно его включают, собирая с обеих сторон калитки толпы.

8:47. Сигаретчика все еще нет...

4.12.10. 13:20

Утренняя проверка закончилась сегодня в 13:10, только что! Больше часа я пробыл на улице, – вышел-то в 12, как обычно, но только „на большом“ мусора появились где-то в полпервого. 12-й и 5-й считал про карточкам Даун; тем временем 2 других уже успели уйти – на 8-й не зашли; пришлось ждать этого Дауна (вот уж действительно!..). Здесь он огласил только часть карточек, в которую я не попал, – и распустил толпу. (Надо ли говорить, как из-за этой проверки по карточкам, кстати, задерживается обед? Ведь пока не посчитают все бараки – на обед никто не идет! В результате вот уже две, считай, недели 8-й идет в столовку в 14:30 самое раннее – вместо прежних 14 часов).

Ноги у меня задубели от долгого стояния на улице, большая правая вообще одеревенела. Хорошо еще, что пошел утром снег, – и, как обычно, потеплело, мороз уже не такой безумный (хотя обещанной оттепели нет и в помине). Хорошо, что поспал утром, после полдесятого, когда ушел сигаретчик с телефоном, –

и вроде стало мне получше, перестала кружиться голова, а то со вчерашнего еще вечера все ехало перед глазами и при ходьбе пошатывало – опять, как недавно, но все-таки послабее. Сейчас вот вроде самочувствие более-менее нормальное.

А вчера после отбоя с трубы сигаретчика (хотя у него и минус на балансе) дозвонился Мане – и она сказала, что купила для меня диванчик на кухню. Мать, услышав это от меня утром, прокомментировала: ну все, раз уже диванчик купила, – значит, надо ехать! Первый город после освобождения, куда я поеду, как настанет более-менее теплая погода, – это Питер.

22:05

Час десять выстойки на улице днем, на утренней проверке и в ожидании ее, сорок минут – на „7-часовой“, закончившейся вместо положенных по „распорядку дня“ 19:50 – в 20:10! Только успел поесть и попить чаю – 5 минут даже не полежал – опять на улицу, на 3-ю проверку. Она хоть прошла быстро: явился почему-то новый зам по БиОР, Баранов, сам считал – и во время этой процедуры хамски орал: на одного – не верти головой, на другого – выйди из-за дерева!.. Быдло только подобострастно хихикало в ответ, должной реакции на это хамство, конечно же, не последовало.

С обеда (14:30), когда толпа поперлась в столовку, свернул в библиотеку, загодя набив все внутренние карманы телажки книгами, а одну засунув сзади за пояс. Библиотекарь с „девятки“, с которым типа как приятельствовали мы на 11-м, обрадовался, что наконец-то я пришел, усадил пить кофе; сообщил, что 15-го у него суд по УДО – здесь, в Буреполоме – 1-й, а за весь срок – уже 3-й; но как до этого его не отпускали из-за огромного иска, так едва ли, думаю, отпустят и сейчас.

Пришел, поел, лег, час с лишним провалялся в какой-то приятной полудреме, но не спал. Тут, уже около 6 вечера, явился сигаретчик с новыми неприятностями: оказывается, 4 мусора были на 10-м (только когда я сидел в библиотеке, когда пришел – никого не „пробивали“); целенаправленно полезли на чердак, забрали кучу спрятанных там телефонов, а брагу, там же найденную, вылили. И не кого-то, а именно его обвиняют, что он

сдал все это припрятанное добро!..

Заходил он и пока я ждал 7-часовую проверку, и после отбоя – когда я уже начал писать вот эти первые строчки. Слезил потом и он на чердак – оказалось, и его трубу, тоже там хранившуюся, одну из 3 (!) – тоже забрали, и – самое главное – зарядник с ней; зарядник был один, теперь надо покупать новый, стоит он 500 рублей. В последний приход, только что, был он грустный, расстроенный, говорил, что не соображает голова, а главную надежду на решение всех этих проблем возлагал на вчера еще мне сообщенный свой план: перевестись с 10-го... но куда? Он сам толком не знает, и нет еще уверенности, что переведут, да и где будет лучше? Это одна кофла, сброд мерзких блатных подонков, жестко управляемых из одного центра, – уж это я прочувствовал на себе... Мразь мразью... Его они после ухода мусоров „подтягивали“, он вроде на первое время отговорился от обвинений, что это он сдал „курки“, но если это повесят на него как ярлык – никакие переводы не помогут, везде все будут вовремя, с 1-го же дня проинформированы. „Правая рука“ „подложница“ тем временем поставила сигаретчику – этак легко, между делом, хотя и без всякого права, – запрет на телефон, в смысле на владение собственным телефоном. Да, еще и симку свою он боится вставлять и включать – „козлы“ с 10-го прозванивают его номер, так что позвонить нынче вечером матери он мне трубу не принес. Хорошо, что она сама прозвонилась вечером „запасному варианту“. Сигаретчик же нашел пока простой выход – позвонить оператору и сменить номер на своей симке. Можно, да; но все равно без своего зарядника – это будет не жизнь и не пользование телефоном...

5.12.10. 8:55

Мерзко, тошно, отвратительно... Невыносимо... И в конце срока здесь ничуть не легче, не лучше, не проще, чем в начале – в 2007-м, когда только привезли сюда. До предела, до исступления просто раздражают и выматывают эти, как вчера, выстойки на улице, в снегу, на морозе, по 40 минут и по часу, в ожидании вечной теперь проверки по карточкам или просто – когда их благородия „граждане начальники“ соизволят явиться – на

20 и на 30 минут позже указанного в их же „распорядке дня“ срока. Особенно бесит, когда из-за этих их непринужденных, простых таких, незаметных как бы опозданий – срывается мой ужин, на который всего-то ничего остается времени между 2 проверками – и надо потом бежать сломя голову, опрометью, не сняв даже ботинок, – ставить, как вчера, чайник, пока не заняли всю „фазу“...

Пришла еще одна ужасная мысль – ясно и несомненно, как озарение. 29.12, когда мать приедет на короткую свиданку, и я буду там, с 9 утра до часу дня, – это ведь среда! И они наверняка устроят, за 2 дня до Н. г., повальный шмон по всем баракам, еще опять „маски“ какие-нибудь приедут... А меня не будет – и судьба моего одеяла, чайника, бумаг и пр. будет зависеть от случайностей судьбы и настроения мусора, который будет шмонать мою шконку. Что делать?! Не знаю; единственным выходом представляется – еще затемно, с раннего утра собрать все ценное в пакет, вынести и зарыть в снег где-нибудь в глухом углу зоны, где никого нет – на „кечи“, скажем, или у библиотеки. Но не сам же я, конечно, попрусь с пакетом прятать; вот тут как раз неоценима была бы помощь сигаретчика. Но эта скотина, встреченная по дороге в столовку на завтрак и обещавшая после завтрака зайти, не идет до сих пор (уже 10-й час). Да и – нет на него надежды: он и в лучшие-то времена не всегда держал данное слово,

[не дописано, оборвано на середине фразы]

11:30

Пришел, как раз когда я хотел написать, что его так и нет, и сидел вот до сих пор, лазил в своем SMS-чате, – на 10-м-то теперь нельзя, запрет. Мать продиктовала код карточки, положили 150 рублей на счет; скинули по моей просьбе эсэмэску Лене Маглеванной в Финляндию, но она, увы, не позвонила...

6.12.10 12:40

Началась 15-я неделя до конца. Безумные новости понедельника. Зарядки с утра почему-то не было, музыка не играла. Далее: еще вчера – воскресенье, ужин на час раньше – почему-то пошли не на час, а всего на полчаса раньше, ни то ни се. С утра же сегодня

по бараку пошли толки: „говорили“ (кто??! когда??!!!), что на завтрак теперь в 7:30 вместо прежних 7:00.

Мне-то это только лучше: больше времени готовить СВОЙ завтрак, резать колбасу. Пошли в 7:30 – но тут же, вплотную за нами, пошел и 12-й; у ворот началась давка и неразбериха, рулить которой досталось отряднику 7-го и еще какому-то незнакомому мусору. Тут же вроде был и 4-й. Инстинктом почувствовав, что я здесь лишний, что если я тоже зайду в эту мышеловку через еле-еле, одному только протиснуться, приоткрытую воротину, то выйду очень нескоро – а мне ведь завтракать и в баню! – я, не заходя во двор столовки, развернулся и по обходной, под самой столовской стеной, дорожке пошел обратно. А пришедшие на 8-й после меня в один голос говорили, что у столовки все утро творилось нечто невообразимое – все бараки пришли практически одновременно; толчая, давка, неразбериха, столы заняты и т. д., и т. п.

Быстро поел; к 8:30 – включение воды – успел в баню. Был приятно поражен: не может быть!.. неужели эти твари довели-таки баню до ума?! На обе двери – в раздевалку и с улицы в пристроенный уже потом, когда баня заработала, дощатый предбанничек – поставили пружины!! Обе двери плотно пригнаны, из них в раздевалку не дует!!! А-бал-деть!!! У самой двери – там я сразу, только войдя, нашел свободное место на лавке и крючок – можно раздеваться, не замерзая! Заходят, открывают дверь, холодно – но она закрывается плотно и хорошо! А уж когда вошел в зал для мытья – там было абсолютно ничего не видать от пара, но не было духоты, даже чуть-чуть было прохладно. Поставили вытяжку!! Неужели?! Изумлению моему не было границ...

Не все, однако, оказалось так гладко. Пошел к 10 часам в ларек. Там – снята с забора прежняя массивная доска с расписанием отрядов по дням, стоит толпа, ларек еще не открыт, и новый ключник, хорошо мне знакомый по 11-му (оттуда весной он уходил на 2-й, на бесконвойку – видимо, списали), говорит, что, мол, расписание изменилось, в понедельник – только 1-й, 2-й и 11-й бараки, а когда 8-й – он не знает. Здравсьте! – а у меня

лапши осталось только на сегодня... (И все ссылаются, что все эти изменения – столовка и ларек – инициатива нового зама по БиОРа Баранова.)

Азербайджанская обезьяна с 11-го стояла там, во дворе ларька, с какими-то еще зэками и упорно не отвечала на мои приветственные издали жесты. Но, когда я заметил, что ключник, заходя в ларек, отдает ей ключ, я с изумлением понял, что и она теперь тоже тут работает. Это меняло дело. (А ключник – ее давний „семейник“, и я думал сперва попросить воздействовать в мою пользу.) Позвал ее по имени, она подошла – и, как ранее и ключник, сказала, что кассиршам дано строгое указание чеки не в свой день не выбивать, так что все бесполезно. Но я, хоть убей, не мог поверить, что „моя“ кассирша, хорошо меня знающая и очень хорошо, лояльно относящаяся, – не выбьет мне чек. Так что надо было как-то попасть внутрь.

Ларек открылся, стали запускать. Ключник с 11-го оттолкнул меня от калитки, несмотря на просьбу „семейной“ ему обезьяны. Но, запустив всех „своих“, ушел что-то узнавать внутрь, оставил ключ обезьяне – и та меня пустила.

Внутри обезьяна и другой здешний работник – памятный мне еще по 13-му, потом по 11-му 20-летний здоровенный даун – шепотом предупредили: если что – ты с 11-го барака, мы подтвердим! (Несмотря на то что на груди бирка была уже давно исправлена с 11-го на 8-й.) А то – на мой вопрос – зам по БиОР тут каждое утро ходит, проверяет...

Я не очень поверил в это, но, когда уже кончал отовариваться, этот дурак вдруг ворвался в ларек, что-то громко крича (не помню, что именно). В зале никого проверять не стал, пробежал внутрь, в служебную дверь. Думал я еще помять здесь лапшу, похрустеть ею (на бараке, слыша этот хруст, могут начать орать) – но тут уж, надевая даже шапку (держа в руках ее и 2 набитых пакета) поспешил, от греха подальше, свалить – и не только во двор, но и вообще с территории ларька, побыстрее и подальше. Не то чтобы я его боялся – мне даже хотелось уже пободаться словесно с этой глупой, но, видимо, агрессивной тварью; и я бы наговорил ему такого, чего никто ни на прежней его зоне, ни на

этой никогда не скажет, – но это если уж припрет, если деваться будет некуда, если он меня поймает. А если нет – зачем самому нарываться? Удачно ушел, потратив, увы, зараз целых 700 рублей. Пока стоял в мини-очереди (пара человек впереди, всегда бы так!..), азербайджанская обезьяна выпросила (за свою услугу – и глупо было бы отказать, еще пригодится она не раз) пачку чаю; а другую я сам давно еще обещал сигаретчику. Так что минус 42 рубля: потрачены не на себя.

Проверка в 12:10 была, как теперь всегда, по карточкам, но прошла относительно быстро. А еще до нее в „фойе“ на стенде повесили новое расписание столовки. Из него следует: 8-й барак на завтрак – 7:30 вместо 7:00; на обед – 15:00 вместо 14:00; на ужин – 18:25 вместо 18:30 – ужин практически остался как был. Смена везде – последняя, вместе с 5-м и, по-моему, 4-м. Про ларек написано: 8-й – четверг, с 10 до 12 и с 14 (недавно говорили, что после обеда только с 15:00; уже прогресс!) до 17.

7.12.10. 9:35

Ничего интересного. С утра зарядки опять не было. Макар шлялся зато по нашему „продолу“, как раз когда я готовил завтрак, – был на 12-м, 4-м, 13-м, к нам не зашел – а потом стоял и муштровал своих насекомых возле столовки.

Все забываю упомянуть про этого нынешнего коменданта. Познакомились мы, когда он еще не был комендантом, а – летом – только недавно „поднялся“ на 7-й. Сам как-то остановил меня в дверях 7-го, когда я шел с 11-го к „телефонисту“, – типа, слышал, что я журналист, стал расспрашивать. Дядька уже немолодой, лет 50; стал рассказывать о себе: что он будто бы полковник ВДВ, президент какой-то федерации айкидо или что-то такое; якобы руководил каким-то консультативным органом при Думе – что-то по вопросам ВПК, как он вроде бы уверял; и даже якобы в 2008-м баллотировался (или только пытался?) в мэры Твери. Во всем этом я как-то сразу, интуитивно усомнился: уж больно много называл он каких-то структур по вопросам ВПК и пр., о которых я никогда в жизни не слышал; а сам он сидит по 159-й, ч. 4 – мошенничество в особо крупных размерах, так что какая вера его словам может быть?..

Так вот, там же, на 7-м, был тогда и прежний комендант зоны – чеченец (как я только недавно узнал), сидящий аж с 1993 г. Но его как-то однажды вдруг закрыли в ШИЗО – ударил он, что ли, кого-то – и, видимо, поперли из комендантов. Сейчас он вроде бы неформально руководит местной мусульманской общиной, весьма многочисленной. Ну, и этого, „полковника ВДВ“, назначили временно исполнять обязанности коменданта, пока чеченец в ШИЗО – да так, видно, и оставили. Перевели с 7-го на 2-й барак. Как-то, еще недели 2 назад, при случайной встрече я его спросил, зачем ему нужна эта должность – делать, что ли, нечего. В ответ он рассказал замечательную вещь: оказывается, должность-то ему не нужна (хотя к его словам я с некоторых пор питаю определенное недоверие), но Макаревич сказал ему, что уйти с нее он может только через ШИЗО – „за отказ от работы“. Ну, а тот думает про УДО, сидеть еще долго, – и в ШИЗО, ясное дело, не хочет, потому и остается комендантом (если верить его версии). Но цинизму администрации Макара, грозящей изолятором за отказ не от работы (которой нет) на „промке“, а за отказ от одной из высших эковских должностей в зоне – нет предела...

8.12.10. 12:28

Среда. На улице не холодно, идет мягкий снежок. Зарядки так и нет. На завтрак пошли было по новому графику – и, не дойдя 5-го барака, вся толпа вдруг повернула назад; кто-то говорил: „Без 15 (восемь), нечего там пока делать!“ Я гулял по двору все это время – пошли только без 10. Там, во дворе столовки, опять Наумов (как все последние дни) с 2 мусорами – и опять кто-то из них, запустив всю толпу, запер ворота цепью с замком – и все они ушли внутрь столовки. Ни выйти, ни войти! Взяли моду последнее время – запирают эти ворота столовки на цепь, – должно быть, чтобы не стоять рядом с ними на холоде, не охранять. Что-то подобное, я помню, было очень давно, еще году в 2007-м, когда только привезли сюда, – тоже, помнится, запирали тогда ворота на цепь; но потом она исчезла, года 3 не было – и вот опять... Режим „наворачивается“, ужесточается, прежде всего именно в отношении столовки: в соседнем

проходняке было вчера вечером очередное взволнованное обсуждение стремщиками того, что в столовке теперь ни хлеба, ни, видимо, баланды даже – не дают, если приходишь без отряда, после него и т. д.; даже ночным, которые всегда обедали в 16 и ужинали в 19, отдельно от всех прочих, не дают. Т. е., стремщики, когда барак на обеде, остаются – „пробивать“ мусоров блатным, которые в столовку не ходят, а сидят с телефонами – постоянно, в т. ч. даже и в туалете, что сам я вижу тут постоянно. Для них-то только и нужен, когда все прочие в столовке, на бараке стрем. Но блатным-то принесут жратву – частью из столовки, что получше (картошку и пр.), частью с ларька; а вот эти стремщики, пропускающие кто завтрак, кто обед, кто ужин, обречены теперь хронически оставаться голодными, на них заочно даже хлеба не дают. И поделом им! – за их верную службу блатным.

Пришли со столовки поздно, не успел еще кончить завтрак, – в 8:50 уже шмон-бригада, 30 человек, прется... на 7-й! Уф-ф-ф, слава богу, что не к нам!!. Были они там неожиданно долго, без нескольких минут 2 часа – перевернули, должно быть, все там вверх дном...

Еще они не ушли оттуда, как явился сигаретчик – налегке, без трубы. „Порадовал“, что, кроме запрета на телефон, ему только что блатные на 10-м „поставили запрет“ на выход с барака куда-либо. „Косяк“ он снял, так что водить никого никуда уже не водит, но специально подчеркнул, что через 5 минут буквально после этого их запрета он уже у меня. Взял сигарет (от 5 привезенных в конце ноября блоков уже осталось 2 и еще чуть-чуть), обещал, что как только уйдут мусора с 7-го, он явится с телефоном – и не явился, конечно.

Проверку опять проводил отрядник, опять по карточкам, но он хотя бы проводит ее быстро и выкликает не всех.

Лежал вчера вечером, вспоминал, размышлял, прикидывал свое будущее – желаемое и возможное. „Я хочу одного на свете – я хочу, чтоб вы сдохли, мрази!“ Больше всего хочется не покоя, не отдыха, не элементарного даже бытового комфорта дома после 5 лет ужаса, – больше всего мне хочется их крови!!! И тех, что в мундирах, начальничков, навязывающих законы типа „о про-

тивоедействию экстремизму“, и вот этих, которые тут вокруг меня – пьянь, быдло, нечисть, праправнуки крепостных – и тоже упорно лезут мною командовать. Я все отдал бы за то, чтобы их, выстроенных в цепь, со связанными руками и ногами, лично выкашивать очередью из пулемета, даже чтобы лично отсекать им, привязанным к дереву, головы большим, сверхострым ножом...

13:49

Пока переписывал – в „фойе“ на стенде повесили „график посещения магазина ФБУ ИК-4“. Так и есть! – рано я обрадовался – после обеда он работает не с 14, а с тех же самых 15 часов.

9.12.10. 12:40

Главным – и наиболее идиотским! – событием вчерашнего дня стало то, что накрылся мой „запасной вариант“ – причем исключительно по собственной глупости и на моих же глазах. Когда шли на ужин, строились у ворот столовки, когда уже зашли внутрь – стоявшие у ворот мусора – Веселый (которого теперь велено именовать Смешной, дабы не путать с „подложенцем“), отрядник 5-го и еще какие-то двое то и дело шмонали кого-нибудь, заставляя поднимать руки, расстегивая одежду и ощупывая все тело, – как идущих туда-сюда через ворота, так и мимо столовки по „большому продолу“. Главным заводилой в этом деле был, разумеется, Веселый (Тумаев), вообще большой „шутник“ и хам. И я, стоя во дворе столовки, когда они остались одни у ворот – сначала в темноте не видел, кого именно они там опять шмонают перед воротами; заметил только, что докапывались очень усердно; тот говорил: мол, давайте, я сам достану, – а те не соглашались, и отрядник 5-го упорно лез ему куда-то дальше под одежду. Я мельком, в шутку, подумал, что, м. б., там телефон, – но кто ж пойдет сюда с телефоном?!. И лишь когда постепенно, не сразу, я различил под знакомой шапкой знакомые черты лица, а потом услышал ворчание Веселого: мол, сопротивлялся, а теперь еще просит симку отдать! – я понял весь смысл случившегося.

Этот дурак под 40 лет притащил трубу с собой к столовке – этого не сделал бы ни один из этих глупых малолеток, столь

досаждающих ему здесь (он делился со мной тихонько, приходя кланчить чай, шоколад и пр.), да еще и шел один, опоздав, после всего барака. Его прошмонали просто так, потому что у Веселого было веселое настроение, – и вот результат!

Короче, один из оставшихся еще относительно надежных каналов связи теперь утрачен. Не знаю уж, отдали ли ему симку, не спрашивал. Он-то – позвонить домой – найдет себе и симку, и телефон, благо тут они почти у каждого; а вот мне теперь его помощь не светит. Остаются: сигаретчик, свой человек и основной, почти единственный теперь вариант; и блатной узбек-азиат – вариант очень тяжелый, почти безнадежный, я и упоминаю-то его больше для формальной полноты картины...

Хорошо еще, что с трубы сигаретчика я вечером успел еще раз набрать матери – сообщить об этом печальном событии. Сигаретчик заходит теперь часто, по несколько раз в день – чаще за куревом/чаем/сладким, реже с трубой – звонить или чинить ее.

Сегодня утром на мой вопрос он ответил, что да, шмон сегодня готовится, скорее всего, будет. Этим он сразу омрачил еще больше мое настроение. Это на воле, когда перечитаешь, будет казаться – боже, какими мелкими, пустяковыми, смешными были эти страхи, как это все теперь далеко, неправдоподобно даже, как мелко и смешно. Но здесь и сейчас, внутри этой колючки и вышек с автоматчиками, в этом железном загоне, из которого некуда деться, нельзя вырваться, – шмон есть событие серьезное и даже грозное...

Когда в районе 9 – начала 10-го примерно проорали, как всегда: „Шмон-бригада на большом!!!“ – я почти не среагировал, как будто и не слышал; и мозг, и тело как будто окаменели, застыли, как на сильном морозе, – ни паники, ни суеты, как бывало раньше, а только вот это оцепенение и безразличие... Все необходимые приготовления, которые я мог сделать заранее, были уже сделаны. И – они пошли на тот „продол“, на 3-й! Их было всего 8 человек. Когда я в 10 утра пошел в ларек, я видел, как они выходили с того „продола“. Один ехал впереди на телеге, где лежали – издали не разобрать – какие-то доски, видимо,

щиты со шконок, как всегда теперь. Остальные – 8 громил в камуфляже – шли позади, и один нес в руке пакет с чем-то, отобранным у кого-то. Вот так же могут нести и с моим одеялом... А вчерашний шмон на 7-м, как сказал сперва сигаретчик, потом подтвердил и кто-то на бараке (говорили между собой), был не просто так, а мезтью за „вбросы“. С воли через „запретку“ удобнее всего кидать „запреты“ на двор 7-го, и кто-то с 7-го (или с 3-го) их подбирает, прячет, отдает владельцам и т. д. И вот за эти-то вбросы 30 мусоров массивованным, до состояния вверх дном, шмоном наказывали вчера ВЕСЬ 7-й – а отнюдь не только тех, кто ловит бросаемое.

Пока писал – заходил сигаретчик, сказал, что из-за утреннего (всего на час где-то) отключения света „Мегафон“ не работает, сети нет; так что пока домой позвонить я не смог. Надеюсь, смогу вечером.

15:34

Сегодня перед утренней проверкой, гуляя по двору, заметил на дворе 5-го знакомого. Дядька 44 лет, очень солидный, явно не криминал, сидит 1-й раз за какую-то ерунду – и потому привезен летом с „девятки“, был сперва на 9-м бараке, потом со мной на 11-м, а в памятный день „раскидывания“ 3.9.2010 попал на 5-й. Я видел его в это же время и вчера, а до того – долго что-то не было. Спросил – говорит: отбывал 15 суток в ШИЗО. За что же?! – дядька поведения очень приличного, не шалопай. – А за бороду, – говорит. Точно, была у него всегда очень аккуратная, ухо-женная, красивая седая борода, а сейчас – гляжу – нету! Макар, говорит, увидел – и распорядился отправить в ШИЗО, хотя борода абсолютно нигде не запрещена, а только написано в их ПВР [Правила Внутреннего Распорядка], что зэк, мол, должен опрятно выглядеть; уж опрятней этого бородача вообще было поискать. С другой же стороны – никаких взысканий у него нет, не то что изоляторов; но тем не менее – ни устный выговор, ни письменный даже, а прямо сразу в ШИЗО! И, говорит, в постановлении было написано-то отнюдь не про бороду, а – что он якобы зашел в кабинет к отряднику и нагрубил ему!..

А вчера имел место пустой разговорчик с нашим отрядником.

В обед он вышел из столовки на пустой двор и меня, одиноко там гуляющего, наконец-то спросил, почему я не питаюсь в столовой. Я сказал, что вот как перевели на 8-й, так и не питаюсь – и вкратце рассказал сентябрьскую историю занятых столов. А заодно – и то, что в хлеборезке не дают теперь хлеба, так что, бывает, приходится без хлеба сидеть. Он пообещал решить проблему, найти мне место и т. д.

Следствием, однако, было то, что 18-летний цыганенок-подметальщик, обедающий после барака, вернувшись, вдруг вручил мне мою обеденную пайку – но так и не мог ответить, кто именно ему ее дал. Что ж, спасибо. А незадолго до ужина в „фойе“ накинулся на меня шнырь-заготовщик, мерзкая гопота лет 20 с небольшим – он, как я уже знал из разговоров, и получает в столовке хлеб. Мол, почему ты не ходишь в столовую? – А что такое? – На тебя жалуются. – Кто жалуется? – Отрядник. Отрядник ему на меня, оказывается, жалуется, ничего себе!.. Точнее, конечно, он просто сказал [запись оборвана]

16:20

Опять не успел я дописать – опять прибежал сигаретчик...

В общем, шнырь в приказном порядке потребовал, чтобы в ужин я зашел в столовку, получил пайку, а то, мол, ему отрядник выговаривает. Я спросил, почему он не может принести и отдать в бараке, и на его ответ (дословно не помню, но что-то хамское, как обычно) – сказал от всей души: „Подавитесь этой пайкой!“ В столовку я так и не заходил, но сегодня после обеда, как раз когда я писал об этом, – тот же цыганенок опять принес мне обеденную пайку и на мой вопрос, шнырь ли ему дал, ответил: „Да я у него сам беру“. Дай бог, чтобы подольше хватило его энтузиазма брать мне хлеб, – м. б., проблема хоть отчасти решится; а сам цыганенок, видимо, неплохой парень, не злобный; сидит уже 2-й раз, до этого сидел на малолетке; и в свои 18 лет уже женат и имеет ребенка!

А сигаретчик приходил сейчас – можем ли пойти в ларек, выбить узбеку, с которым он на 12-м чинит телефоны, 500 рублей за зарядник? А то без зарядника беда – ходить, просить кого-то, чтоб дали зарядить трубу. Что ж, это хоть на дело – пошел, отдал.

Общие траты в ларьке, таким образом, составили сегодня аж 1029 рублей – кошмар! По-моему, столько в один день я не тратил ни разу, что сижу здесь...

22:30

Нет, не позвонил и вечером – „Мегафон“ так и не работает; билайновскую или НСС-овскую симку попросить не у кого – всех перебрали сейчас с сигаретчиком. Мать, наверное, там ходит с ума...

А вчерашний разговор с отрядником, как я и думал, ничего в ГЛАВНОМ вопросе за собой не повлек: место в столовке мне найти ни вчера, ни сегодня никто даже не попытался...

10.12.10. 9:03

Утро. Заходил сигаретчик, затарился всем. „Мегафон“ так и не работает.

Мне осталось сегодня ровно 100 дней...

9:23

Охреть!.. Пятница, но опять – только что – шмон-бригада! На сей раз на 6-й, 7 человек. Хорошо, что я завтракал, не зная и не ожидая этого, а то бы кусок в горло не полез...

Пока это писал, на 6-й зашли еще трое. Итого 10 уже...

11.12.10. 9:21

Безумный был вчера день... „Мегафон“ заработал только вечером, и между ужином и 7-часовой проверкой я и сигаретчик успели позвонить своим. А до этого, в начале 5-го, – от отчаяния, бессилия, безысходности – надумал я попробовать последний вариант: пойти к этому своему приятелю в библиотеку, спросить, нет ли симки у него. Сигаретчика взял с собой, чтобы, если тот даст симку, не искать и не ждать его потом.

А надо сказать, что тут вчера вдруг наступила весна! С утра все стало таять, потекло, закапало; кругом лужи и гололед, причем у двери барака и за воротами „нулевого“ (где еще и под уклон) – такой, что идти невозможно. Короче, библиотекарь мне сказал, что симки у него нет – но по дороге к нему, в темноте, у самых дверей библиотеки – там какая-то впадина, неровность почвы, и эта впадина была заполнена водой. В этот мини-пруд я и попал в темноте – сперва одной ногой, а потом, уже выходя, – и обеими.

Насквозь!!! В предбаннике библиотеки, сделанном из фанеры, тоже было воды по щиколотку, и положены дощечки, чтобы ступать на них – но куда там!.. Тряпочные коты, 3 пары стелек в них, носки трикотажные и шерстяные – все насквозь мокрое, а в бараке – специально спросил у обиженного-стирщика, заведующего всем этим хозяйством, – сушить негде. Что ж, стельки повесил на торец шконки, они уже не такие мокрые, подсыхают; а когда высохнут коты, страшно и подумать. Не дай бог, завтра мороз!.. Обул осенние ботинки – хорошо, не успел отнести их в ремонт, как собирался! Пошел в них на проклятый ужин – и на „продоле“, в темноте, тоже влез обеими ногами в лужу, но не промок, кожаная обувь выдержала. И все-таки – после последней проверки, чуть попятившись, чтобы пропустить прущую к двери барака толпу насекомых – все же по скользкоте съехал одной ногой в глубокую канаву с водой под самой стеной барака и черпанул-таки! Но, слава богу, не так сильно, как в библиотеке, а ботинкам из кожи намокание не грозит.

В утреннюю проверку вчера отрядник сказал, что сейчас будет осмотр внешнего вида (записал одного, кто вместо зимней шапки был в „феске“), а проверка по карточкам – когда-то потом: то ли еще какая-то проверка в 2 часа, то ли вечером (чтобы вообще не успеть поужинать, ага!..) – я толком не понял. Но – не было! Обошлись как-то один день без карточек!..

Пошел сегодня на завтрак – на стенде у столовки висит объявление, что какой-то парень с 5-го барака, с татарской фамилией, 1990 г. р., ст. 158, срок 3 года, – осужден Тоншаевским судом на 5 лет за „нападение на представителя администрации“. Вот так! Добавили!.. Жаль, что он не убил совсем этого „представителя администрации“. А Тоншаевский суд, мне 5 раз отказавший в УДО, – я давно думаю – стоило бы взорвать, или хотя бы шмальнуть по их окнам из гранатомета...

А этих, кстати, мне не жалко, сколько бы им ни добавляли. Гопота в соседнем проходняке – те самые стремщики, прятальщики телефонов и пр., – собираясь там всей толпой, попеременно со своими стремщицкими, барачными, лагерными и пр. делами периодически с жаром обсуждают, как лучше

грабить на воле, на улицах: как нападать на прохожего сзади, как именно его бить, можно ли бить ногами, и пр.; самая идея же – напасть, избить, повалить, чтобы отобрать телефон, деньги и пр. – у них не подвергается ни малейшему сомнению, считается чем-то само собой разумеющимся; спорят только о технике. Ну, это на кого попадете, ребята, – могут вам и так навалить, что долго в больнице лежать будете; а я бы предпочел, чтобы побольше народу носило пистолеты – и такую вот мразь при первой же попытке нападения просто отстреливало. Последние новости, пока пишу, – эти ублюдки, мои гопнички-соседи, уже „ставят“ 50 (!) литров браги, чтобы выгнать из нее 10 литров самогона к Новому году. Надо ли говорить, что именно это пошло – главная причина повальных предновогодних шмонов каждый год и главный объект поисков?..

13.12.10. 13:02

2 дня подряд приходил с утра сигаретчик и занимался долгой, нудной и безнадежной починкой своего телефона. Это страшная рухлядь, хотя всего-то 2007 г. выпуска; что ни делай – у него уже 3 батарейки к ней, хороший зарядник и пр. – все без толку! То телефон каждые несколько секунд отключается, – якобы, по словам сигаретчика, слишком (!) сильно заряжена батарея и ее надо слегка разрядить. То накрываются контакты в самом телефоне (принимающие питание от батарейки, видимо), то еще что-нибудь. По часу и больше он возился вчера и сегодня прежде, чем я смог позвонить матери.

Вчера я из-за этой его возни и завтракал только в 10-м часу, когда смог наконец позвонить. Сегодня я кончал завтрак, когда он пришел. Очень быстро выяснилось, что я был прав, решив отложить поход в баню до 10:30. Не было еще и 9 утра, по моему, – уже „шмон-бригада на большом!!!“, хотя сегодня только понедельник, а не среда. Сигаретчик убежал было, судорожно расставив все барахло от телефона, батарейки и пр. по рукавам и носкам, но, как только выяснилось, что шмонать пошли на тот „продол“, тут же вернулся.

В бане не было вообще никого, когда пришел я и несколько человек с 3-го, из которых одного я знаю по длительной сви-

данке, кажись, еще с 2009-го. Боже, какое это наслаждение – спокойно раздеваться на свободной лавочке, не теснясь и не толкаясь, когда нет этой безумной, оголтелой толпы подонков! „Лейки“ все, на удивление, работали; правда, открывавший воду банщик сказал, что воды мало: на час не хватит, не больше, чем на полчаса, – но я успел. Одевался же я вообще в свое удовольствие – в абсолютно пустой раздевалке, куда вышел первым; и долго смотрел, не в силах поверить, на новое чудо: полосу толстой белой синтетической теплоизоляции, набитой на притолоку, чтобы не дуло из входной в раздевалку двери...

Вот и все пока, собственно. Во время проверки неведомо как просочилась в барак очередная „комиссия“: Демин, начальник санчасти, и какой-то невысокий, седой, в очках, который, кажется, на моих глазах выходил из его кабинета в одну из прошлых „комиссий“. Как они зашли, я не видел и был очень удивлен: отсчитанные по карточкам резвенько побежали в барак, не дожидаясь конца проверки, мусор их остановил – а они стали ему объяснять, что, мол, в барак зашла комиссия – и надо убрать „лишние вещи“. Он, тем не менее, никого туда уйти не пустил (а угроза у них у всех при любом споре одна: мол, я сейчас начну заново (считать по карточкам). И никому, конечно, не приходит в голову сказать ему, что, мол, а мы сейчас уйдем в барак и не станем заново проверяться по карточкам... Я слышал, как все же как-то проникший в барак сучонок-„дорожник“, битый мною в сентябре ногой в грудь, говорил блатным, пока досчитывали по карточкам: мол, „их“ („комиссию“) никакие „лишние вещи“, пепельницы и пр. вообще не интересуют, на них и не смотрят, а – сколько шконок, табуреток и т. д. Один из главных блатных на это отвечал, что (по его сведениям неведомо откуда) кто-то „по тылу“ должен был приехать из УФСИНа (т. е. из Нижнего, видимо) только в среду. И лишь увидев Демина, до тех пор не упоминавшегося, я понял, что „комиссия“ эта скорее могла носить – так или иначе – санитарный характер, нежели режимный.

15.12.10. 12:33

Среда, шмонный день, но шмона не было. Вчера зато был на 7-м – уже 2-й за последнее время, но, правда, шмонали не

30 человек, а 8. Вчера же на утренней проверке отрядник объявил, что завтра (сегодня) приезжает очередная комиссия – „начальник управления по тылу“ (видимо, замначальника нижегородского УФСИНа по тылу). Новый год на носу, а они, суки, все ездят, не сидится им дома... Пожелания отрядника по такому случаю были: всем ходить в зимних шапках (самый ведь „тыл“ – шапки); в столовку идти строем, а не тянуться по одному; будут ходить по баракам – вставать и здороваться; ну и – „убрать все лишнее“, как всегда.

Ждут комиссию, да еще и суд в штабе сегодня (библиотекарь идет), – м. б., поэтому и не было шмона. С утра, выходя на завтрак, мелкие сучки-„дорожники“ уже твякали на всех, что, мол, „давайте дождемся остальных“, – вот уж и вправду „черный СДиП“, как некоторые называют здесь таких. После завтрака понесли из секций в раздевалку телаги (особенно смешно, что многие – на вешалках-„плечиках“, т. е. явно не для общей раздевалки предназначены), меньше – сумки; но безумной паники и истерики, как обычно бывает, на сей раз (пока!!!) не было. Про комиссию доселе не слышно, все спокойно; обычный приход отрядника в 11, обычная проверка им части отряда по карточкам... Но телефоны (все ли, или большинство, хрен их знает) блатная шелупонь велела убрать до вечера – и на этом бараке, и на прочих (10-м, например).

Сегодня должны объявить новый приговор Ходорковскому. Главное событие всего последнего времени; примета недалекого уже, с марта 2012-го, будущего. Надеяться на что-то хорошее, на какую-то хотя бы относительную мягкость приговора – нет никаких оснований. К вечеру узнаем – если (пришло мне утром в голову) его не будут из-за колоссального объема зачитывать несколько дней, как это было, по-моему, с первым приговором в 2005 г.

С утра еще ничего, но часто дикое, мучительное чувство усталости, бессилия и безразличия ко всему, отупения какого-то, охватывает к вечеру – хотя надо бы радоваться, что вот еще один день прошел, все меньше их остается (95 на сегодня). Но нет буквально никаких сил – ни физических, ни моральных – соби-

раться, одеваться, вновь и вновь каждый раз обматываться шарфом, натягивать проклятую шапку – ползти на не нужный мне на хрен ужин или на опостылевшие эти проверки; плетешься, как заводная кукла, из последних сил, по снегу и льду, ничего уже не соображая и не желая – не остается сил желать даже освобождения и думать о нем... Вымотался... Укатали сивку крутые горки... Будьте вы все прокляты, суки – и те, и эти, в робах и в камуфляже – за все это, что мне пришлось здесь пережить!..

16.12.10. 6:35

Опять не давали спать эти ублюдки в соседнем проходняке, гопники-„стремщики“. В 3 часа ночи проснулся от истошно вопящей музыки – слушали ее через телефон. Несколько ночей назад это был какой-то фильм, скачанный из интернета, тоже с постоянными истошными воплями и визгами, тоже на телефоне. Казалось бы, какая уж там особенная громкость у телефонного динамика? – но в ночной тишине это визжало и орало так, что я просыпался. С вечера еще эти ублюдки опять притащили из „козлодерки“ абажур с проводом от настольной лампы, которую пару ночей им там не давали – то ли впрямь забирал отрядник, то ли просто запретил давать; саму же лампочку на сей раз просто выкрутили из люстры в секции. Формально вроде бы как – из их разговоров – свет нужен одному из них, уборщику телефонов, для того, чтобы их убирать, в темноте он не видит. Но – он их начинает убирать только в 5 утра, а свет, да еще и визг музыки, и галдеж всей этой мрази, собирающейся в этом проходняке, – не дают мне спать всю ночь... О чем бы эти ублюдки ни говорили – о прятанье ли телефонов, о шмонах, о браге своей, о методах грабежа на воле, о своих „приходах“ от наркотиков или о том, как они напивались на воле, – меня трясет от омерзения. Как хотите, а для меня это мясо, не более того. МЯСО, говядина, с которой можно делать все, что угодно – от отбивания до запекания. Права на жизнь для этих ублюдков, уголовников-грабителей и бессмысленных алкашей (их родители, родственнички, друзья и подельники на воле – а все вместе это большинство населения страны) не существует, жить они не должны. Их надо убивать, уничтожать; везти из

милиции не в ИВС, а сразу в крематорий – и живьем в печь! Иначе эту биомассу, эту мразь нам не одолеть никогда. Они должны умирать – тайно, тихо, но неотвратимо и без всяких ненужных судопроизводств – чтобы могли жить и дышать нормальные люди. В это МЯСО любая пуля, любой выстрел – благо, в отношении их нет никаких запрещенных приемов, ни здесь, ни на воле, – эту мразь, это пьяное быдло и уголовников-грабителей и воров надо не то что дубинками, а ядовитыми газами травить, уничтожать радиацией, напалмом, всем, чем угодно, – эта биомасса жить не должна, она должна подыхать, дико воя и корчась в пламени крематориев под наши аплодисменты...

А вчера вечером очень удачно дозвонился ребятам на Онежскую, на их „КС“ еженедельный по средам. Там оказались Низовкина и Стецура, девушки из Улан-Удэ, прославившиеся уже своими листовками и судом над ними по 282-й ст. УК. С Низовкиной мы говорили долго, со Стецурой – поменьше, под конец (дело шло к последней проверке в 21:30) . Говорят они, что суд продлится еще долго, месяцы, – обсуждение выводов экспертиз их текстов, потом прения сторон, – по такому делу все это занимает очень много времени. Если приговор будет не к реальному сроку – хотят потом перебраться в Москву и заниматься делами как бурятскими, так и вообще национальной тематикой – в том же антиимперском ключе, что и я. Т. е., сотрудничеству нет альтернатив, я надеюсь, мы сработаемся с ними. Не знаю только, хватит ли им жесткости, душевных сил – воевать с такой же беспредельной ненавистью к врагу, как та, что чувствую я...

12:32

Последняя громкая (для меня) новость – прошел-таки вчера суд библиотекаря с „девятки“, Андрюхи, к которому я ходил, и где-то перед Новым годом, 25-го или 27-го, – уходит по УДО! Сообщила мне эту новость азербайджанская обезьяна из 11-го в ларьке, как только я пришел сюда сегодня утром. Вот уж не думал, что с громадным (по словам самого Андрюхи) иском его отпустят!.. Вряд ли встретимся теперь когда-нибудь, хоть и обменялись телефонами: я освобождаюсь позже его и должен буду звонить

первым, – едва ли у меня будет такое желание...

Сама обезьяна ходила пока только на „комиссию“ из зоновского начальства, которая горячо поддержала его освобождение по УДО. Суд еще предстоит.

Приговор Ходорковскому вчера отложили на 27-е – нарочно, видимо, потому что ни здесь, ни на Западе (Рождество!) он в это время, естественно, уже не привлечет такого внимания, какое привлек бы вчера, – и пресса, и власти, и обыватели заняты праздничной, предновогодней суетой...

Сигаретчик попросил, чтобы мать привезла ему из Москвы 2 пачки его любимых (считающихся здесь роскошью) сигарет „Капитан Блэк“, которых нет (!) в Шахунье. Мать, естественно, как я и ждал, устроила по телефону истерику с визгом, криками и причитаниями, едва я сказал, что пачка стоит 100 рублей.

Комиссия так и не появляется, – сомнения даже, есть ли она вообще...

18.12.10. 12:45

Опять ночью эти мрази в соседнем проходняке не дали спать. От силы 3 часа проспал: лег только в полдвенадцатого (вечером дозвонился-таки до Лены Маглеванной, впервые с ее эмиграции из России, и целых полчаса очень хорошо проговорили с ней, в основном о планах на будущее). Проснулся где-то около полтретьего – и уже не дали заснуть: у ублюдков горела лампа и гремела из телефона музыка (поганые блатные песни). Я знал, что уже не уснуть под это, хотя и добросовестно пытался; только под утро, в 5-м часу где-то, выключили музыку – но уже надо было вставать. После подъема быстро приготовил себе завтрак, лег – и тут же провалился в сон; но надо же не проспать проклятый ИХ завтрак (хотя в их столовку я так и не захожу!) – с перерывами, поглядывая на часы, подремал немного – и на мороз, с утра бывший очень сильным (сейчас на проверке один говорил, что утром было -27° , сейчас – потеплее, градусов 20). После завтрака хотел лечь, подремать еще, если получится, но явился сперва сигаретчик с телефоном (хоть позвонить матери...), а потом, – совершенно неожиданно для субботы и к тому же необычно рано – отрядник. В общем, поспать не дали. Самое

страшное, самое трагическое здесь, в этих тюрьмах и лагерях, среди этой злобно-бессмысленной малолетней гопоты – это когда она не дает тебе спать... Сойти с ума, заболеть, обессилеть, сдохнуть – все возможно тут, и все это начинается с того, что круглые сутки тебе не дают спать.

Еще одно расстройство – чем мельче оно кажется, тем досаднее, до полного остервенения: этот ублюдок, обиженный, который стирает мне здесь вещи и которого я знаю еще с лета 2008-го, он при мне „поднимался“ на 13-й – потерял, сука этакая, мои носки! Целых 2 пары!.. В понедельник, после бани, как всегда, взял все вещи стирать – и только сегодня, в субботу, после 3 дней уговоров, принес их мне – они висели в холодной дощатой „обувничке“, и, разумеется, все замерзшие, покрытые инеем, а оттают – абсолютно все мокрые, за неделю почти висения там и близко не высохли; если б этот ублюдок принес мне их во вторник, допустим – давно бы все было сухое! А где носки? – спрашиваю. – Я тебе их вешал на дужку. – Когда?! Т. е., типа, он мне ДАВНО УЖЕ их туда повесил – а там висят чужие, и сосед подтверждает тут же, что это его. В общем, этот ублюдок-стирщик буркнул мне потом, что, мол, „посмотрит“ – но уже ясно, что носков нет, 2 пары, в том числе одна новая, только в конце ноября привезенная матерью, пропали, как постоянно пропадают здесь на всех бараках у всех (у блатных даже) вещи, стираемые этими тварями...

Как тяжело, невыносимо, до рвоты омерзительно жить день за днем среди всех этих гнусных тварей, в этом жутком зверинце, и как я еще не сошел с ума за 5 лет такой жизни – нет слов, чтобы про это рассказать... Будьте вы все прокляты, чтоб вы все передохли, мрази!!!

19.12.10. 6:55

Гнусно, омерзительно, невыносимо... Основных, самых омерзительных факторов – два: ублюдки в соседнем проходняке, не дающие спать, и не работающий де-факто телефон сигаретчика. У гнусных насекомых в соседнем проходняке – и сегодня, как КАЖДУЮ ночь, – свет и музыка всюю; музыку врубили и свет зажгли, еще я не успел и лечь, 12 не было. Спал в эту ночь тоже

очень мало, урывками – вроде чуть-чуть удавалось подремать даже и несмотря на музыку, уже под утро. Кроме того, сейчас эти мерзкие твари озабочены уже несколько дней, еще одним важнейшим делом – самогоном. „Ставят“ брагу на конфетах (карамельках), озабоченно слушают, как она „гуляет“, и еще более озабоченно обсуждают, куда тащить баулы с канистрами, в какую сторону, на тот ли „продол“, или еще куда, если „пробьют шмон-бригаду“. В выходные-то вряд ли, но вчера Окунь и Лялин, как они любят в свое дежурство, весь день, утренней проверки, своими силами шмонали разные бараки. На 8-й не заходили, но когда были на 4-м (над нами), по-моему, – насекомые схватили свой баул и потащили куда-то вон из барака, прятать...

А сигаретчик вчера явился (последний раз за день) почти сразу после отбоя – и около полутора часов пытался позвонить со своего телефона, а тот постоянно отключался – то в первые же секунды после включения, то чуть погодя, когда сигаретчик уже начинал звонить. Как хорошо, что я в предчувствии такой ситуации 2-й раз за день позвонил матери еще в 4 часа дня, когда сигаретчик тоже заходил! В общем-то, телефон его – не рабочий, сломанный (все говорят ему, что там сдыхают „мозги“ – не знаю, процессор, что ли, они так называют, или что еще...); позвонить по нему удастся разве что случайно, когда он почему-то не капризничает и не отключается. Т. е., нормальной, стабильной связи у меня по-прежнему нет здесь – и в последние месяцы, как в первые... Блатной азиат вышел вчера из ШИЗО, но его можно не считать...

А вся эта ночная жизнь в бараке (во всех бараках!), с активной беготней, картами, наколками, брагой, выключением верхнего света дай бог в 11, а то и в 12 ночи, с личными лампочками в каждом проходняке, с музыкой и галдежом всю ночь, после чего утром насекомые заваливаются спать, а я страдаю без сна сутками, – все это, между прочим, вполне себе повод для жалоб (с воли, естественно) и на отрядника, не могущего в своем отряде обеспечить порядок и соблюдение их же ПВР (отбой в 22 ч.!), и на Макара, и т.д., и т.п.

20.12.10. 12:26

Понедельник. Началась 13-я неделя до конца. Мне осталось здесь ровно 90 дней...

Поразительно, как легко – после стольких потраченных нервов – сигаретчик нашел решение проблемы своего телефона! Кто-то на 12-м дал ему батарейку от телефона Nokia – и с ней труба стала работать нормально, безукоризненно, ни разу не отключаясь, когда не надо! И когда там же, на 12-м, телефон прозванивали (проверяли каким-то прибором напряжение внутри и т. д., точнее я не знаю) – результаты показали, что он далеко не такой полумертвый, как при предыдущем прозванивании со старой батарейкой. Подтвердилось мое смутное ощущение, что дело тут было именно в питании, а не в „мозгах“ телефона, возникшее еще тогда, когда на днях сигаретчик объяснял мне про эти самые „мозги“.

Ту нокиевскую батарейку надо было вернуть, но взамен нее там продавали за 200 рублей тоже нокиевскую, но совсем новую. Деньги надо было положить на телефон владельца – я попросил мать, продиктовал цифры, и сегодня она должна это сделать. Таким образом, главнейшая проблема – со связью – слава богу, вроде бы решилась.

Морозы страшные, за 20° точно – нос слипается сегодня с утра при малейшем вдохе. Естественно, как я и ожидал еще осенью, баня не работает. Пошедший было туда типчик из соседнего проходняка (но живущий почему-то в моей тумбочке) быстро вернулся и сказал что-то типа: „трубы не прогрели“. Скорее, трубы просто полопались от таких морозов, но как раз в это время сидел здесь сигаретчик, строчил свои эсэмэски, а движения в бараке – обычных сборов и выходов с пакетами и тапками – не было вообще никакого; так что я, поняв, что нет смысла зря таскаться по морозу, не пошел.

Шмона, слава богу, тоже нигде не было, хотя с утра уже я был наготове. То ли морозы мешают, то ли – сейчас „козлы“ в проходняке напротив меня говорили, что Макар выйдет 27-го (а сейчас он где?) – м. б., тогда и начнется эта вакханалия повальных шмонов в последние предновогодние дни?..

22.12.10. 6:30

Опять убудки в соседнем проходняке всю ночь галдели и ржали, всю ночь жгли свет, слушали музыку и т. д. Но – повезло: проснулся в 2-15 (как раз стандартные 3 часа, как лег) – и потом смог заснуть опять, до 4-35, еще полтора-два часа проспал. Ну, уж действительно повезло! А компашку за „шкеркой“ – пришла мысль – из темноты неожиданно вломиться и переломать бы им с маху бейсбольной битой все ребра, раскроить черепа...

За сигаретчиком, видимо, слезка на 10-м и впрямь серьезная, – вчера он приходил всего дважды, но домой я смог позвонить только 1 раз, – во второй было и рано еще, и у него, по-моему, разрядилась батарейка. Второй вечер вчера напрасно прождал его после отбоя (хотя, конечно, до этого его постоянное присутствие, когда он сидел здесь со своими эсэмэсками и звонками „любимой“ (и глупейшими разговорами с ней – пытался насильно заставить ее познакомиться с его матерью), а я при этом не мог нормально лечь, т. к. он занимал треть, а то и половину шконки, – очень напрягало, особенно как раз после отбоя, когда уже хочется спать.

Сходил вчера сфотографировался на паспорт. Пришел в начале 10-го – и как раз одновременно со мной с вахты зашел туда же, в „нарядную“, вольный фотограф. Было всего человек 5–6 с разных барачков, с 8-го – я один; а остальных (с одного 8-го – целый список) пришлось потом вызванивать оттуда и здесь дергать „козлам“.

Днем вчера потеплело и опять завалило снегом всю зону, мело весь день и вечер. С утра не холодно, но и не оттепель, конечно. Шмона вчера не было, но вполне может быть сегодня, – среда. Мне осталось 88 дней.

12:28

Мороз усиливается – поторопился я написать, что не холодно. Идет легкий снежок. Приходил утром сигаретчик, – вчера, как я и думал, он не мог вырваться. Позвонил домой; но труба эта опять работает отвратительно – отключается то и дело; недолго музыка играла!.. Сигаретчик говорит – то ли провода там отходят, которыми присоединена (вместо нормальных контактов)

батарейка, то ли телефон замерзает, хранясь на улице, – но, во всяком случае, три дня мы радовались, а потом все опять стало так же, как было...

Пока он сидел у меня – поперся шмон на 9-й, – 5 мусоров, потом еще 4. С утра, после подъема, забился туалет, – наглухо, не работает до сих пор, обиженный-работяга полдня уже носит оттуда ведром воду. В общем, та же тягостная, тошнотворная история, что была и на 11-м – только колодца здесь нет, он во дворе 4-го, с той стороны корпуса, и перед проверкой были слухи, что его пробивают. Тот же тягостный, невыносимый, мучительный, привычный уже лагерный бред...

23.12.10. 11:04

Страна идиотов, будь ты проклята! Населенная тупым, пьяным быдлом, ничего не умеющим, ни к чему не способным – только пить да воровать... Руки из жопы растут у этих Кулибиных, которыми почему-то на Западе так прославлена Россия, – и прав известный перестроечный анекдот про японца: „Дети у вас хорошие, а все, что вы делаете руками – отвратительно!“...

Туалет вчера не работал весь день. Только вечером пришли его пробивать, как обычно, стальным тросом штатные ассенизаторы-зэки с „кечи“, его и колодец во дворе 4-го. Пробыли; после отбоя все уже работало (и выстроилась очередь на час). С утра сегодня, перед подъемом – все было еще нормально; но с подъема – ОПЯТЬ!!! Та же картина: пол по щиколотку залит водой, один обиженный, бедолага, вычерпывает ее байзером (объем – 1 литр), а другие, уже двое – выносят и выливают во дворе в дренажную канаву налитое им. И конца-края этому не видно (носят уже опять с подъема вот до сих пор), как не видно и ассенизаторов с тросом. Поистине: вот она, дурная бесконечность русской истории...

В начале 10-го – опять прется шмон-бригада на тот „продол“ – но оттуда вдруг перелезает „дорогой“ (узкая щель в железном заборе, всего-то 1 прут вынут) на 4-й – и, по всей видимости, шмон на 4-м. Первый за этот Н.г. шмон на нашем „продоле“.

Сходил в ларек. Хлеба так и нет – но обещают, что скоро он будет,

т.к. „сделают“ печь в пекарне. Когда „скоро“? После Нового года, что ли? Мне осталось тут всего 87 дней, 12 1/2 недель...

24.12.10. 12:41

Главную новость, глубоко меня поразившую (тем не менее, я не сразу вспомнил ее сегодня утром), сообщила вчера вечером по телефону Маня: эмигрировал в Америку Нестеренко! „Солнце русской поэзии“ конца XX и начала XXI века. Текст с его сайта, где он объясняет мотивы своего отъезда, Маня обещала прислать мне через мать на январскую свиданку.

Его стихи я постоянно повторял про себя и на воле, и – в большем уже объеме после того, как Маглеванная прислала в 2008-м полную распечатку с его сайта – здесь, в лагере. Я жил и дышал его стихами. Нельзя сказать, конечно, что его эмиграция – это какое-то предательство, дезертирство и т. д.: он ничем не связан, никому ничего не должен, он – свободный человек; более того, один из самых свободных, приличных и достойных людей в этой стране. Упрекнуть его не в чем. И, разумеется, в общем-то, не новость, что в этой стране и не может жить ни один человек, понимающий сколько-нибудь свое человеческое достоинство, – об этом, с незначительными оговорками, писал еще Герцен. Не может и не должен, и сколько уже уехало... Но все же... Я пытаюсь пред-ставить: будет ли он там, в Америке, писать стихи, как писал их 20 с лишним лет здесь? Вероятно, да, и даже, м. б., по-английски, как когда-то Бродский, продолжателем традиций которого Не-стеренко, по мнению некоторых (в т. ч. и моему) является. О чем? О статуе Свободы? О гражданской войне XIX века? О трагедии 11.9.2001 и борьбе с „исламским терроризмом“? Может быть. Мне лично трудно, почти немислимо представить его вне этой, с рождения привычной, но, увы, неизбежной русской парадигмы, которую он так же ненавидел, как и я, вне этих зим и снегов, которые он так не любил и о которых писал шуточные стихи: „Но плетеные складных фраз не спасет от зимних трасс...“, вне этого всего, „родного“... Он был больше всего нужен здесь – и именно здесь имел смысл, именно здесь имели смысл и были востребованы его стихи – хотя бы мной, в лагере, чтобы повторять их, бродя по

„локалке“ в ожидании проверки. Будет ли все это востребовано и кому-то нужно там? Он сам ведь в 2003 написал эти пророческие, на все века – прошлые и будущие – русской истории строки: „Тем же жалким процентам, / Кто не чтит божества, / Азиатским акцентом / Отплатила Москва. / Даже если в ОБИРе / Проводят по уму – / Встретят в тамошнем мире / По клейму твоему“.

Это про нас про всех. Он поступил наперекор этим своим же строчкам, которые я в 2008-м приводил Мане, отговаривая ее от тогдашних мыслей об эмиграции. Во всяком случае, это огромная, невосполнимая потеря для меня и для нас всех, для всего мыслящего, что еще осталось в этой злосчастной стране. Если бы я стоял, а не сидел, услышав от Мани это известие по телефону, – у меня, наверное, подкосились бы ноги...

В остальном тоже все неутешительно. Шмона, правда, сегодня (пятница) не было, но это, скорее всего, потому, что опять сильно похолодало на улице. Мороз – градусов 20, не меньше, но узнать точно негде. В эту погоду особый кайф – лазить постоянно, причем без телаги, по двору, и особенно ночью, ибо туалет так и не работает! Какое-то непонятное затруднение – типа того, что у ассенизаторов нет троса, чтобы пробивать (куда трос девался – непонятно; по крайней мере, вчера вечером был). Умывальником тоже пользоваться нормально нельзя – слив заткнут, чтобы вода не текла в забитый общий слив, и он полон воды, которую обиженные вычерпывают байзерами и чем попало. Так что побриться, например, хотел вчера – хрен! Блатных это положение тоже заметно раздражает, они матерятся и злобно орут на обиженных – но сделать ничего не могут и они. Быт в полной разрухе, в сочетании с морозом это особенно чувствуется и „радует“ душу. Тоска... Безнадега... Осталось мне 86 дней.

Вздумал вдруг утром, лежа в ожидании щмона, подводить итоги года – он ведь через неделю кончается. Увы, подводить оказалось нечего – буквально никаких важных для меня событий не мог припомнить Год прошел серо, тоскливо, вяло, словом – никак. Было много горечи, унижений, мерзостей; радостного ничего не вспоминается. Ну, перевели на 8-й, – так это уже не событие, после катастрофы перевода на 11-й в 2009-м... Ну, уехал

Нестеренко... В общем, итоги года никак не складываются, их попросту – физически – нет. Если вспомню что-нибудь, напишу потом.

Косоглазый блатной узбек, на номер которого мать сегодня с полпервого собиралась мне звонить (сигаретчик ушел на сутки на свиданку) – пока я писал, подошел к моему проходняку с трубой в руках, посмотрел, на месте ли я – но ничего мне не сказал, а, как я понял, после этого взгляда на меня прямо здесь же нажал на телефоне „сброс“ входящего вызова – и ушел.

22:09

Все совершенно ужасно. Туалет так и стоит затопленный, не работает. Морозище на улице весь день – не 20°, я ошибся, а все 30, не меньше. Через косоглазого ублюдочного узбека мать так и не дозвонилась, он ничего мне даже не сказал.

Русская зима, черт бы ее побрал, будь она проклята! – а особенно РУССКАЯ ЗИМА В ЛАГЕРЕ! Чувство полного тупика – невозможности нормально жить в полной разрухе быта...

25.12.10. 16:54

Поразительно, но туалет таки сделали ночью! Я не поверил глазам и ушам, когда, проснувшись ночью, впервые увидел и услышал это. Могут ведь, твари, когда захотят!.. Одна проблема успешно разрешилась.

На улице стало потеплее, пошел снег. В Москве ноль градусов, и мать, как всегда, боится – как она поедет 28-го, во вторник, на вокзал (ко мне), удастся ли проехать через эту распутицу и пробки, ею вызванные..

Матери позвонил только недавно, после обеда, когда пришел сигаретчик с трубой и двумя новыми симками – „Билайн“ и НСС, номер которой он пока сам не знает. 300 рублей надо положить на „Билайн“ в оплату за еще одну батарейку, им найденную, – сказал матери.

Перед самой проверкой вдруг опять зазвучало в воздухе слово „комиссия“, а сразу после проверки кто-то из малолетних начальничков прокричал в секции – мол, надо сделать для комиссии показушный вид, „убрать пепельницы и шкерки“, и вообще – „отнеситесь ответственно!“. Последнее меня особенно

позабавило. Какая комиссия, идиоты, Новый год на носу!.. Вскоре после проверки явились отрядник (опять; он на проверке и считал) и какой-то Клешнин, который – помню эту фамилию – недавно тут уже мелькал. Но сейчас было непонятно, то ли он приезжая „комиссия“, то ли уже тут работает; кто-то даже вслух спрашивал: мол, Клешнин, – а где же тогда Агроном? Что он, вместо Агронома теперь, что ли? Засели вдвоем в кабинете отрядника, Клешнин пару раз ходил оттуда в „козлодерку“ и обратно, потом ушел.

Между тем, жить в этом бедламе, в этом дурдоме становится все тяжелее. Малолетнему (19) ублюдку-гопнику в соседнем проходняке, убирающему и достающему телефоны, отрядник, придя утром, громогласно пообещал: мол, если сейчас пойдешь в школу и будешь ходить дальше, я тебя больше ругать не буду и Новый год встретишь в отряде, – а до того этот хмырь был уверен, что встретит в ШИЗО, и я очень рассчитывал, что хоть пару недель отдохну от этой мерзкой твари, само нахождение с которой под одной крышей для меня оскорбительно. Тот, разумеется, довольный, побежал в школу. Но свет по ночам зажигает теперь не только эта мразь и ее дружки: вчера ночью свет горел, как теперь тоже обычно, напротив меня, у „козлов“; и плюс – следующий за ними проходняк, тот самый, где сначала жил я, а теперь на бывшем моем месте спит цыган – и собираются со всей зоны его соплеменники, как было на 11-м, – тоже зажег у себя лампу. Простые лампочки, вкрученные в патрон, за провод подвешенный к верхнему ярусу шконки, – т. е., ничем не прикрытые, бьют прямо в глаза! Ублюдки рядом со мной зажгли попозже. После отбоя – максимальное за сутки оживление, все тусуются, ходят туда-сюда, жрут и готовят жрать, гонят самогон, играют, читают (!), слушают музыку (хорошо, что только на телефонах, а не грохочет на всю секцию, как на 13-м). В общем, ночная жизнь у них бурлит; спать ложатся считанные единицы, и то в основном возрастом постарше. Свет гасят где-то к 12, но бурление продолжается и при свете ламп в проходняках, воткнутых в личные тайные розетки. Более-менее затихает оно только где-то часам к 3, когда до подъема остается спать 3 часа, а

мне, в 5 встающему, – вообще 2. Излишне говорить, что ночной стрем работает так же четко, как и дневной, – и при появлении обхода (бывающего отнюдь не каждую ночь) все лампы тут же гасятся, телефоны с музыкой выключаются, все ложатся по шконкам – но как только обход ушел, все начинается снова. Т.е., они по полной программе, на все 100% не дают мне спать ночью; а сами эти ублюдки, мерзкие насекомые – гасят свет в секции и поголовно заваливаются спать зато после завтрака, когда я заснуть не могу, а их самих в каждый свой утренний приход будит отрядник...

26.12.10. 10:18

Все хуже и хуже... Опять всю ночь горели 2 лампы – у мерзких гопников около меня и напротив у цыгана. Светло, как днем, как будто верхний свет забыли погасить. Всю ночь гнали самогон в „фойе“, и ублюдки-гопники в соседнем проходняке под утро, я слышал, разливали его по емкостям. Уже который день вся эта кодла с увлечением гонит самогон... На удивление, даже утром не завалились спать, как обычно: главное чмо, уборщик телефонов, пол-утра смотрел на телефоне какой-то фильм, скачанный из интернета...

27.12.10. 11:04

Идиотская эта жизнь... В начале 10-го был шмон на 7-м – 6 мусоров + 1 на 3-м. Самые ужасы, самые жестокие и массовые шмоны, видимо, придется на 29-е (как раз когда я буду на свиданке) и 30-е... Ушли они с 7-го, как раз когда в начале 11-го я выходил в баню. В холодном предбаннике барака сидело громадное, в длинной густой шубе, котище с 12-го – давний предмет моего вожделения. Я, естественно, потянулся к нему, оно отбежало и село в другом месте, я – к нему, оно – опять от меня, и так, пока все же поймал его и взял на руки (хотя палка и банный пакет сильно мешали), успел услышать, как стремщик „пробил“: с того „продола“ мусора на контрольную. Глянул на часы – было 10:10.

Баня – пустая, холодная, и лишь из 2 леек текут тоненькие струйки теплой воды. Зашло еще двое, спросили, будет ли баня, – откуда я знаю? – ушли выяснять в кочегарку. Я наудачу решил –

пока теплая, м. б., еще успею – быстро разделся, пошел под воду, но она уже была практически холодная. Кое-как ополоснулся слегка – и все. Слышал, как в это время еще одному мужику, после меня пришедшему, в раздевалке кто-то (из работников, видимо) сказал: не будет бани, сегодня моется... карантин? Или ШИЗО? Уже точно не помню, но мужик ушел. Тем не менее, пока я одевался, приходили еще – двое с 8-го, а один, бывший с 8-го же „козел“, сейчас на 2-м – тоже стал раздеваться с намерением мыться под этой уже холодной струйкой – когда пробуешь ее рукой, она кажется теплее, чем на самом деле. А заходя в баню, посмотрел на входной двери график помывки отрядов по дням – охренеть! и этот график весь поменяли! Зачем?! Тем не менее 8-й теперь не в понедельник, а во вторник. Мне осталось здесь 11 бань...

28.12.10. 12:29

Новая компашка в бараке: только что, перед утренней проверкой, самое главное блатное чмо, всем баракком безапелляционно командующее и рулящее – вылезло во двор (или пришло с другого барака?) и увидело снег во дворе!

Не то что весь двор засыпан, – нет, снег, шедший пару дней назад, давно уже был сгребен добровольцами в 2 довольно высоких холмика посреди двора. И теперь блатной командующее чмо напустилось – сперва на обиженных – почему не убраны эти кучи?! Хотя, казалось бы, кому они мешают-то? Поругалось, поворчалось – и приказало: сегодня этого снега не должно быть! И вот сейчас, сразу после проверки – я слышал, как в этой секции омерзительный 19-летний блатной щенок-„дорожник“ нагло, хамски сгонял, агитировал всех подряд (не обиженных уже, а всех) раскидывать эти кучи снега по дренажной канаве вдоль забора. Особенно понравилась мне его фраза: „Мужик – он работы не боится“ – но что, мол, тебе надо, тебе мешает этот снег, ты работы не боишься – ну так сам и убирай его!! – никто этой мерзкой гниде, конечно, как всегда, не ответил...

Удивительно, но Новый год в этот раз проходит легче, чем в предыдущие 2. Сегодня, в 9:25, конечно же, был шмон – на 11-м, наконец-то, впервые с 23 декабря 2009 г! В его 6 мусоров – не те

сотня-полторы на оба „продола“ сразу, что бывали здесь, по моему, в 2009-м, не то и в 2008-м. Поторчали там около часа, оттуда минут на 10 зашли на 1-й – и все!

А между тем пришла еще одна беда, откуда не ждали. Уже почти неделя, как освободилось то мелкое, сморщенное, отвратительное, насквозь пропитое чмо, в 39 лет выглядящее на 60, что спало ночами надо мной. И на его место – тоже на ночи, днем здесь спит другое существо – поселили чмо тоже другое. С виду попримечнее, ростом повыше, все полностью седое – тоже в 41 год выглядит на 50 минимум, если не на 60. И причина та же. Само мне рассказало: сидит 1-й раз, срок 3 года по 111-й (тяжкие телесные), остался год; а на воле – эта нечисть полностью спилась, дошла до последней стадии алкоголизма, до белой горячки, до шмыгающих по углам чертиков и т. д. Прямо сама мне это все и рассказала. Ну-ну...

Но в чем беда. Та, мелкая тварь-39 только лазила по 100 раз в день в проходняк за своим полотенцем, висевшем на верхней дужке, – утирать рожу и руки да спала ночью, остальное время – тусилась в „фойе“, ну или еще у кого-нибудь в проходняке. А эта, тварь-41, – она СИДИТ днем здесь, у меня в проходняке, на моей шконке!!! Не весь день, конечно – утром, с завтрака до проверки, если ее верхнее место свободно, – лежит там, если занято – бродит по „фойе“, играет там в шахматы и т. д. Позже – тоже может пойти поиграть, как вот сейчас (партнер, который тоже там проводит все дни напролет, ее туда вытягивает постоянно). Но с утренней проверки и часов до пяти, когда встает спящий надо мной днем, – деваться этому алкашу некуда, и он этак непринужденно, как ни в чем не бывало, усаживается у меня на шконке в ногах и сидит часами, тупо глядя неподвижным взглядом перед собой, или же – со временем – опуская голову и сгибаясь, как будто спит.

Трудно даже описать, как это мне мешает! Во-первых и главных – из-за него я не могу вытянуть ноги, когда лежу, а все время держать их свешенными со шконки – страшно неудобно. Во-вторых – само его присутствие; хоть он и не смотрит особо – а все равно, вся жизнь у него на виду, ни поесть спокойно, ни полезть в

баул, ни записать в дневник что-нибудь... Да и свет последний он заслоняет по вечерам – точнее, занимает собой как раз то место в ногах шконки, куда достает свет от лампы и куда я сажусь читать. (Правда, после освобождения библиотекаря читать опять нечего.) За 4 месяца в этом проходняке я уже привык быть в нем один (тот, кто лежит надо мной – не в счет), т. е. к относительной свободе. Сейчас проходняк опять с обеих сторон наглухо „зашкерен“, торец моей шконки я научился от сигаретчика завешивать своей же телогой – и потому внезапное это вторжение абсолютно чужого и постороннего хмыря оказалось мне особенно невыносимо...

30.12.10. 12:25

Кто бы мог подумать, что до такой степени удачно все выйдет, – вчера со свиданкой, сегодня со шмоном?.. Просто исключительно удачно, я даже не ожидал. Правда, сигаретчик явился вчера не в 5 утра, как мы загодя договаривались, а в 8-м часу, когда я уже и ждать его перестал. Оказалось, он заснул на 6-м, на шконке тамошнего „ночного“, своего дружка по тюрьме еще, а потом по 11-му, где тот был шнырем сразу двух господ – злобного долговязого завхоза и мелкого архиблатного чма. А тот, вместо того, чтобы разбудить сигаретчика в 5 утра, сам уснул в „козлодерке“ 6-го.

Тем не менее я быстро сложил все в большой красный пакет „для шмонов“ (тоже еще с 11-го) – одеяло, чайник, открывалку, заточку с магнитом (одну из трех, но остальные уж было лень доставать, да и далеко), а также пакет с дневником и стихами, свой блокнот и пакет с конвертами и марками – и сигаретчик „дорогами“, через заборы унес это все на „кечь“ и где-то там спрятал. На счастье, мусора вообще не ходили в это утро по баракам – будить спящих.

Перед этим он еще дал мне телефон, я набрал матери – она сказала, что народу очень много, даже не хватило бланков, и что в Шахунье 21° мороза. Только я успел после (столовского) завтрака найти в бауле эделевские шерстяные носки и поддеть под свои, „козел“ сообщил, что меня на короткую свиданку. Чуть позже – в 8:30 – подошел опять, сказал, что „она (свиданщица?)

звонила“, чтобы я шел „прямо сейчас“.

Я пошел – там был только еще один человек; я-то думал, что, как всегда, буду первым. Собралось 6 человек – нас забрали и повели, причем сперва – в шмоналку! Я уж думал, что разденут догола (а на мне-то вольный свитер и спортивная куртка под телогой!), но только общупали – и повели наверх.

Мы оказались там первыми, и мать запустили тоже самой первой. А свиданка в этот день работала, как конвейер: все время приводили с вахты еще людей. Матери во время ожидания кто-то сказал, что несколько дней назад работали до 7 вечера – столько было народу. Кого-то приводили, кого-то уводили, а мы сидели до положенных нам 13:00. После меня уже набилась мелкая блатная шелупонь, в основном с 10-го, к которой приехали отнюдь не родители, а такие же, как они, бывшие здешние зэки с их же барака. Эта гоп-компания, стоя за спинами (мест не хватило), в основном около меня, бесилась вовсю – ржали всем хором так, что ничего не было слышно в трубку и дрожало разделяющее зэков и посетителей оргстекло. И до их прихода бывшие здесь, вопреки строгому запрету, курили – тайком, присев на корточки за входной дверью в наш „аквариум“; но эти малолетки сразу же „спалились“ – свиданщица начала орать, вызвала мусора, он вывел и еще раз прошмонал этих малолеток (ничего не нашел, конечно); к сожалению, даже того из них, кто явно был замечен в курении, он не вывел совсем; и, к счастью, за его курение не была вообще прервана свиданка для всех, как вначале обещала свиданщица, – впрочем, при таком количестве приезжих едва ли это было возможно.

Где-то к середине нашей свиданки, одним из следующих заходов привели ту блатную злобную мразь с 8-го, которая выгоняла меня тут из блатной секции. Меня выворачивает от отвращения при одном взгляде на эту харю; тем не менее, она уселась через человека от меня; а потом сидевший посередине ушел – и пришлось сидеть с этой мразью вообще рядом. Малолетки тем временем так бесились и оглушительно ржали, что даже она (все-таки постарше – лет 30) сделала им замечание.

Фрумкин, как всегда, быстро ушел, а мы поговорили с матерью,

кажется, обо всем, о чем можно было, так что под конец даже стал ощущаться недостаток тем. В час она ушла, потом вывели меня и эту толпу нечисти – с 10-го и откуда они там еще. Когда я, волоча тяжеленный баул, последним, как всегда, выполз к вахте – они уже были с той стороны: видимо, сегодня из-за наплыва народа все стояния у вахты в ожидании „общественника“ были отменены. Но сигаретчика, обещавшего меня встретить, я по ту сторону забора не увидел и сперва подумал, что блатные с 10-го забрали его с собой – вести их. Что ж делать, – снег по всей зоне был плотно утоптан и накатан подошвами – и я довольно быстро повез по нему 23-килограммовый баул, как санки. Довез до участка перед столовкой, где (когда надо – не дожدهшься, а тут – НА тебе!..) было посыпано песком; встал передохнуть, готовясь этот (небольшой кусок пути тащить баул на руках – и тут, вижу, идет сигаретчик! Оказалось, он уже ходил меня встречать без 20 час, замерз, ушел – и вот сейчас идет 2-й раз. Шмона, к моему изумлению, оказалось, вообще не было нигде; вещи мои он уже принес с „кечи“ обратно в барак, – так что все так хорошо, как только может быть!.. Мы с ним быстро дотащили баул, до 3 часов дня (обед в столовке) я разобрал его, вечером позвонил матери (она еще ждала поезда на вокзале) в Шахунье) – и остаток дня блаженствовал.

Сегодня с утра пришедший сигаретчик сообщил, что сейчас выла сирена – а я, как обычно, ее не слышал – и готовится общелагерный шмон. И то! – как-то странно было бы на Новый год оставить весь этот „продол“, кроме 4 барака, вообще непрошмонанным! Я позавтракал, позвонил матери (она уже была дома) – и стал ждать.

Сперва сообщили, что шмон-бригада собирается на вахте. Пошла она только в 9:35, когда я уж стал сомневаться, будет ли вообще что-нибудь. На наш „продол“ – мимо нас – на 10-й, – 24 человека! Потом еще одна – на тот „продол“, на 6-й (в т.ч. в их дворе видели потом и нашего отрядника – мой сосед-прятальщик телефонов, когда бегал по двору с баулом браги, ища, куда его спрятать; отрядник заметил и погрозил ему пальцем. Это вместо того, чтобы в ШИЗО суток на 30 эту мразь!..). Часть зашла, кроме того,

и на 4-й и – непонятно толком, но вроде бы шмонали и там. И, наконец, уже пост фактом выяснилось, что на 12-м тоже шмонают 8 мусоров.

В общем, не все бараки, – ни на 8-й, ни на 1-й, 2-й, 3-й, 7-й, да и 9-й, ни на 13-й – не зашли. Больше для понта, для отчета о проделанной работе эти шмоны, конечно, – 8 человек за час, даже за 2, вряд ли прошмонают как следует большой барак с 2-мя секциями, курилкой, каптеркой и еще кучей тайников в деревянной пристройке с торца, через которую вход в барак. Под 8-м, из разговоров соседей я понял, есть какой-то подвал, где они и прячут канистры с брагой; но снаружи его, естественно, не видно, да и по проекту, так сказать, здания барака – никакой подвал в нем не предусмотрен. Тем не менее, какое-то пространство под полом, видимо, все же есть, и если не знать точно, где в него лаз, или не братья просто наугад ломать полы в разных местах барака, – хрен найдешь; а это большая работа.

Короче, с 10-го мусора ушли в 10:58, как раз когда мы с сигаретчиком возвращались из ларька (мне ничего особо не было нужно, но он потащил меня, – и, как я и думал, ничего для меня и не оказалось; набрал я в основном ему – конфет, кофе, сгущенки и т.д. С того „продола“ ушли позже – в 11:40. Еще один шмон – мимо и без потерь. Основной теперь вопрос – решатся ли они шмонать завтра, в последний день года...

Ну, и еще пара приколов напоследок. „Дятел тоскливый!“ – было, помню, у долговязой ехидны на 11-м такое любимое ругательство. Так вот, выражение это идеально подходит к моему новому соседу – сидельцу на моей шконке. Вот уж действительно дятел тоскливый! – причем в самом буквальном смысле. Правда, сидеть эти 2 дня у меня в ногах он стал чуть меньше – но зато, когда я ухожу, на свиданку ли, в ларек, в баню, – не упускает случая разлечься на моей шконке.

Ну, и продолжение позавчерашней истории со снегом во дворе. Оказалось, убрать надо было не только эти 2 кучи посередине, но и весь снег, накиданный вдоль заборов, выходящих на „продол“ и на 5-й (поверх дренажной канавы вдоль межбарачного забора), выгребли тоже на середину, – весь день „добровольно-

принудительно“ сгоняли на эту работу наименее уважаемых из „мужиков“. Зачем же, и кому этот снег у заборов помешал и куда его девать? После обеда в тот день шлялся по дворам всех барачков Баранов, новый полоумный зам. по БиОР, – в бараки не заходил, а, говорили, смотрел именно этот снег везде. Обычно тут снег вывозят со дворов барачков огромными коробами из стальных листов, поставленных на санные полозья и запряженных несколькими обиженными. Но на 8-м – то ли лень было грузить и везти, то ли из-за того, что нет больших ворот, как на других бараках, а только неширокая калитка с „продола“ (проедет ли в нее короб?) – придумали остроумнее, то бишь безумнее. Весь снег постепенно лопатами скидывали к забору на „продол“ между этой калиткой и новоявленной (с осени) беседкой-“курилкой“ – а из туалета провели длинный, из нескольких скрепленный пластиковый шланг, присоединенный к батарее, то бишь „системе“. И горячей водой, текущей из этого шланга, ТОПИЛИ снег, горой накиданный у забора – а вдоль забора снаружи тоже идет дренажная канава, и вода уходила в нее!! Можно ли придумать более идиотское зрелище, чем зэк, слабо текущей из шланга струей топящий огромную гору снега? Занимались этим сперва обиженные, потом – взялись стремщики, которые, меняясь, дежурят во дворе круглые сутки, а делать им абсолютно нечего, кроме как слушать стрем 11-го и 5-го. К сегодняшнему утру горы уже не было – на ее месте теперь красуется глубокая, до песка, яма, протопленная в покрывающем двор толстенном слое льда и прессованного снега.

31.12.10. 10:55

Идиотский этот Новый год... С ночи нет света – что-то то ли взорвалось, то ли еще что, или провода оборвало ветром, – черт его знает. Видели, говорят, какую-то яркую вспышку. Очередной раз я проснулся ночью – не горят обе лампочки у тварей, в соседнем проходняке и напротив него и „пробивают“, что кто-то от нас на выход. Когда кто-то из мусоров приходит – лампы, естественно, сразу гасят; но и после его ухода – не включили. Т. е., света, видимо, уже не было.

Черт бы с ним, со светом, но и воды тоже нет. Я как раз с утра, до

подъема еще, набираю полную бутылку, а тут – уже нечего набирать. На завтрак, когда крикнули – в полной темноте еще – думал, конечно, не ходить, – на хрен это надо, когда в бараке темнота, на улице метель, все занесло, в столовку я даже не захожу, да и ясно, что не пойдет никто...

Ушли несколько человек на завтрак – и вдруг в начале секции начала истошно орать эта блатная мразь – один из здешних начальничков, „ответственных товарищей“, рулящих остальными зэками, отрабатывая свои привилегии, в интересах начальства. Блатная мразь будила спящих в секции и выгоняла их в „шущарку“ – а то, мол, сейчас прибегут мусора (увидев, что мало пришло с 8-го на завтрак). Сама, сучка, не идет в столовку, а других гонит начальственным покрикиванием и руганью... Орала долго, так что я, не желая тоже попасть под этот хай, кое-как быстро оделся – и пошел на 10-й, попробовать найти сигаретчика. Этот урод, обещавший, как ушел от меня вчера после ларька, прийти через полчаса с телефоном – не появлялся с тех пор до этого момента, т.е. почти сутки. Он пошел от меня доставать свой телефон – и я сильно подозреваю, что не нашел его, т. к. был шмон и трубу могли забрать, хоть она и была, по его словам, спрятана где-то вне барака. Так что позвонить домой не удастся вот уже сутки; теперь же еще и отключен свет – если у него разряжены обе батарейки, то даже при наличии телефона хрен позвонишь.

Но в секции на 10-м, в полумраке, среди спящих вповалку незнакомых рож я его, конечно, не нашел, а спрашивать не стал, чтобы не привлекать внимания – и так за ним там слежка. Вернулся, когда уже шли назад из столовки; полежал, потом позавтракал – всухомятку хлебом и колбасой (чая, естественно, нет) – и вот, жду развития событий. Из разговоров тех, кто звонил домой (по этой области) – слышно про „штормовое предупреждение“ и про то, что во многих местах области света тоже нет. Так что – happy New Year! С Новым годом вас, дорогие товарищи!..

12:25

Нет, он пришел все-таки, сигаретчик, с телефоном, часов в 11, до

проверки. Сказал, что „косяк“ снял окончательно (на этом бараке, по крайней мере) и что – так я примерно и подозревал – он весь вечер и часть ночи ругался с прочими „козлами“ на 10-м, а потом лег спать. Я позвонил матери – у нее все нормально, весь день вчера она спала; и от нее же узнал главную новость этих „праздников“: Ходорковскому дали запрошенные обвинением 14 лет; с учетом семи, отсиженных уже по первому приговору, теперь его срок кончается только в 17-м году.

...После этого Медведев будет сегодня, как ни в чем не бывало, мягко и дружески улыбаясь, глядя прямо в глаза, поздравлять сегодня в 12 ночи „дорогих россиян“ (или „дорогих сограждан“, м. б.) с наступающим Новым годом...

РАСПАД ИМПЕРИИ – ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОД

Каждый день все новые и новые вести о законах. Законы, законы, законы... Законодательные предложения депутатов, вносимые в Думу. Выражение „взбесившийся принтер“ уже прочно укоренилось в публицистике. Ужесточения, ужесточения, ужесточения. Все новые и новые участки, на которых за ранее вполне невинные действия теперь вводится уголовная ответственность. „Чувства верующих“, клевета, „государственная измена“, „иностранные агенты“, черный список сайтов, запрет „пропаганды гомосексуализма“ и прочая „защита детей“, запрет митингов и шествий, и т. д. и т. п.

„Тут не исправить уже ничего, Господь, ЖГИ!“ – как было написано на одной популярной в интернете фотографии...

...И конечно же, первым делом разъяснял он всем законы. Поражало меня, с какой серьезностью он рассуждал о правах в этом государстве узаконенного произвола. Как будто не очевидно было, что законы существуют у нас только на бумаге, для пропаганды и везде оборачиваются против тебя. Разве не говорили нам в КГБ вполне откровенно: „Был бы человек, а

статья найдется“. Закон что дышло – и поворачивали это дышло всегда против нас. Решающим, стало быть, был не сам закон, а кто его будет поворачивать“, – пишет Буковский в своих мемуарах об Алике Есенине-Вольпине, первооснователе принципиального подхода советских диссидентов „уважайте собственную конституцию“.

„Создавая законы в основном для пропаганды, а не для исполнения, наши идеологи перемудрили. Им, в сущности, ничего не стоило написать вместо Конституции: „В СССР все запрещено, кроме того, что специально разрешено решением ЦК КПСС“. Но это, наверное, вызвало бы лишние трудности, несколько шокировало бы соседние государства. Сложнее стало бы распространять свой социализм за рубеж легковверным людям. А потому они понаписали в законах много свобод и прав, которых просто не могли бы допустить, – справедливо считая, что не найдется таких отчаянных, чтобы потребовать от них соблюдения этих законов“, – оттуда же.

И вот на этом подходе держались почти полвека. С первой правозащитной демонстрации на Пушкинском в декабре 1965 г.

Многие продолжают уверять себя и других, что этот подход и сейчас – единственно возможный. Продолжают играть в „законничество“ до сих пор. Невзирая на „взбесившийся принтер“, закрывая на все глаза и затыкая уши.

Но, увы, процесс зашел слишком далеко. Тут уже действительно ничего не исправить.

То, что печатает этот „взбесившийся принтер“, вызывает физическое желание смять это государство, как лист бумаги, скомкать его поильнее – и выбросить в мусорную корзину. Не пытаться что-то объяснить, донести до власти, как-то аргументировать недопустимость ее действий (даже такими „страшными“ аргументами, как неизбежный – от таких действий власти – распад России). Хочется именно смять, стереть с глобуса, уничтожить, зачистить до полного исчезновения. (Лучше всего с воздуха, с помощью ядерных бомбардировок.) Потому что исправить, поменять, улучшить здесь что-либо – совершенно невозможно. Дохлый номер.

Те, кто усердно, массированно, остервенело пытается заткнуть людям рот, залепить пластырем глаза и уши, кто навязывает свою идеологию, лезет регулировать, что нам можно и нельзя читать, смотреть, слушать, говорить, нагло, бесцеремонно и беспардонно растаптывая все личные свободы гражданина ради сохранения своего прогнившего государства, – с теми никакой диалог невозможен по определению, да и не нужен. Только полное и беспощадное уничтожение.

Уже недостаточно просто возмущаться тем, как нагло в России попирается конституция, негодовать на навязывающих всем православное мракобесие или норвящих произвольно запрещать любые сайты. Надо переходить на следующий уровень в этой игре, где ставка больше, чем жизнь.

От частных – к общему. Не только Путин – преступник. Не только „выборы“ здесь уже много лет – чистый фарс, не имеющий к настоящим выборам никакого отношения. Не только „Единая Россия“ плоха, не только какие-то особо безумные депутаты вносят тоталитарные законопроекты, постоянно прикрываясь по любому поводу „защитой детей“.

Надо осознать, что само это государство, в котором мы все живем – преступное. Не только преступное, но и совершенно неисправимое, а следовательно – не имеющее права на существование. Не Путин, не отдельные ведомства, депутаты, ЦИК, Дума, МВД, ФСБ и пр., и пр. – а именно государство как таковое. Вся Система как целое, от президента до последнего мента в метро, – преступная, не имеющая вообще права на существование и должна быть беспощадно разрушена. Расшатать и обрушить само Государство Российское как таковое, – вот задача задач! Потому что „свободным“, „демократическим“, „либеральным“ и пр. – это государство не будет никогда, пока будет существовать.

Огромный вековой дуб, с кроной, закрывающей полнеба, с корнями, достающими чуть не до центра земли, невероятная громадина, вызывавшая у многих поколения й суеверный ужас и благоговения, – этот дуб должен быть повален, опрокинут, спилен и повержен на землю. И тогда все убедятся, что внутри он

давно уже весь прогнил.

А иначе „взбесившийся принтер“ не остановить. И политзаключенных не освободить. И никакие одиночные пикеты не помогут, даже не надеяться.

Весь вопрос в том, КАК это сделать. Любые меры будут здесь хороши и оправданы, ибо цель священна, – но далеко не любые дадут необходимый эффект.

Первую скрипку в процессе умерщвления империи, без сомнения, досталось играть колониальным народам, много веков находящимся под русским игом. Тем самым, кто уже во многом ассимилировался и почти забыл свой родной язык (который сейчас фактически отняли возможность изучать в школах, приняв специальный закон). У которых все грозит отнять куцые, жалкие остатки хоть какого-то национального суверенитета, ликвидировав национальные республики, оставшиеся от ранних большевиков, и включив их в громадные, укрупненные „губернии“. И нет сомнения, что если все и дальше будет развиваться так же, как сейчас, то рано или поздно это произойдет, республики ликвидируют. Если только народы до тех пор не ликвидируют свою тюрьму – колониальную российскую империю, прикидывающуюся „федерацией“.

Народам – в основном в Поволжье, но не только, есть и Ингрия, и Сибирь, и казачий Дон – надо отделяться от РФ. Да здравствует новый „парад суверенитетов“, который так бесил Москву в 1990 году!

Тут как раз у путинцев-колонизаторов возникла свеженькая идея: пока что переименовать эти несчастные республики вместо национального признака – по географическому. Татарстан назвать „Казанской республикой“, Башкортостан – „Уфимской“, Кабардино-Балкарию (территория Имарата Кавказ) – „Приэльбрусской“, и т.д. То бишь полдела уже будет сделано, „Приэльбрусская республика“ – это просто кусок географии вокруг горы Эльбрус, но уже ни в коем случае не законное и неотъемлемое государство проживающих там коренных народов...

„Сохранение элемента этничности в названии оправдано лишь в том случае, когда в планы республики входит отделение от

территории России, но если мы их считаем частями РФ, то от этничности надо уходить, – говорит в интервью „Известиям“ ректор дагестанского (идея и возникла в Дагестане) „института экономики и политики“ Дибиров. – Например, в Татарстане проживает 53% казанских татар, при этом 47% жителей – не татары. Получается, что эти 47% – второсортные люди, проживающие там на правах гостей“.

Да!!! Именно отделение от территории России! Это как раз то, что нужно национальным республикам и их коренным народам, дабы сохранить свою идентичность, язык, культуру, а некоторым (кавказским, в первую очередь) – и жизнь, избежать нового геноцида.

Правда, действительно, в Татарстане проживает 47% (или около того) не татар. То бишь – сторонников сохранения империи, колонизаторов, носителей имперского менталитета. Сознательных и несознательных агентов Москвы, проще говоря. Вряд ли татарам удастся их убедить, уговорить, разагитировать, чтобы они не препятствовали отделению и созданию государства Идель-Урал. По крайней мере, рассчитывать на это не стоит. Значит, выход один – готовиться к войне не только с имперскими карательными ордами в погонах, на БТР-ах, танках, штурмовых вертолетах и пр., но и вот с этими. С оккупантами татарской земли со времен взятия Казани и насильственного крещения татар. Их надо будет нейтрализовать, сломить их сопротивление любым путем, не останавливаясь ни перед чем. Не нравится им независимость Татарстана и Башкортостана – пусть проваливают. Чемодан-вокзал-Россия!...

Только жертвуя всем, можно завоевать все. Только выдвигая максимальные требования (полная независимость и изгнание оккупантов), поработенные народы Русни могут противостоять имперско-шовинистическим планам ликвидировать все нацреспублики, закатать всю национальную жизнь под асфальт русификации и согнуть народы в еще более тяжкое колониальное ярмо.

Недаром главу архангельских поморов Мосеева оккупанты

Бьярмии хотят закатать сейчас на 20 лет за „государственную измену“. „Измена“ состоит всего лишь в том, что он добивался признания поморов коренным малочисленным народом, издал словарь их языка, сборник сказок и т.д. Как будто чукчам или ненцам этот статус так уж сильно помог в их убогом житьишке под русской властью на захваченной русскими родной земле...

Великая (своими преступлениями) имперская Россия напоминает слона, который при своих габаритах панически боится мышей. Эта родина слонов смертельно испугалась книги поморских сказок. Аж приостановила на несколько месяцев деятельность Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, – организации смиреннейшей, лояльнейшей, вполне официозной, признанной в мире и никогда и в мыслях не державшей никакого, упаси бог, „сепаратизма“! Но и эти смиренные чиновники-националы попали теперь под раздачу. Оправдывается принцип, по которому, чтобы победить, требовать надо всего и сразу, а кто просит смиренно и „по возможности“ – не получает ничего, кроме неприятностей на свою голову.

Надо не вести бесконечные уговоры и переговоры – а стрелять в оккупантов! Подрывать их газопроводы, – это актуально и для Татарстана, и для Башкортостана, и для Югры, и для многих других. Стрелять по живой силе противника и сжигать из минометов его БТРы, буде такие появятся, – как это героически делали чеченцы!..

Сейчас, пока еще идет очередная операция Израиля против арабских подонков, обстреливающих израильские города ракетами из Газы, – полезно было бы вспомнить, как создавался Израиль. Первые поселенцы ехали на землю Палестины, официально признанную Англией „еврейским национальным домом“, еще с начала XX века. Но основное, громадное и решающее усилие было сделано уже после окончания Второй Мировой войны, после Холокоста. Страшные потери и ужас освенцимских печей, оставшийся в душах тех, кто выжил, решили дело. Евреи не ограничились языком, фольклором, возделыванием засушливых палестинских земель. Они создали

вооруженные отряды – „Хагану“ и „Иргун“. Именно последняя под руководством Менахема Бегина, будущего премьер-министра будущего Израиля, взорвала в июле 1946 года иерусалимскую гостиницу „Царь Давид“, где размещалась штаб-квартира британской администрации и ее военные штабы.

Евреи завоевали свое право на жизнь, на свою национальную государственность, отстояли его в страшных войнах с тотально превосходящими силами арабского окружения, выиграв Шестидневную войну и войну Судного дня, – и отстаивают до сих пор. Москва все эти десятилетия помогала арабам деньгами, вооружала и тренировала их.

Народы, оккупированные русскими, находятся сегодня в жалком, ничтожном, раздавленном, обессиленном и обескровленном состоянии, от них трудно ждать пассионарных вспышек, героического духа и вооруженной борьбы за свое государство. Все они прошли через фактический русский геноцид – духовный, в виде ассимиляции и вытравливания национального духа – а многие и через физический. Привитая оккупантами пассивность, вялость, апатия, отсутствие вообще интереса к политике, стремление „не высовываться“ и как-нибудь перебиться, приспособиться, только бы выжить, – все это не дает особых надежд на войну татар или коми в обозримом будущем за свою независимую национальную государственность.

Но ведь не хуже же им пришлось в России, чем евреям во время Холокоста, черт возьми!... Евреи, от которых никто не ждал, – смогли! Почему же все эти не смогут?...

Во всяком случае, никакого иного пути – на котором Россия могла бы сохраниться как государство – и никакого иного пути ликвидировать ее, как только провозглашение независимости оккупированных ею нерусских народов – История нам не предоставила.

Ноябрь 2012 г.

СТИХИ

Опять палач Россией правит.
Ликуй, лубянская братва!
Он по местам вас вновь расставит,
Грядет минута торжества!
Для „укрепленья государства“
Уже наточены клыки,
И покорять окрестны царства
Идут спецназовцев полки.
Встает империя из гроба,
Чтоб на костях стоять века,
И из Кремля сочится злоба,
И пена каплет с языка.
2000 г.

* * * * *

Сижу в тюряге, жду этапа
На зону, мать ее ети...
Не светят Сочи и Анапа –
В Сибирь лежат мои пути.
И там от легких воспаленья
Иль от дубинок мусоров
Начну обратное движенье
В одном из цинковых гробов.
29.7.2014

* * * * *

Тащи свой крест, как можешь, на горбу, –
Ведь все равно же некуда деваться.
Не вырваться... Хоть проклинай судьбу,
Хоть запоздало пробуй оправдаться,

Всерьез кому-то что-то доказать,
Осмыслить эту жизнь как цепь нелепиц, –
Но от судьбы, увы, не убежать,
И ничего тебе уже не светит...

29.3.2014

* * * * *

Начать колотья в 30, в 40 лет,
До этого – бухать... Таких здесь много.
Зачем-то родились они на свет,
Но в головах умишка нет как нет,
И вот – бредут по жизненной дороге,
Сидят в тюрьме... Кто колется и здесь,
А кто-то самогон вонючий гонит.
В существованьи их едва ли есть
Хоть капля смысла... Но никто не тронет
Всю эту биомассу никогда –
Ни в биореактор, ни на удобренья,
Ни в мыловарню на сырье... Всегда,
Всегда за них „общественное мнение“ ...

18.1.2014

* * * * *

Даром не дается ничего,
Но и заплатив большую цену
Тоже не получишь своего
Воздаянья, хоть башкой об стену
Бейся, – лишь насмешки злой судьбы
Над тобою, жалкий неудачник,
Жертва героической борьбы...
И вовек не может быть иначе.

24.11.2013

* * * * *

Я считаю возмездие этой стране справедливым.
Пусть ракета сюда прилетит и расплавит Москву.
Термоядерный взрыв... Я себя ощущаю счастливым,
Представляя его или видя во сне. Но хочу наяву
Я погибели этой проклятой стране. Пусть же сотни
Здесь взойдут хиросим, и над каждою — ядерный гриб.
Пусть за то, КАК живут здесь, спалит их огонь преисподней
До единого, всех!.. Я хочу, чтоб навеки погиб
Этот Мордор, с ГУЛАГом его и со всеми рабами.
Стукачей, палачей, вертухаев — накроет пусть всех...
Мразь, что душу мою истоптала навек сапогами,
Превратится пусть в пепел под красный, пылающий ядерный
смех!..
Май — октябрь 2013 г.

* * * * *

И вот снова осень. Меня снова „судят“.
Всё так же, как семь лет назад.
И так же об этом на улицах люди
Не знают — и знать не хотят.
Плевать на меня этим людям, не людям...
Пуускай мне впаяют лет семь, —
Об этом здесь маршей протеста не будет,
Не будет, не будет совсем!..
Признают „виною“ свободное слово,
За мысли назначат мне срок.
Но знайте, подонки: из вас я любого
Ударил бы ломом в висок.
Будь в мантиях вы или в синих мундирах, —
Не дрогнула б точно рука!
Всех вас, как угрозу свободному миру,
Отдал бы под нож мясника!
Магнитского список, увы, не поможет, —
Он слишком уж мягок и мал.

Что им за граница! – ведь Сталин их тоже
Туда никогда не пускал.
Ежовые шьются здесь вновь рукавицы,
В шеренгу вновь строят чинуш.
На Запад – ни-ни, но уж в русских границах –
До тел доберутся и душ.
Не хватит всех судей и всех прокуроров,
Чтоб этот мой срок искупить.
Достаточно было пустых разговоров!
Их надо в открытую БИТЬ!
Лишенный всего – ничего не теряет
(Конечно же, кроме цепей).
Чем годы сидеть в лагерях, прозябая, –
Пускай похоронят скорей.
20–24.9.2013

* * * * *

Проклятая, безумная страна,
В которой за слова опять сажают!
За что же нам разлука суждена?
Постичь пытаюсь – и... не понимаю.
Традиция кремлевского сверх-Зла,
Омытая слезами поколений,
Жива, – и в саркофаге из стекла –
Ее гарантом – незарытый Ленин.
На зов очередных олимпиад
Слетаются спортсмены беспечально,
А диссиденты в лагерях сидят...
Едва ли совпадения случайны.
Все это было, было... Но увы:
Инертны массы – зло непобедимо.
Чудовищные щупальца Москвы
В Европе отсекаль необходимо.
За все, что вы тут сделали со мной,
За миллионы сломанных здесь судеб,

Вас сжечь огнем и затопить водой –
И то для искупленья мало будет.

13.07.2013

* * * * *

Покинуть эту гнусную страну –
Вот цель, чтоб 10 лет терпеть мученья!
Кто знает, может, я и дотяну
До настоящего освобожденья, –
Не только с малой зоны, но с большой,
Пересеку торжественно границу...
Но этот Мордор с русской душой
Мне до последних дней там будет сниться.

7.7.2013

* * * * *

Последнею несбывшейся надеждой
Была веревка. Но ее вчера,
Ни разу не замеченную прежде,
На шмоне вдруг забрали мусора.
И вес она мой выдержит ли, нет ли,
Теперь уже узнать не суждено,
Когда хотел, надел на шею петлю,
Я с ней залезть на решку, на окно.
Единственный мой шанс – и тот забрали...
Но жизнь-то не меняется, увы.
Мне 10 лет пока еще не дали,
За тыщу километров от Москвы
Не увезли – но это будет вскоре.
Жизнь кончена, и будущего нет.
Пусть горе не беда, но здесь из горя
Единственный есть выход – на тот свет...

26.04.2013

* * * * *

Будь проклята, Россия! Ненавижу
Твои поля, леса и твой народ!
О, наконец, когда же я увижу
Тебя, Россия, вы...анной в рот?!.
Напалмом, или ядерным оружием,
Иль пусть тебя затопит океан...
И чем тебе, Россия, будет хуже,
Тем я сильнее от счастья буду пьян!..
11.04.2013, день двух шмонов

* * * * *

Опять видны деревья из окна,
Они листвой покроются уж скоро.
Опять тюрьма... Проклятая страна,
Где держат как убийцу или вора
Меня в тюрьме за мысли и слова.
Страна рабов... Тоска и безнадега.
И клонится в бессильи голова,
И нет ни лжи, ни истины, ни бога...
8.04.2013

* * * * *

Я мечтаю о морге 20-й больницы:
Чтоб мое бездыханное тело туда
Привезли из вот этой постылой темницы.
То-то будет свобода уже навсегда!
Вот уж скорая едет, и, вынув из петли,
Санитары мой труп на носилки кладут.
Лишь тюремных ворот скрипнут ржавые петли –
И отсюда навеки меня увезут.
Что ж поделать, не нами придумано это:
Жизнь – свободному слову в России цена.

Приезжайте, друзья, если близко вы где-то,
За меня на поминках хлебните вина...

1.04.2013

* * * * *

Никого у меня не осталось, –
Ни родных, ни друзей, ни подруг,
И маячит за окнами старость –
Мой последний, единственный друг.
Опостытели стены родные,
Я вовек уже в них не вернусь.
Надо ехать в пределы чужие,
Где не властна расейская гнусь.
Но тюремные крепки засовы
И решетки на окнах тверды.
Скоро срок наматывают за Слово
Мне советские эти суды
И опустят в такие глубины,
В этот жуткий, бессмысленный ад,
Что имей и здоровую спину –
Не нашёл бы дороги назад.
И закончится жизнь не в Европе,
Где свободны и слово, и мысль,
А в глухой русской лагерной жопе
Средь двуногих глумящихся крыс...

23–24.3.2013

* * * * *

Никакого будущего нет,
И отдать придется жизнь, конечно.
Там, на воле – это просто бред,
Всеми отвергаемый поспешно.
Ну а здесь – решетка на окне,
Зэками сплетенная веревка...

С батареи спрыгнув, будет мне
Так в петле и больно, и неловко,
Но иного выбора, увы,
Нам не уготовила судьбина...
Подыхать далеко от Москвы
Иль вблизи от дома – все едино.
Подыхать... А собственно, за что?
Ни за что. Так хочет государство.
Жизнь ушла водой сквозь решето.
Всё вокруг – лишь мерзость и фиглярство.
Жизнь моя – в безжалостных руках,
Но спасти ещё возможно душу.
Может быть, и жаль – увы и ах! –
Но своей я клятвы не нарушу.

21–24.3.2013

ПРИЛОЖЕНИЕ II

СОВРЕМЕННОКИ О БОРИСЕ СТОМАХИНЕ

ВЕРА ЛАВРЕШИНА

Борис Стомахин в ИК-10 Пермского края: „склонен к побегу, суициду, неповиновению, „Э“ – экстремист“...

Зона строгого режима в Пермском крае Чусовского района, прилегающая к поселку Всесвятский, выглядит как область жуткого гуманитарного бедствия, случившегося то ли вследствие ядерного удара, то ли из-за падения метеорита, подобного Тунгусскому. Сразу видно: „здесь птицы не поют, деревья не растут“. За толстым забором с колючей проволокой простирается словно выжженная территория: щебень да убитая почва. Пресловутая лагерная пыль так и клубится под колесами грузовиков, под ногами эков в черных куртках и кепках и их конвоиров. Зелени совершенно не видно. Повсюду стоят грязно-белые и серые бараки, торчат по периметру лагеря вышки с вооруженными вертухаями, раздраженно брешут то и дело овчарки.

Поселок Всесвятский, расположенный впритык к этому неприятному месту, резко контрастирует с ним по виду и настроению. Непосредственно среди елок разбросаны уютные домики. Этот обитаемый лес простирается живописным массивом вдаль, до горизонта, а сбоку от него – пустынная дорога. Как мы узнали позже, ведет она в две зоны: особого режима и общего. Пермский край вообще славится такими заведениями. В этих местах мотали срок Владимир Буковский и Сергей Ковалев. Теперь вот Борис Стомахин принял от них эту историческую эстафету, будучи этапированным из московского СИЗО „Медведь“ сюда, в ИК-10, с месяц назад.

К нему-то на свидание мы и приехали из Москвы: Регина Леонидовна Стомахина, Максим Чеканов и я. На плечи Максима легла вся тяжесть транспортировки собранной для политзэка дачки.

Здесь же, подле зоны, расположена и спецгостиница ИК-10, в которой мы остановились. Родственников заключенных в эти выходные прибыло невероятно много. В комнате для ожидающих свидания народ довольно быстро перестал помещаться, большая толпа образовалась на холоде, на улице. Прошло полдня, а собранные заявки все еще не были подписаны начальством. Несколько раз я звонила в корпус для свиданий, поторапливала тянущих эту волокиту, за что была резко осуждена другими ожидающими. „Не надо злить администрацию, – сказали мне они, – все равно они сделают так, как хотят. А потом еще и отыграются на узниках“.

Такая реакция людей не была для меня сюрпризом, конечно. Система берет у них близких в заложники, и они готовы терпеть любые унижения и издевательства – и никак не бороться, чтобы, не дай бог, „не сделать хуже“. Мазохизма нашим несостоявшимся гражданам не занимать: им так комфортнее живется, увы.

Мне, кстати, моя активность нисколько не навредила. Довелось мне идти бумажку подписывать к местному замначальника колонии. Назвалась я сестрой Бориса. „Нам известно, – заявил мне этот замначальника, посверливая меня профессиональным взглядом, – что у Стомахина ни братьев, ни сестер нет“. Я пояснила, что являюсь узнику двоюродной сестрой и сопровождаю его маму, у которой большое сердце. Не знаю уж, какой довод подействовал, но бумажка была подписана.

Борис глазам своим поверить не мог, когда увидел меня рядом с Региной Леонидовной в комнате для встреч, а не через стекло с общением по телефону: ведь допуск возможен только для самой близкой родни. К тому же радикальный публицист столкнулся с таким прессингом в лагере, что поблажек для себя не ждал. Он, правда, не учел, что иной раз родственники могут так запрессовать заключенного, уговаривая его слушаться

начальство, чтобы „хуже не стало“, как и у подосланных ссученных блатных не всегда получится...

За Стомахина в этом „исправительном“ заведении взялись сразу, с задором. Поставили его на „профучет“ как неблагонадежного и начали применять свою особую „профпрофилактику“.

„Профилакторий“ начался еще в пересыльной тюрьме, в Перми. Борис писал в письме, что к нему приходили оперативники, пытались „поговорить“. Один молоденький опер все его фотографировал, а также запугивал – мол, сидеть он будет под особым, неусыпным приглядом. Обещал еще одно дело на него состряпать (это уже четвертое, видимо, по счету). Выспрашивал, собирается ли политзэк соблюдать тюремный режим. Все эти разговоры были неспроста.

Едва Стомахин вышел из карантинного барака, как в него вцепились местные оперативники. Велели Борису ходить и отмечаться к дежурному на вахту каждые два часа. Всего восемь раз в день, поскольку у него, видите ли, выявлена склонность к побегу. Борис оторопел. Но вспомнил ничего не значащий, как ему тогда казалось, обмен репликами с каким-то из любителей „разговоров по душам“ в погонах. Тот спросил его недавно, что он думает о побеге из этого заведения. Борис ответил, что порадуется за любого, кому это удастся. Только вот ему самому это не светит: перелом ноги и отростков позвонка не дают такой возможности. Добавим к сказанному, что Борис пользуется при ходьбе тростью.

Сотрудники пермского ГУЛАГа поставили Стомахина на „профучет“ не только из-за „склонности к побегу“. Но еще и выявили у него с каких-то пирогов склонность к суициду, а также к неповиновению, в связи с чем пометили его шконку красной полосой. А еще буквой „Э“ украсили, что означает „экстремист“. Для „профилактики“ теперь вертухаи являются к нему даже по ночам, чтобы проверить, достаточно ли благонамеренно он спит, не замышляет ли чего во сне.

В таких условиях терпение быстро лопнет у любого, даже самого закаленного ээка. Борис отказался наотрез ходить и

расписываться в журнале каждые два часа. Тогда ему стали подсовывать журнал вечером, чтобы он за весь день „оптом“ расписывался. Борис отклонил и это заманчивое предложение. Тогда его отправили на 15 суток в ШИЗО, где собачий холод, кормят одной сечкой да перловкой, а постель уносят в пять утра. Сидеть можно только на табуретке, а прилечь запрещается категорически.

Едва Борис отбыл это наказание и вернулся в отряд, как к нему опять с журналом: отмечайся как положено! Он начал возражать, тогда ему пригрозили новым сроком в ШИЗО, а затем и в СУС. СУС – это такие строгие условия содержания в отдельном бараке, где не разрешают свободное перемещение и прогулки по лагерю, где усиленный надзор, а свидание раз в году. Дачка – тоже.

В таком вот противостоянии один на один с этой гнилой и фашистской системой мы и застали Бориса Стомахина. Естественно, он был расстроен, но совершенно непреклонен: „Ничего им подписывать не буду. Отмечаться ходить – тоже!“ И уговоры Регины Леонидовны никакого действия тут не возымели...

В Перми есть свои правозащитники из ОНК. Мы им писали, предупреждали, что везут в их края политзаключенного из Москвы. Они посетили колонию не так давно, радикальный публицист даже стоял перед ними в общем строю тогда. Но слона-то они, как говорится, и не приметили. Развернулись и ушли, ничего не спросив. Печально.

Очень бы хотелось, чтобы и московская ОНК все-таки отреагировала на бурную деятельность склонных к „профилактикам“ полицаев с их журналами и спецусловиями для отдельно гнобимых политэков. Зона-то здесь скорее „красная“, „сучья“, то есть стукаческая. Местные уголовнички, сотрудничающие с администрацией, уже начали наезжать на Бориса в связи с участвовавшими у них шмонами. „Это из-за тебя нас шерстят, – сказали уголовнички, – ходи и расписывайся, как велют, а не то мы с тобой разберемся“.

04.10.2014

СЕРГЕЙ КОВАЧ

О существовании Бориса Стомахина я узнал в самом конце 2005 г., случайно наткнувшись на его газету „Радикальная политика“ на сайте РКО по ссылке с партийного сайта ДС Новодворской. Это было еще до его первого ареста. Многие упрекают Бориса в чрезвычайном радикализме, кто-то называл его даже провокатором. Сама Валерия Ильинична Новодворская не очень лестно отзывалась о Боре. Но все это меня не остановило тогда. Я же, в отличие от обвинителей Бориса, увидел в нем талантливого публициста и очень смелого человека.

Я знал о том, что Борис находился в то время в розыске. Об этом тогда всюду писали нацистские подонки, угрожавшие Борису и его матери расправой на своих сайтах. В то же время слышал и о том, что Борис вроде как находится в Украине, – во всяком случае, о том, что он попросил политическое убежище в Украине. Увы, реальность оказалась гораздо хуже. Борис в то время жил в Москве, в своей собственной квартире, и в конце концов он был арестован. Мне довелось перед арестом Бориса не только читать его статьи, но и пообщаться с ним лично по электронной почте. Конечно, было бы неправдой сказать, что я принял и принимаю все идеи высказываемые Борисом. Нет, далеко не все и не сразу. Я не раз спорил с ним, высказывал свое мнение по ряду моментов. Одно могу сказать точно – по ключевым вопросам Борис оказался прав. И по поводу того, что РФ не что иное, как империя, не подлежащая модернизации, и по поводу лживости многих псевдооппозиционеров а la Немцов Борис также оказался прав...

И вот сегодня Борис вновь за решеткой во второй раз. И ему грозит новое, уже третье дело. И новый срок. И, как и в 2006-м, на его стороне горстка сторонников и защитников. Тем паче что в этом году умерла Валерия Ильинична Новодворская, защищавшая его во время первого суда. А часть ближайших друзей были вынуждены эмигрировать в Украину. И дай бог им, конечно, там получить политическое убежище и устроиться как можно лучше,

чтобы не вышло, как у Бори в 2004 г. Борис, пожалуй, самый яркий радикальный публицист нашего времени. И при этом он словно человек-невидимка. Его не замечают ни статусные правозащитники, ни политики-оппозиционеры. Как говорится, нет места пророку в своем отечестве. Да и можно ли помочь как-то реально политзаключенному в наше время. Разве только морально. Что ж, пусть же Борис знает, что о нем помнят и его освобождения ждут друзья. Я лично за себя скажу: я помню и жду. И в том, что никакие испытания и трудности не способны сломить и заставить сдаться Бориса, у меня нет никаких сомнений. Как говорил Ницше, „что нас не убивает, делает нас же сильнее“.

ГЛЕБ ЭДЕЛЕВ

ВЕЧНЫЙ ШТРАФНИК

Вечером 26 октября наша маленькая правозащитная группа доехала до станции Всесвятская, где в колонии строгого режима ИК-10, находится политзаключенный Борис Стомахин, осужденный за экстремизм и „публичное оправдание терроризма“, а по сути – за ненасильственное выражение своего мнения.

Мы с адвокатом Романом Качановым добрались до советского типа гостиницы, принадлежащей, как и все в поселке, ФКУ ИК-10, являющейся поселкообразующей конторой. В состоянии полной недееспособности завалились спать. Добираловка – 3 электрички, 2 пересадки – бодрости духа отнюдь не способствовала. Наша родная „РЖД“ сократила дни следования единственного поезда, проходящего через станцию Всесвятская, и мы на него не успели.

Но не все так плохо. Это наш второй приезд в эту колонию, и за месяц тут кое-что изменилось к лучшему. Наконец появилась мобильная связь от МТС! И даже интернет имеется! Есть пара

магазинчиков и почта. Утром мы отправились в колонию добиваться свидания с осужденным Стомахиным. Качанов – как адвокат, я – как гражданский представитель и эксперт правозащитной организации.

Проблем с оформлением документов не возникло ни сейчас, ни в первый раз. В этом вопросе колония вполне может претендовать на звание образцовой. Все строго по закону. Даже диктофон с фотоаппаратом адвокату разрешили пронести.

И вот один КПП, второй... Мы внутри! Зашли в комнату для свиданий. Небольшое помещение, стол, пара стульев, скамья у стены. В углу клетка для осужденных, которые могут представлять опасность для окружающих. Заходит Борис. К счастью, в клетку его не сажают, и мы можем общаться нормально.

Оглядываю Бориса. Он сильно похудел, но настроен бодро. Все лицо и руки в каких-то ссадинах (потом мы узнали, из-за чего они возникли). Интересуется тем, что происходит на воле. У него информационный голод, новости почти не доходят. К сожалению, время свидания ограничено и на разговоры его нет. Так что переходим к делу. Борис в колонии чуть больше двух месяцев, а его уже третий раз помещают в штрафной изолятор (ШИЗО) за нарушения режима.

В первый раз его привлекли к дисциплинарной ответственности за то, что он якобы общался с сотрудниками колонии грубо и на ты. Сам Борис это отрицает. Зная Бориса, я в это не верю. Несмотря на радикальные тексты, он в реальной жизни на редкость культурный, мягкий человек. О таких говорят „мухи не обидит“. Да и на ты он мало с кем общается. И сотрудники колонии в этот круг общения точно не входят. Отсидев 15 суток ШИЗО с 8 по 23 сентября, уже 1 октября он отправился на очередные 15 штрафных суток – в этот раз за отказ от работ по благоустройству колонии. Тот факт, что Борис по своему здоровью не может выполнять какую-либо работу, администрацию колонии не волнует.

16 октября он выходит из ШИЗО... и уже 22 октября возвращается обратно. Основание все тоже: отказ от работ. Последний срок заканчивается 1 ноября, через 10 суток. Но не

потому, что администрация колонии смягчила к нему свое отношение, а потому, что после отбытия очередного наказания, Бориса отправляют на 9 месяцев в ОСУОН (отряд строгих условий отбывания наказания).

Колонию строгого режима, где отбывает свой второй срок Стомахин, и так курортом не назовешь. А накладываемые на него постоянные дисциплинарные взыскания улучшению его здоровья явно не способствуют. У Бориса проблемы с позвоночником, постоянные боли в боку, он с трудом передвигается, опираясь на палочку. Сколько бы ШИЗО ему не назначили, работать он все равно не сможет. Калека не станет здоровым человеком.

При этом формально Борис считается полностью здоровым. Справку из Буреполома, где Стомахин отбывал свой предыдущий срок, администрация колонии, на мой взгляд, полностью игнорирует. А новых медицинских документов у него нет, так как обследовать его никто не собирается.

Впрочем, дисциплинарными взысканиями проблемы Бориса Стомахина не ограничиваются. Его поставили сразу на три вида так называемого профилактического учета: как экстремиста (что формально еще можно понять), человека, склонного к суициду (хотя ни одной попытки самоубийства у него за всю жизнь не было), и как лицо... СКЛОННОЕ К ПОБЕГУ! У руководства колонии явно богатая фантазия! Хотел бы я посмотреть, как человек, до этого ни разу не совершавший даже попытки побега, который и ходить-то толком не может, сбегает из серьезно охраняемой колонии строгого режима!

Профучет не пустая формальность! Как лицо, склонное к суициду, он находится под особым контролем со стороны сотрудников колонии, а как лицо, склонное к побегу, до недавнего времени он каждые 2 часа должен был отмечаться, подтверждая свое присутствие.

В последнее время по этому поводу его уже не беспокоят. Может, сказалась настойчивость его мамы, объяснившей начальнику колонии, что уж в этом вопросе он полностью не

прав, может, подействовали адвокатские запросы, но хоть это издевательство над Борисом пока прекратилось.

Однако методов давления на заключенного в колонии хватает. Борису не дают присланное мамой одеяло и другие теплые вещи, а ведь сейчас уже самая настоящая зима! В штрафных камерах холодно, днем ложиться нельзя, только сидеть или ходить. И это с его больными ногами! Иначе как пыткой я это назвать не могу. Не принимают книги. А ведь это – нарушение закона!

Общаясь с Борей, я все время поглядываю на его изъеденные лицо и руки, которые он машинально почесывает. Наконец решаю. Спрашиваю, что с ним такое произошло. Он рассказывает, что, когда был на бараке, сильно страдал от вшей и клопов. В ШИЗО их нет. Похоже, что они там не выживают. И вообще уже все почти зажило, так что на это он внимания не обращает. Я прошу адвоката сфотографировать эти „почти зажившие“ укусы.

Время нашего свидания заканчивается. Мы прощаемся с Борисом. Его отводят в камеру, где он сидит один, а мы, пройдя через КПП, возвращаемся в ясный зимний день, на волю.

29.10.2014, ст. Всесвятская – Екатеринбург

ВИКТОР КОРБ

БОРИС БЛАЖЕННЫЙ

Борис Стомахин – настоящий русский юродивый, блаженный от слова „благо“, сумевший доиграть пьесу жизни до состояния мощного культурного образа, не уступающего своему мифически-историческому прототипу Василию. Только Борис советует велеть не резать маленьких детей, а... взять их в заложники, как это делали Путин с Басаевым. И чередование имен царей и блаженных лишь усиливает эти глубокие и мрачные ассоциации. Если бы Борис был верующим, из его уст парафраз „Нельзя

молиться за народ-ирод: богородица не велит!“ звучал бы вполне органично и на пределе драматизма, но его опередили коллеги по блаженству Pussy Riot, опростив месседж...

Радикальность мыслей и текстов Бориса Стомахина у большинства вызывает отторжение и страх. Особенно при первом, неподготовленном восприятии. Впрочем, и при втором и последующих тоже... Естественная реакция на непонятное и страшное – назвать это ненормальным. Признать Стомахина сумасшедшим пытались не раз и его враги, и его друзья. Первые – в расчете быстрее и проще уничтожить его – и духовно, и физически. Вторые – в тщетных и абсурдных надеждах спасти от уголовного преследования. Стомахина можно было бы назвать современным Чаадаевым, но он, сравнившись по силе начального интеллектуально-нравственного импульса личного противостояния системе, заметно обошел того по твердости духа и последовательности в отстаивании убеждений. И да, Стомахина, в отличие от Чаадаева, не признают сумасшедшим ни врачи, ни властители.

Он не сумасшедший, но, конечно, он человек не от мира сего. Человек, остро чувствующий коренную и системную несправедливость окружающего мира и не способный мириться с этой несправедливостью, даже под угрозой невыносимых лишений, даже при прямой угрозе жизни.

Как всякий юродивый он эпатирует публику. Но его эпатаж – стократ чище и ярче привычных, видимых форм вроде рубищ или наготы. Его нагота – духовная, этическая. Это нагая Правда. И, как всякая настоящая правда о жестоком мире, правда Стомахина страшна своей беспощадной жестокостью, отсутствием полутонов и недомолвок.

Борис Блаженный находится в острейшем конфликте со всеми игроками российского театра абсурда: и с царями, и с палачами, и с бессмысленно-беспощадным агрессивно-безмолвствующим народом. И обращается он вовсе не к этому формальному народу, народонаселению государства российского, который он именует не иначе как „биомассой“, – он взывает к т. н. „малому народу“, своим духовным единомышленникам, самым умным и сове-

стливым в России и за ее рубежами. Но и до них его страстные возгласы не доходят, и он в полной мере ощущает себя вопиющим в пустыне...

12.08.2013

О Борисе Стомахине до 2011 года я имел лишь общее представление – как об одном из наиболее радикальных публицистов, узнике совести путинского режима. В апреле 2011 г. поздравил Бориса с освобождением после первого пятилетнего срока. Летом того же года подтвердил согласие на перепечатку моего эссе „Договор vs. Норма“ в бюллетене „Радикальная политика“, что затем послужило поводом для резонансного „Дела об экстремистских материалах“ в Центральном суде Омска (когда в список авторов-экстремистов попали даже экономист Владислав Иноземцев и президент РФ Дмитрий Медведев). В начале 2013 г. я инициировал сбор подписей под петицией „Нет преследованиям за мысли и слова!“, организовал Фонд гражданской самозащиты для сбора средств в поддержку узников совести, отвергнутых „официальными правозащитниками“. В августе 2013 г. создал Международный комитет защиты Стомахина.

ХРОНИКА ВТОРОГО ПРОЦЕССА

БОРИСА СТОМАХИНА

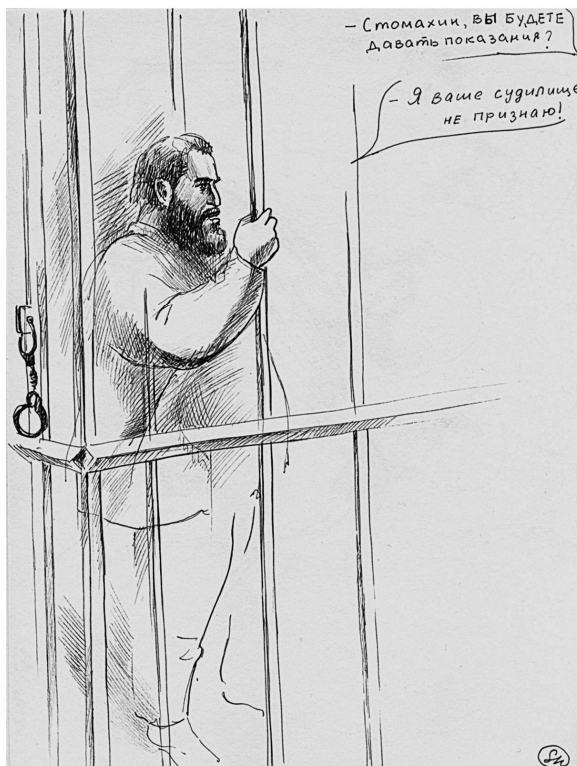
РИСУНКИ СВЕТЛАНЫ ГОФМАН

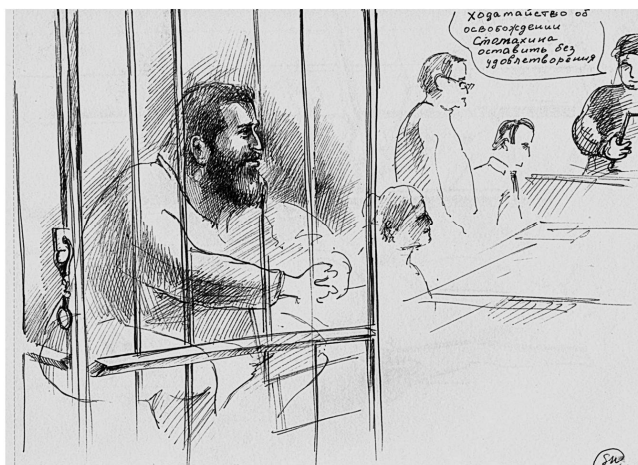
сентябрь 2013 г. – апрель 2014 г.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Стр. 212 – Портрет Бориса Стомахина.

Стр. 213 – Мать Бориса, Регина Стомахина.

Стр. 214 – Приставы.

Стр. 215 – Разговор с адвокатом Бородиным в перерыве судебного заседания.

Стр. 216 – Стомахин: Я ваше судилище не признаю!

Стр. 217 – Судья Ковалевский: Ходатайство об освобождении Стомахина оставить без удовлетворения!

Стр. 218 – Сверху. Прокурор: Прошу Стомахину 10 лет в колонии строгого режима! Снизу. Санникова: Сажать за слово нельзя!! Это все равно, что гасить огонь керосином. Он теперь известен, его тексты читают. Нашему обществу не хватает милосердия!

ДОПОЛНЕНИЕ

Борис Стомахин

ОБРАЩЕНИЕ К НЕМЕЦКИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие немецкие читатели!

Вы живете в нормальной стране – и этим сказано все. Конечно, у вас немало проблем, но ваша страна, ваша государственность, цивилизация, образ жизни – это один из вариантов нормы в современном мире. Короче говоря, вы на правильном пути.

Не то в России. Она – антипример, образец того, как не надо жить. Столетия жесточайшей диктатуры, последним аккордом которой была страшная большевистская антиселекция, когда лучших массово, тотально, целыми общественными стратами истребляли, оставляя жить и плодиться лишь худших, лишь стукачей, палачей, вертухаев и беспринципных приспособленцев, – окончательно превратили население России в стадо рабов, недостойное называться народом. Рабство – вот суть „загадочной русской души“, которую столько веков никак не может понять Запад.

Изуверская варварская жестокость власти, традиционно считающей себя в России сакральной, непогрешимой, несменяемой и не подконтрольной никому, встречает снизу лишь рабскую покорность быдла и готовность по первому приказу этой власти напасть на любую соседнюю страну или начать травлю любого меньшинства в самой России – национального, сексуального, религиозного и т. д.

Психоз оголтелого имперского реваншизма, не считающееся с реальностью стремление восстановить СССР является в нынешней России национальной идеей, всеобщим консенсусом, массовым стремлением миллионов (искренне считающих, что независимость соседних стран – это какое-то временное недоразумение), точкой пересечения устремлений власти, ее рабов и культурной «элиты». Не стоит забывать также, что захват как минимум всей Европы был – и по сейчас остался – тайной, не называемой до времени вслух целью

Кремля, ради которой он развязал WWII [Вторую Мировую Войну] и имеет по сей день возможность развязать WWII.

Немногие русские, не согласные с этими варварскими планами, имеющие совесть и не боящиеся возвысить свой голос против агрессивного реваншизма Кремля, сидят в русских тюрьмах и лагерях. Те, кто еще жив, подвергаются там жесточайшему давлению. Но в рядах живых – увы – уже не все из русских диссидентов...

Правительства Запада любят „стабильность“, опасаются резких перемен, нуждаются в русском газе, боятся потерять прибыль из-за санкций – в этом кроется причина их конформизма, их терпимости к Путину и его рейху. Но, к счастью, есть народы Запада, его простые люди, имеющие совесть, сострадание к жертвам тирании и насилия, а главное – чувство собственного достоинства. Эти простые люди всё еще составляют в Европе большинство, всё еще могут диктовать свою волю правительствам и президентам своих стран – и в них вся наша надежда. Ибо единственный способ остановить эту чуму, прущую с Востока, – это всем цивилизованным народам Запада заставить свои правительства порвать с Путиным, изолировать его режим, в идеале – заставить его уйти. Выборы, митинги, пресса – годятся все цивилизованные методы, чтобы воля простых немцев дошла до депутатов и министров: массовый убийца, гангстер и международный террорист №1 не должен въезжать на территорию ЕС и не должен править Россией, а на смену русскому газу – орудию кремлевского шантажа – должны быть найдены другие источники энергии.

Готовящаяся сейчас уже третья – с 2006 года – судимость за „экстремизм“ (инакомыслие), надеюсь, дает мне право из нынешних путинских застенков прямо сказать в глаза немецкому народу: регулярные визиты Путина в Германию, его регулярные встречи с Ангелой Меркель на территории ЕС – это ПОЗОР! Позор вашей страны. Позор всей Европы. И позор лично Ангелы Меркель, с каким бы уважением я ни относился к ней прежде. Почему, интересно, Черчилль и Рузвельт не приглашали Гитлера лично обсудить с ними „режим прекращения огня“ ни в Африке, ни на Волге?..

Нынешние санкции ЕС против Москвы за захват Крыма и агрессию в Донбассе – половинчатые, слабые, жалкие и ничтожные. Их надо не отменять, а всемерно усиливать, поставив жестким условием не только

вывод войск Москвы из Восточной Украины, но и возврат Украине Крыма. Бизнесу и простым гражданам ЕС, увы, придется пожертвовать частью своих прибылей, привычного комфорта и уровня жизни, затянуть пояса потуже – и этим постоянно запугивает и спекулирует Москва. Но ситуация такова, что пожертвовать частью абсолютно необходимо – чтобы спасти целое, чтобы сохранить саму жизнь и цивилизацию западных народов, чтобы не повторилось нашествие красноезвездных орков, изнасиловавших два миллиона немецких и польских женщин...

Решительно, бескомпромиссно – вплоть до повторения операции против Милошевича в 1999 году – выступая против кровавого режима Москвы, немцы и все европейские народы всего лишь спасали бы себя, защищали бы от варваров свою жизнь и свободу. Другого пути спасти их не существует – и усилия надо удвоить, утроить, учетверить! Увы, пока этого нет... Сидящие в путинских тюрьмах российские диссиденты являются в этом естественными союзниками западных народов – и надо заставить правительства ЕС образовать с русскими диссидентами общий фронт против путинщины и имперского реваншизма Москвы. Угроза серьезна как никогда с 1991 года – и спасение жизни русских диссидентов есть для Запада залог и необходимое условие его собственного спасения...

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился я 24 августа 1974 в интеллигентстской семье. Никто из моих родственников не состоял в КПСС и не участвовал в диссидентском движении.

В 1991 году окончил (без троек) среднюю школу, в 2000-м – Московский государственный университет печати. Политизированным ребенком я был с раннего детства – и сразу после школы, с 1991 года, начал активно участвовать в общественной жизни, ходя на все проводившиеся тогда в Москве митинги, шествия, пикеты и прочие уличные мероприятия.

С 1994 года начал писать на политические темы и печататься в «неформальной» малотиражной прессе. В декабре 1995 пытался устроиться корреспондентом в «Московский комсомолец». В 1996 ради возможности сотрудничать в газете «Рабочая демократия» вступил в группу «Комитет за рабочую демократию и международный социализм» (КРДМС), издававшую эту газету. В марте 1998 на очередном съезде группы был даже избран в её исполком, но уже в августе 1998 отстранен от участия в нем, а в январе 1999 исключен из самого КРДМС. Кроме моего идейного несовпадения с левыми взглядами группы (либеральное понимание свободы и защита прав меньшинств), важнейшую роль тут сыграла личная неприязнь ко мне ее руководителя.

В марте 1999, используя бренд некоего объединения для контактов между левыми организациями, в попытке создания которого участвовал в 1998, создал в Москве группу «Революционное контактное объединение», просуществовавшую до 2004, и стал ее сопредседателем. Первым ее публичным шагом – по моей инициативе – стала поддержка начатой в марте 1999 операции НАТО против режима Милошевича – вопреки всеобщей его поддержке и антизападной истерии в РФ. Первое (написанное мной) заявление с резким протестом против назначения премьер-министром РФ Путина – «третий премьер подряд – и всё из КГБ! Тенденция, однако...» – РКО опубликовало прямо в день его назначения, 9.8.1999, т. е. фактически первым в стране.

С началом осенью 1999 русско-чеченской войны я вступил в созданное еще в 1996 Российское движение за независимость Чечни (познакомившись с его участниками на первом же антивоенном пикете) и активно включился в антивоенную кампанию, организуя по маркой РКО–РДНЧ антивоенные пикеты, петиционные и листовочные кампании, участвуя в митингах, шествиях и пр. мероприятиях умеренной «оппозиции» по чеченской теме. За несанкционированные уличные акции неоднократно задерживался милицией, административно осуждался к штрафам (которых не платил). С начала 2000-х и до перехода на нелегальное положение в 2004 состоял также в Атеистическом обществе Москвы.

С конца 1997 и до 2003 был корреспондентом «Левого информационного центра» (ЛИЦ) – агентства, собиравшего и публиковавшего эксклюзивную информацию о деятельности российской политической

оппозиции; использовал ЛИЦ и для публикации сведений о деятельности РКО и антивоенного движения. С 1.1.2003 ЛИЦ прекратил свою деятельность.

Первый обыск у меня на квартире прошел 13.2.2001. Уголовное дело, как выяснилось, было заведено еще 17.11.2000 по публикациям на сайте РКО, домашний телефон тайно поставлен на прослушку. Вменялись статьи 280 («публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»), бывшая 70-я статья УК РСФСР «Антисоветская агитация и пропаганда»). 129 («клевета») и 319 («оскорбление представителя власти»), причем под жертвой «клеветы» и «представителем власти» подразумевался Путин. Дело вела ФСБ, таскавшая на допросы не только руководителей РКО, но и редакторов газеты РДНЧ «Сепаратист», печатавшей наши материалы с дружественными комментариями. Однако в августе 2001 дело было закрыто без предъявления кому-либо обвинений.

В июне 2000 основал газету «Радикальная политика» и стал ее главным редактором. С лета 2001 стал печататься на сайте чеченского, а затем общекавказского Сопrotивления «Кавказ-центр», поддерживая борьбу Ичкерии за независимость от „РП“ и пытаюсь – вопреки ислаимизму редакции сайта – налаживать идеологические мосты между чеченскими моджахедами с одной стороны и либеральной интеллигенцией Москвы и Санкт-Петербурга, а также с еврейской общественностью – с другой. В марте 2005 создал интернет-газету «Сопrotивление» для публикации документов и материалов антипутинской радикальной оппозиции и национально-освободительных движений бывших и нынешних колоний РФ.

«Радикальную политику» же, ставшую в первой половине нулевых одним из самых радикальных некоммунистических оппозиционных изданий, в 2002 президент Чеченской Республики Ичкерия Аслан Масхадов упомянул в одном из интервью как единственное в России издание, пишущее правду о русско-чеченской войне. Раздавалась она бесплатно на митингах и пикетах (изредка – продавалась), к 2005 расходясь уже в 12 регионах РФ, – и на нее постоянно писались доносы! В частности, после раздачи на одном из митингов в августе 2002 донос был написан депутатом Госдумы Владимиром Лысенко. В результате было заведено очередное уголовное дело по ст. 280 и 282 (разжигание

розни или вражды). Вела его также ФСБ, меня трижды вызывали на допросы, но в июле 2003 дело было также закрыто.

Однако уже в ноябре 2003 – опять по доносу, но на сей раз не депутата, а полоумной пенсионерки, случайно прочитавшей РП, – прокуратурой Северо-Восточного округа Москвы было заведено новое дело по тем же статьям 280 и 282. До весны 2004 оно лежало без движения, но после акции радикальной оппозиции 23.2.2004 на Лубянке в память 60-летия депортации чеченцев и выхода в крупном литовском еженедельнике *Laisvas Laikrastis* („Свободная газета“) моей статьи о скупке Россией экономик соседних стран как угрозе их независимости – стало быстро раскручиваться. Включены в него были 2 номера „РП“ за 2008 и 2 – за февраль и март 2004, купленные у меня на антипутинском предвыборном митинге в марте 2004 специально подосланным агентом с фотоаппаратом. Обыск на квартире был проведен 12.4.2004, на следующий день – допрос, подписка о невыезде и направление на амбулаторную психэкспертизу в институт Сербского. После проведенного по совету правозащитников освидетельствования в Независимой психиатрической ассоциации, признавшей меня здоровым, – следствие для устрашения провело в офисе НПА обыск. Предчувствуя возможность психиатрических репрессий по образцу 70х годов, я решил уехать из России, но не имея загранпаспорта, мог выехать не дальше Украины, где и обратился за получением убежища. Однако чиновники тогдашнего президента Кучмы, сидевшие в горадминистрации Винницы (город был выбран как не имеющий российских посольств и консульств) в июле 2004 даже не стали рассматривать мою просьбу по существу, дабы не портить отношения с Москвой. После этого, в ночь на 1.8.2004, я вынужден был нелегально вернуться в РФ, перейдя границу пешком по шпалам, и 20 месяцев нелегально прожил в Москве, находясь в международном розыске, не посещая по этой причине никакие общественные мероприятия, но продолжая издавать „РП“.

21.3.2006 был арестован в своей квартире после целого дня осады ее ментами. Пытался спуститься по веревке из окна, с четвертого этажа, однако веревка оборвалась, я получил при падении перелом позвоночника, правой ноги и сотрясение мозга. Пролежав в тюремной больнице на „Матросской тишине“ не вставая больше двух месяцев, стал фактически инвалидом (хотя всеми тюремными врачами-сидистами

с тех пор неизменно признавался здоровым). В июне 2006 года этапирован в московское СИЗО №5 и провел там год.

20 ноября 2006 года был осужден Бутырским районным „судом“ Москвы к 5 годам лагерей общего режима. Полгода ждал рассмотрения кассации в Мосгорсуде, оставившем приговор без изменения. В июне 2007 этапирован в Нижний Новгород, оттуда – в концлагерь Буреполом (300 км. от Нижнего), где и находился до конца срока 21.3.2011.

Во время этапа выяснилось, что накануне его, 6.6.2007, в Нижнем прокуратурой возбуждено еще одно уголовное дело по ст. 282 – по факту обнаружения пачки „РП“ в крупном офисном центре. В 2007 – сразу по приезду в лагерь – и в 2009 следователи приезжали допрашивать меня как свидетеля, но я отказывался давать показания – и дело было закрыто. В лагере я не прекращал борьбу – постоянно по нелегальным каналам передавал на волю для публикации в Интернете тексты и стихи политического содержания. Тексты публиковались в том числе и на „Кавказ-центре“, что не могло не вызывать ярости ФСБ – и за это по приказам лагерного начальства я регулярно подвергался прессингу и угрозам со стороны уголовников. Также вёл и через регулярные длительные (3 дня) свидания с матерью передавал на волю лагерный дневник, который после освобождения, в ноябре 2011, опубликовал в Интернете под заголовком „Буреполомский дневник“.

В 2009 году группой моей поддержки в Москве был выпущен сборник „Политзаключенный Борис Стомахин“, в который были включены публикации СМИ о моем деле и приговоре, а также большой анализ приговора Кириллом Подрабинеком. В 2010 году на всемирном съезде чеченцев в (...) Ахмедом Закаевым был подписан указ о присвоении мне гражданства Чеченской Республики Ичкерия. Это был ответ на мое заявление с просьбой о гражданстве, написанное еще в июле 2006 года, в камере СИЗО-5 Москвы, в знак солидарности с борющимся чеченским народом сразу после получения известия о гибели Шамиля Басаева.

Освободившись в марте 2011 года, продолжил выпуск „РП“, раздачу ее на митингах в Москве и рассылку по регионам, а также возобновил работу сайта „Спротивление“. В этот период сайт, некоторые номера „РП“ и публицистические тексты были включены судами разных городов РФ в так называемый „федеральный список экстремистских материалов“, созданный в 2008 году и висящий на сайте Минюста.

Впрочем, номер „РП“, найденный в Нижнем, был включен тамошним судом в этот список еще в 2008 году, а включение текстом московскими судами продолжалось регулярно до июня 2014 года.

Осенью 2012 года я выдвинул свою кандидатуру в избираемый впервые интернет-голосованием Координационный совет оппозиции. Однако через месяц после регистрации был – под давлением некоторых „вождей оппозиции“, заправлявших этими выборами и испытывавших ко мне давнюю личную неприязнь – исключен из списка кандидатов под формальным предлогом судимости за „экстремизм“ и надуманным – несовпадения моих взглядов на тактику оппозиции со взглядами этих „вождей“. Скандал (кроме меня, исключили еще двоих кандидатов) был настолько громкий, что мою фамилию упоминал, высказываясь как бы в мою поддержку (точнее, конечно, в ехидный упрек проводящей выборы верхушке „оппозиции“) генсек путинской „Единой России“ на заседании Госдумы.

20 ноября 2012 года – в годовщину первого приговора – был вновь арестован у себя дома по уголовному делу, заведенному, как выяснилось при обыске и аресте, еще 10.7.2012 по статьям 205.2 (публичные призывы к терроризму или его публичное оправдание) и 282. В ходе дела в обвинение была добавлена и 280 статья. Возникло это дело опять же по доносу – еще 25.1.2012 – на сей раз „публициста“ Носикова с сайта Михаила Леонтьева „Однако“. Содержался в СИЗО „Медведково“ (№4), проведя там 1 год и 8 месяцев. Обвинение переделывалось БУтырским филиалом Следственного комитета, ведшим дело, 5 (!) раз. В августе 2013 был создан Международный комитет защиты Стомахина, в который вошли представители РФ, США, Франции, Англии, Германии, Польши, Финляндии, Грузии, Эстонии, в том числе знаменитые советские диссиденты Владимир Буковский и Наталья Горбаневская (умерла в ноябре 2013 года). В дни моего рождения в 2013 и в 2014 годах этот Комитет проводил международные акции солидарности со мной под названием World Stomakhin Day (WSD). В ноябре 2013-го друзьями была предпринята попытка получения для меня грузинского гражданства, даваемого всем желающим президентом Грузии Михилом Саакашвили в последний день его полномочий, – но из-за технических накладок эта попытка не удалась.

В ходе процесса, длившегося с сентября 2013 года по апрель 2014 в том же самом Бутырском „суде“, не участвовал, сразу отказавшись признавать не только „вину“, но и так называемый „суд“, законы, которыми он руководствуется, и само преступное государство РФ. 22 апреля был оглашен приговор: 6,5 лет лагерей строгого режима. Сидя в „Медведкове“, не прекращал борьбы, как и предыдущим сроком, передавая на волю тексты, обращения и стихи, публикуемые в Интернете. От всей души приветствовал украинскую революцию в феврале 2014 года и через друзей пытался из тюрьмы вступить в „Правый сектор“, препятствием чему оказалось отсутствие украинского гражданства. С января по май 2014 года написал в тюремной камере брошюру „Азбука свободы“. Осенью 2013 года на мое имя был выписан паспорт гражданина Чеченской Республики Ичкерия (ЧРИ).

После отказа Мосгорсуда в июле 2014 года изменить приговор, я был 5 августа этапирован в концлагерь №10 Пермского края (в непосредственной близости от советских политических лагерей 70-80-х годов), куда прибыл через Киров и Пермь лишь 22 августа. Еще на пересылке в Перми выяснилось, что я поруен особому вниманию местного ФСИНовского начальства, а в лагере с первых же дней был три раза подряд под надуманными предлогами помещен в ШИЗО; после третьего раза переведен на 9 месяцев в „строгие условия отбывания наказания“ (отдельный запираемый барак с решетками) как „злостный нарушитель“; а еще через неделю оттуда – тоже под нелепым и смехотворным предлогом – в „помещение камерного типа“ (крохотная одиночная камера, в которой отбывал и ШИЗО). В общей сложности провёл в одиночке 2,5 месяца.

Тем временем еще 4.4.2014 по доносу депутата Госдумы Сидякина в прокуратуру ФСБ возбудила очередное уголовное дело по ст. 205.2 – по поводу опубликованного в блоге на LJR текста моего заявления из тюрьмы, комментирующего взрывы в Волгограде 29 и 30 декабря 2013 года. После безрезультатных обысков и допросов моей матери (при обыске 10.6.2014 в моей квартире, где живет мать, ФСБ был изъят мой медведковский тюремный дневник, что стало для меня весьма чувствительной потерей), друзей и их родственников – я был 10.12.2014 этапирован в Москву, опять в СИЗО №5. 25.12.2014 следователем было предъявлено – несмотря на железное алиби в виде нахождения в СИЗО

„Медведково“ – обвинение по ст. 205.2. 15.1.2015 была проведена – уже четвертая с 2006 года – амбулаторная психиатрическая экспертиза в больнице Алексева (бывшей Кашенко).

[Тексты Дополнения дошли до издателя уже после опубликования книги, поэтому помещены в конце.]

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие.....	2
Справка: Уголовное преследование Стомахина.....	5

П И С Ь М А

Саакашвили.....	6
Майсурияну.....	11
Агафонову.....	39
Корбу.....	48
Люзакову.....	58
Лаврешиной.....	62
Исаевой.....	80
Маглеванной.....	104
Шесткову.....	114
Строганову.....	116

П Р И Л О Ж Е Н И Е I

Под их дудку плясать я не собираюсь.....	126
Последнее слово.....	137
Бабушка русской революции.....	139
Буреполомский дневник за декабрь 2010.....	142
Распад империи.....	184
Стихи.....	191

П Р И Л О Ж Е Н И Е II

Лаврешина.....	199
Ковач.....	203
Эделев.....	204
Корб.....	207
Рисунки Светланы Гофман.....	210

ДОПОЛНЕНИЕ

Обращение к немецким читателям.....	218
Автобиография.....	220

СПИСОК ИМЕН И ССЫЛКИ

(адресаты писем Стомахина и авторы статей)

Михаил Агафонов – редактор, гражданский активист, политический беженец, член Комитета защиты Стомахина (КЗС).

Ольга Исаева – блогер, политэмигрант, член КЗС.

Сергей Ковач – член Демократического союза (ДС).

Виктор Корб – социолог, журналист, интернет-продюсер, координатор КЗС.

Вера Лаврешина – журналист, гражданский активист, организатор и участник акций прямого действия против путинского режима и в защиту политзаключенных, член КЗС.

Павел Люзаков – журналист, публицист, бывший политзаключенный, редактор газеты ДС „Свободное слово“.

Елена Маглеванная – журналист, правозащитник, политический беженец, член КЗС.

Александр Майсуриян – биолог, публицист, один из лидеров „левого крыла“ ДС.

Михаил Саакашвили – экс-президент Грузии.

Геннадий Строганов – гражданский активист, организатор и участник акций прямого действия против путинского режима, член КЗС.

Игорь Шестков – русский писатель-эмигрант, берлинец.

Глеб Эделев – журналист, координатор Екатеринбургского движения против насилия, эксперт движения „За права человека“.

Дело Стомахина: карта материалов:

http://patriofil.ru/publ/free_boris_stomakhin/21316-case_of_boris_stomakhin_map_of_materials.html

Комитет защиты Стомахина:

http://patriofil.ru/publ/docs/2222-committee_free_stomakhin_materials_and_requisites.html

Дело „Об экстремистских материалах“:

<http://legal-omsk.ru/publ/8-1-0-144>